

Егор Гайдар
ДОЛГОЕ ВРЕМЯ
Россия в мире: очерки экономической истории

Егор Тимурович Гайдар
Долгое время. Россия в мире.
Очерки экономической истории

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961917

Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории: CORPUS; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-092022-8

Аннотация

В работе “Долгое время” автор обосновывает стратегические направления экономической политики России, актуальные для периода написания книги. Фундаментом этого обоснования послужило исследование и обобщение мировой экономической истории от неолитической революции до наших дней. Оно позволило проследить истоки и условия зарождения в Европе такого исключительного явления как современный экономический рост, а также факторы, препятствующие переходу к этому типу роста и использованию его возможностей. Книга предназначена для широкого круга читателей, озабоченных судьбами нашей страны. Целевая аудитория книги – те, кто работает или будет работать в органах власти, вырабатывать и проводить в жизнь решения, от которых зависит развитие России в долгосрочной перспективе.

Содержание

Введение	6
Раздел I	12
Глава 1	12
§ 1. Тысячелетия статичного состояния общества	13
§ 2. Современный экономический рост: понятие и основные черты	15
§ 3. Структурные изменения в обществе	18
§ 4. Национальные траектории современного экономического роста	26
§ 5. Эволюция России на фоне мирового развития двух последних столетий	26
Глава 2	35
§ 1. Исторические условия возникновения марксизма	36
§ 2. “Железные законы истории” и их судьба	39
§ 3. Начало кризиса марксизма	42
§ 4. Конфликт между теорией и “светской религией”	46
§ 5. Ревизия марксизма, вызов постиндустриального развития	47
§ 6. Марксизм и современность. Некоторые выводы	52
Глава 3	57
§ 1. Историческое время	58
§ 2. Доминирующая идеология	64
§ 3. Отставание от лидеров	68
§ 4. Влияние традиций	75
Раздел II	87
Глава 4	87
§ 1. Неолитическая революция	88
§ 2. Переход к оседлости и начало имущественного расслоения общества	91
§ 3. Становление аграрных государств	96
§ 4. Эволюция неупорядоченного изъятия ресурсов в налоговые системы	98
§ 5. Династический цикл в аграрных обществах	103
§ 6. Торговля в аграрном мире	108
Глава 5	116
§ 1. Специфика горских цивилизаций	116
§ 2. Историческая судьба кочевого скотоводства	118
Глава 6	128
§ 1. Природные предпосылки античной цивилизации	128
§ 2. Организация хозяйственной и социальной жизни греческих поселений	132
§ 3. Античный путь эволюции социальных институтов	135
§ 4. Источники внутренней нестабильности античного общественного устройства	142
Глава 7	148

§ 1. Закат античного мира и становление феодальных институтов в Западной Европе	148
§ 2. Специфические институты аграрной Европы. Города и зарождение капитализма	152
§ 3. Великие географические открытия: их база и влияние на создание предпосылок современного экономического роста	159
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Егор Гайдар
Долгое время. Россия в мире.
Очерки экономической истории

© Е. Т. Гайдар, наследники, 2005, 2015

© ООО “Издательство АСТ”, 2015 Издательство CORPUS ®

* * *

Введение

Первые наброски предлагаемой вниманию читателя работы я написал в начале августа 1991 года. Тогда для нас самой актуальной научной, да и жизненной, задачей было не столько понять, чем же был советский социалистический эксперимент на фоне долгосрочных тенденций социально-экономического развития в мире, сколько предугадать, с какими ключевыми проблемами столкнется Россия, стремясь к интеграции в мировую систему рыночных отношений.

Дальнейшее развитие событий – августовский путч, его провал, крах СССР и социалистической системы, трудное начало рыночных реформ – заставило меня надолго отложить работу над этой тематикой.

В свое время Ленин прервал работу над “Государством и революцией”, объяснив это тем, что интереснее делать революцию, чем писать о ней. Ничего интересного и романтического я в революциях не вижу. Мне ближе китайская мудрость: “Не дай вам Бог жить в эпоху перемен”. Но могу засвидетельствовать, что быть активным участником революционных событий и пытаться продолжать научные исследования проблем долгосрочного социально-экономического и политического развития непросто.

Последние 15 лет были для России временем бурных изменений социально-экономической и политической структуры. Рухнули Советский Союз с его тоталитарным политическим режимом и командной экономикой, вассальные режимы в Восточной Европе. Сформировались новые, независимые, государства, границы, установления.

Советский Союз 1989 года, Россия 1992 года и тем более Россия 2004 года – разные страны. В них по-разному организованы экономика, структура собственности, государственные и общественные институты. Крах социализма положил начало длительному периоду институциональной неустроенности, когда старые правила и установления уже не работали, а новые еще не работали и не могли работать: за ними не было традиции, привычности, общественного согласия. Наступило время слабых и неустойчивых правительств, ненадежных денег, дурно соблюдаемых законов – время, когда государство плохо справляется со своими обязанностями по обеспечению законности и порядка именно потому, что не может меняться синхронно с обществом; общество уже ушло туда, где еще нет государства. Такой период всегда тяжел для тех, кто его переживает.

Сейчас, когда я пишу эти строки, основные задачи собственно постсоциалистического перехода в экономике России решены. Рыночные институты, пусть несовершенные, сформированы. Трансформационная рецессия (см. гл. 9) позади. Экономика несколько лет устойчиво растет. Вызывающие тревогу социальные, экономические и политические проблемы остаются, но это уже другие проблемы.

Слабая судебная система, коррумпированный и неэффективный государственный аппарат, слабый банковский сектор лишь некоторые примеры. Но все это проблемы, которые в той или иной мере встречаются и в рыночных экономиках, никогда не переживавших деформаций, связанных с социалистическим экспериментом.

Важный результат тех перемен, которые произошли в последние годы, – возвращение России в современный мир. Это возвращение трудное и противоречивое, отнюдь не триумфальное и еще не вполне завершенное. Перед Первой мировой войной российская интеллигентная и деловая элита уже была частью европоцентристского мира. В последующие десятилетия эти связи прервались или критически ослабли. “Большой террор”, изоляционизм, ксенофобия, шпиономания, жесткое ограничение личных контактов, информационного обмена надолго отделили нашу страну от мира. Но в последние годы мы в мир возвращаемся.

Именно потому, что Россия снова становится частью современного мира, необходимо понимать, как он устроен, как и почему он стал таким, каковы важнейшие тенденции, определяющие мировое развитие, какие над ним нависают проблемы и противоречия.

Перед нашей страной стоят серьезные долгосрочные стратегические проблемы, но важно знать и учитывать, что с похожими проблемами уже сталкивались другие страны, ушедшие вперед по уровню экономического развития.

В обществе, уставшем от перемен, революционных потрясений, политические элиты, пришедшие к власти и обеспечившие хотя бы относительную стабильность, хоть какой-то порядок, получают необычную в истории свободу маневра, даже выбора стратегического курса. Такой свободы никогда не имеют политики, действующие в периоды долгосрочной стабильности социально-экономических и политических институтов или, напротив, в дни бурных, революционных потрясений.

Постсоциалистический переходный период по своей природе исторически короткий. Формирующиеся институты, принимаемые решения, разумеется, могут оказывать долгосрочное влияние на развитие событий в экономике и обществе, но само время сжато, измеряется месяцами, годами, днями и никогда – поколениями.

В политике периода постреволюционной стабилизации заложено объективное противоречие. Оно состоит в том, что стратегические решения, от которых зависит траектория движения страны на поколения вперед, приходится принимать политическим лидерам, только что вышедшим из периода потрясений, смут и кризисов. Оперативный кругозор этих лидеров по необходимости сжат до месяцев, в лучшем случае до нескольких лет (до ближайших выборов), а серьезное обсуждение долгосрочных перспектив кажется непозволительной роскошью.

При выработке стратегии развития страны надо видеть стоящие перед ней проблемы, находить пути их решения. В середине 80#х годов прошлого века в СССР десятки институтов в рамках работы над “Комплексной программой научно-технического прогресса” были заняты обсуждением перспектив развития страны на 15#20#летний период. Почти никто не занимался тем, что происходило сегодня и будет происходить в советской экономике, скажем, в ближайшие 3–9 месяцев. В годы переходного периода ситуация кардинально изменилась. Появилось много интересных материалов, посвященных текущей конъюнктуре, но мало работ, ориентированных на стратегические проблемы развития, долгосрочное прогнозирование¹. Между тем важнейшие проблемы, которые придется решать в России на протяжении следующих десятилетий, – демографическая динамика, изменение возрастной структуры населения, устойчивость пенсионной системы, сдвиги в структуре производства и потребления, обусловленные выходом на постиндустриальную стадию развития, – имеют долгосрочный характер. Чтобы конструктивно обсуждать их, нужны длительная историческая ретроспектива, понимание логики долгосрочных изменений, проблем, порождаемых инерционностью институтов, созданных на более ранних стадиях развития.

Если мы хотим смотреть не назад, а вперед, выработать решения, позволяющие России в XXI в. взять реванш за неудачи XX в., занять достойное место в ряду свободных и преуспевающих государств, надо попытаться понять, в чем состоят уроки, которые можно извлечь из опыта мирового развития, представлять, в каком окружении нам предстоит вырабатывать и реализовывать собственную линию развития. Вот что побудило меня вновь через много лет вернуться к исследованию долгосрочных тенденций мирового социально-экономического развития, поиска места России в меняющемся мире.

¹ Правда, в последнее время такие работы стали появляться (см.: *Мир на рубеже тысячелетий* / Рук. В. А. Мартынов, А. А. Дынкин. М.: Новый век, 2001; Федоренко Н. П. *Россия на рубеже веков*. М.: Экономика, 2003).

Те проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня или столкнемся в будущем, не случайный набор трудностей, связанных с постсоциалистическим переходом, а проявление долгосрочных тенденций. Они тесно связаны с адаптацией к процессу глобальной трансформации социально-экономических и политических структур, получившему название “современный экономический рост”, который начался в XIX в.

Выйдя из постсоциалистического переходного периода, Россия не оказалась в устойчивом стационарном состоянии. Она осталась частью глубокого и масштабного, до сих пор незавершенного и трудно прогнозируемого процесса изменений в организации жизни общества. Если не понять этого, можно сделать немало ошибок при выработке ключевых решений в области социально-экономической политики. Попытка ответить на некоторые вопросы, связанные с интеграцией России в происходящие в мире глобальные процессы, – цель данной книги.

Книга написана для тех, кто интересуется проблемами долгосрочного социально-экономического развития, выработки стратегии развития России в XXI в. Это не публицистика. От тех, кто захочет ее прочитать, требуется желание и умение анализировать большие массивы статистического материала. Однако я стремился сделать ее доступной для любого заинтересованного и образованного читателя, в том числе и для того, у кого нет профильного экономического и исторического образования.

Объем работ, посвященных тенденциям долгосрочного социально-экономического развития, безграничен. Как ни пытаешься расширить круг используемой литературы, он все равно остается неполным. Там, где это возможно, я цитирую либо наиболее известные, широко упоминаемые в научном сообществе работы, либо те, которые доступны читателю в русскоязычных изданиях.

Безбрежность проблематики заставляет максимально ограничивать круг обсуждаемых вопросов. В связи с этим в центре внимания автора книги все то, что связано со стержнем экономической политики – финансами, государственными доходами и расходами на разных стадиях экономического развития.

Эта работа была бы невозможна без статистической революции XX в., радикально увеличившей объем доступных нам знаний о долгосрочных тенденциях развития мира и отдельных стран.

Работы С. Кузнецца, М. Абрамовича, А. Мэддисона, Б. Митчелла, П. Байроша, Р. Голдсмита и многих других исследователей резко расширили возможности сравнительного анализа национальных траекторий развития². Труды исследователей были дополнены системными усилиями ОЭСР, МВФ, Мирового банка, Европейского банка реконструкции и развития, ООН, входящих в ее структуры организаций по формированию длинных рядов статистических показателей, характеризующих социально-экономическую динамику. Не следует переоценивать качество исторической статистики. Чем глубже уходят в прошлое ряды данных, тем они менее надежны, включают все больше неочевидных допущений. Тем не менее тот объем знаний о социально-экономическом развитии, которым мы располагаем, позволяет по-новому посмотреть на тезис К. Маркса, сформулированный в середине XIX в., о том, что более развитые страны показывают менее развитым картину их

² Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. P.: OESD, 1995; Idem. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.: OECD, 2001; Mitchell B. R. *International Historical Statistics. The Americas 1750–1993*. London: Macmillan Reference LTD, 1998; Idem. *International Historical Statistics. Europe 1750–1993*. London: Macmillan Reference LTD, 1998; Bairoch P. *How and Not Why: Economic Inequalities Between 1800 and 1913: Some Background Figures*. Geneva: Librairie Droz, 1991; Kuznets S. *Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread*. New Haven; London: Yale University Press, 1966; Abramovitz M. *Thinking about Growth and other Essays on Economic Growth and Welfare*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991; Goldsmith R. W. *An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire*. New Hawen: Income and Wealth, Series 30. № 3. September 1984; Goldstone J. A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991.

собственного будущего. К середине 50#х годов XX в. этот тезис был серьезно скомпрометирован. Доступные сегодня статистические материалы показывают: развитие идет сложнее, оно не носит линейного характера³. Тем не менее социально-экономические изменения взаимосвязаны и своеобразно, но повторяются в тех странах, которые следуют за лидерами современного экономического роста.

Опыт показал, что тенденции, характерные для развития стран-лидеров, могут радикально меняться. Их трудно прогнозировать. В нашем случае задача облегчается тем, что мы не ставим целью анализ эволюции социально-экономических структур в этих странах. Цель книги иная: на основе опыта развития лидирующих стран выявить ключевые проблемы, которые в ближайшие десятилетия предстоит решать странам догоняющего развития (в том числе России), отстающим от лидеров примерно на 1–3 поколения.

В условиях быстрых изменений индустриального и особенно постиндустриального глобального мира любые попытки прогнозировать детали производственной структуры на длительные сроки малоэффективны. Разумный исследователь не возьмется всерьез обсуждать перспективы целлюлозно-бумажной или полиграфической промышленности в России на несколько десятилетий вперед. Но глубокие сдвиги в социальной сфере, занятости, структуре валового внутреннего продукта, связанные с ними институциональные проблемы, с которыми стране придется рано или поздно столкнуться (если мы сумели остаться в орбите современного экономического роста), – все это можно и нужно рассматривать, опираясь и на анализ нынешних российских реалий, и на опыт стран-лидеров. Этот опыт важен для анализа перспективных проблем, с которыми сталкиваются менее развитые страны (см. гл. 1–3).

Предмет книги – попытка проанализировать этот круг вопросов, использовать накопленный в мире опыт для выработки стратегии следующего этапа реформ в России. Масштабы задачи заставили разбить изложение на два тома. Все, что связано с проблемами глобализации, местом России в мире, долгосрочными изменениями мировой денежной системы, регулированием валютного курса, открытием глобального рынка капитала, изменениями роли торговой и промышленной политики, – тема следующего тома.

Первый том состоит из четырех разных по проблематике и логике, но, на взгляд автора, взаимосвязанных разделов. Первый из них посвящен собственно феномену современного экономического роста, тому, в какой степени можно использовать опыт наиболее развитых стран для анализа стратегических перспектив России. В этом разделе невозможно было обойтись без обсуждения вопроса о том, как марксистские представления о долгосрочных тенденциях развития общества смотрятся на фоне опыта XX в.

Процесс изменения уровня жизни, структуры экономики, расселения, радикально трансформировавший организацию общественной жизни, возникает не из вакуума. В его основе – набор своеобразных институтов, необычных для предшествовавших ему долгосрочно устойчивых аграрных обществ. На рубеже XIX – XX вв. он получил название “капитализм” (кстати, смешение капитализма как набора установлений, открывающих дорогу быстрому экономическому росту, и самого этого роста – основа многих ошибок и недоразумений в литературе, посвященной анализу логики развертывания социально-экономических процессов).

³ Таким образом, нет единого пути, нет всеобщего закона развития. Каждая страна, которая сталкивается с задачами индустриализации, страна догоняющего развития, вне зависимости от того, в какой степени она находится под влиянием британского опыта, в какой-то степени вдохновлена им, в какой-то степени напугана, вырабатывает свой собственный путь к современному обществу. Если это правильно для стран ранней индустриализации, то это в еще большей степени правильно сегодня. Все зависит от времени... Развивающиеся страны неизбежно будут пытаться миновать отдельные стадии развития” (см.: Landes D. S. *The Wealth and the Poverty of Nations. Why Some are so Rich and Some so Poor*. New York; London: W. W. Norton & Company, 1999. P. 236).

Читателю может показаться странным, что в книге, посвященной долгосрочным тенденциям, связанным с современным экономическим ростом и стратегическими проблемами развития России, присутствует раздел, в котором рассматриваются проблемы функционирования аграрных обществ, а также формирования системы институтов, получившей название “капитализм”. Но, на мой взгляд, вне этого контекста невозможно понять специфику траектории развития России, стоящие перед ней ключевые проблемы долгосрочного развития. Поэтому второй раздел книги посвящен факторам, препятствующим ускорению темпов развития в условиях аграрных цивилизаций, тому, как специфические условия европейской эволюции позволили нейтрализовать их действие, открыть дорогу инновациям, сделать их массовое использование неизбежным.

Современный экономический рост приводит к взаимосвязанным социально-экономическим изменениям в странах, имевших на предшествующих стадиях развития различную цивилизационную историю. Это накладывает отпечаток на то, как национальные элиты и общества приспосабливаются к вызовам современного экономического роста.

Третий раздел книги посвящен специфике развития России: от аграрного общества до ранних этапов современного экономического роста и социалистического эксперимента, тем аномалиям, которые стали результатом использования модели развития, опирающейся на формирование командной экономики, проблемам постсоциалистического перехода.

Содержание трех первых разделов автор считает в своем роде расширенным введением к последнему – четвертому разделу книги и к обоим томам в целом. Он посвящен долгосрочным социально-экономическим проблемам, обозначившимся на стадиях высокоиндустриального и постиндустриального развития в странах – лидерах современного экономического роста: это изменение возрастной структуры населения, миграционные процессы, уровень государственной нагрузки на экономику, функционирование и эволюция систем социальной защиты, систем финансирования образования и здравоохранения, изменение способов комплектования вооруженных сил, поиск баланса между устойчивостью и гибкостью демократических институтов. Различные способы решения всех этих проблем накладываются на сегодняшние и будущие российские реалии.

На протяжении последних 15 лет мне пришлось активно участвовать в политическом процессе, в выработке ключевых решений по социально-экономической политике – от размораживания цен и введения конвертируемой валюты в России до проведения радикальной налоговой реформы 2000–2002 годов. Тем не менее предложенная вниманию читателя книга – не мемуары. Я постарался в максимальной степени уйти от дискуссии о том, что в России за эти годы было сделано правильно или неправильно. Много раз и говорил, и писал об этом. Но полностью избежать обсуждения подобной проблематики в главах, посвященных России (см. гл. 8–9), оказалось невозможно.

Эта книга написана не с позиции человека, проработавшего всю жизнь в исследовательском институте. Активное участие в политике, особенно на этапах кризисного развития, переломных моментов истории, когда меняются все социально-экономические и политические структуры, – занятие малоприятное, но оно дает одно преимущество: позволяет сформировать картину мира существенно иную, чем та, которая стоит перед глазами даже очень добросовестного и квалифицированного исследователя.

Личный опыт помогает понимать, что бывает, а чего не бывает в реальной жизни, как устроен процесс принятия принципиальных решений. Если бы у меня была в свое время возможность дописать ту давнюю, начатую в 1991 году, работу, абстрагируясь от этого опыта, сейчас перед читателем была бы совсем другая книга.

Менее всего хотелось бы, чтобы кто-то мог откликнуться на написанное известным афоризмом: «Вся эта теория годна лишь для дискуссии о ней»⁴. Специальная целевая аудитория книги – те, кто работает или рано либо поздно будет работать в органах власти, вырабатывать и проводить в жизнь решения, от которых зависит развитие России в долгосрочной перспективе. По своему опыту, по опыту своих друзей и коллег, работавших или работающих в правительствах (причем отнюдь не только в российских), хорошо знаю, как трудно в череде срочных проблем сохранить видение стратегической перспективы. Надеюсь, что соображения, сформулированные в этой работе, будут полезны тем, кому доведется в первые десятилетия XXI в. формировать стратегию национального развития нашей Родины.

Хочу поблагодарить М. Алексеева, Н. Бажова, Л. Васильева, С. Васильева, Э. Воробьева, М. Домбровского, В. Кудрова, Л. Лопатникова, В. Мау, В. Мельянцева, Б. Миронова, О. Лациса, Л. Радзиховского, С. Синельникова, В. Стародубровского, В. Цымбала, В. Ярошенко, Е. Ясина за то, что взяли на себя труд прочитать и прокомментировать рукопись или отдельные главы, дали ценные советы. Благодарю О. Лугового за неоценимую помощь в работе по сбору и анализу исторической статистики. Благодарю Е. Мозговую, Н. Зайцеву, Т. Лебедеву, Л. Мозговую за помощь в технической работе над книгой и И. Мазеева за помощь в подготовке картографического материала. Эта книга не была бы написана без терпения и помощи моей любимой жены Марии Стругацкой.

Разумеется, ответственность за возможные неточности и ошибки несет автор.

⁴ Лихтенберг Г. *Афоризмы*. М.: Наука, 1965. С. 87.

Раздел I

Современный экономический рост

Глава 1

Современный экономический рост

Выводы относительно экономического будущего представляются, однако, далеко не в столь мрачном свете, как это можно было бы заключить по современному состоянию России. Естественные природные богатства России, ее пространства, труд ее населения, быстрая исправимость культурным и духовным творчеством дефектов невежества и неорганизованности масс представляют такие реальные возможности, которые могут быстро восстановить наши производительные силы, поднять нашу экономику, а с ней постепенно и утраченную политическую мощь. Для этого нужна твердая экономическая политика, оперирующая реальными возможностями, а не социальными устремлениями, для этого с идеологических высот нужно спуститься в гущу жизни и брать ее такой, какова она есть в действительности, а не такой, какой желает ее видеть воображение. Для этого нужно дело, а не фраза и лозунги, хотя бы и очень высокого содержания.

В. И. Гринецкий⁵ Послевоенные перспективы русской промышленности

Если следить за современным миром по первым полосам серьезных газет, он кажется зыбким, постоянно меняющимся. Беспорядки в Ираке, взрывы в Израиле, столкновения в Чечне, напряженность в Кашмире. Если же смотреть за его развитием как бы отстраненно, оценивая происходящее хотя бы год за годом, он представляется устойчивым, даже статичным. Внимательный наблюдатель заметит колебания, связанные с экономическим циклом, обнаружит, что темпы роста мировой экономики изменяются в пределах 2–4 % в год, обратит внимание на плавающие котировки акций, политические катаклизмы в отдельных странах. Но жизнь подавляющего большинства людей – будь то в Мексике, Швеции, Японии или в США – меняется мало. Они, как правило, работают там, где работали два-три года назад, живут, где жили. У них примерно тот же достаток, тот же набор потребительских благ, те же обычаи и нормы поведения. Случаются, конечно, и радикальные изменения организации жизни в отдельных странах, их совокупностях – крушение существовавших режимов, революции, войны. Крупнейшим из таких изменений конца XX в. стал крах социализма в СССР и Восточной Европе. Но это скорее исключения, чем правило. Страны, которые два-три года назад были богаче других, так и остались богатыми, бедные – бедными. В большинстве случаев перемены не более заметны, чем при переходе от одного статичного кадра к другому, соседнему. Именно в таком “коротком” взгляде на мир кроется причина распро-

⁵ Гринецкий Василий Игнатьевич (1981–1919) – выдающийся мыслитель, инженер, преподаватель, организатор отечественного образования, экономист. Профессор, а с 1914 года ректор Императорского Московского технического училища, впоследствии – МВТУ им. Баумана. В 1918 году издал книгу “Послевоенные проблемы русской промышленности”, ряд идей которой, несмотря на ее антибольшевистскую направленность, были использованы на первых этапах советской власти, начиная с разработки государственных планов развития народного хозяйства, основанных на электрификации страны. (Здесь и далее в сносках, отмеченных звездочкой, – прим. ред.)

страненных представлений о неизменности сложившегося в мире порядка, об “отставших навсегда” странах, о “золотом миллиарде”, который никого не пускает в свой круг. Но стоит начать отслеживать происходящее на планете не по годам, а по более крупным отрезкам времени, как картина меняется.

§ 1. Тысячелетия статичного состояния общества

Всего за два прошедших века, время жизни восьми-девяти поколений, в мире произошли беспрецедентные перемены. На их фоне трудно поверить, насколько устойчивыми, статичными были основные контуры общественной жизни на протяжении тысячелетий, следовавших за формированием первых аграрных цивилизаций в Междуречье и долине Нила и их постепенным распространением на Земле.

Уровень душевого валового внутреннего продукта в Риме начала новой эры, в Китае эпохи Хань⁶, в Индии при Чандрагупте⁷ принципиально не отличался от среднемировых показателей конца XVIII в.⁸ (табл. 1.1).

Таблица 1.1. ВВП на душу населения в Китае на начало новой эры и в мире на 1820 год, международные доллары 1990 года⁹

	Год	ВВП
Китай	до н. э.	450
Весь мир	1820	667

Среднедушевой ВВП характеризует не только уровень производства и потребления, но и уклад жизни, занятость, соотношение городского и сельского населения¹⁰. Все это, как будет показано в гл. 4, практически не менялось на протяжении тысячелетий.

⁶ Эпоха Хань, династия Хань – самая длительная династия в китайской истории, просуществовавшая с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э. после династии Цинь и перед эпохой Троецарствия. Правление и институты этой династии считались образцом для последующих. Идеологическую основу составляло конфуцианство. Была существенно продвинута на запад Великая Китайская стена. Связи распространялись вплоть до Древнего Рима.

⁷ Чандрагупта Маурья – первый в истории объединитель Индии, основавший империю Маурьев. Правил ориентировочно с 317 по 293 г. до н. э.

⁸ “Усредненные показатели подушевого национального продукта в ханьском Китае и Римской империи достигали, по нашим ориентировочным расчетам и оценкам, соответственно 340–440 и 300–400 долл. (в относительных ценах 1980 года); урожайность зерновых – 8–10 и 6–8 центнеров с гектара; уровень урбанизации (города с населением более 5 тыс. человек) – 11–12 и 9–10 %, продолжительность жизни – примерно 24–28 и 22–26 лет” (см.: Мельянцева В. *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность*. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 56). В пересчете на международные доллары 1990 года, которые являются базовыми в данной работе, аналогичные показатели составляют 510–660 и 450–600 соответственно. По оценкам Р. Голдсмита, в золотом эквиваленте среднедушевые доходы в ранней Римской империи были несколько выше, чем в Индии в середине XIX в., но значительно ниже, чем в Англии 1688 года или Франции и США 1820 года (см.: Goldsmith R. W. *An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire* // *Income and Wealth. Series 30*. № 3. September 1984. P. 280).

⁹ Здесь и далее под международными долларами подразумеваются доллары *Geary – Khamis* (названы в честь авторов методики), пересчитанные с учетом паритетов покупательной способности национальных валют и приведенные к постоянному уровню цен (в данном случае 1990 года) (подробнее см.: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. P.: OECD, 1995).

¹⁰ Разумеется, экономическая история демонстрирует и существенные отклонения от характерных для большинства стран мира взаимосвязей, но об этом ниже.

Кажется, что мир статичен, почти неподвижен, исторический процесс идет медленно, неторопливо¹¹. Однако в этих неподвижных декорациях возникают и рушатся империи, зарождаются и распространяются мировые религии.

При этом мир отнюдь не единообразен. Особенности цивилизаций определяют разную организацию жизни аграрных обществ. Очевидные примеры: относительно малодетная семья, характерная для Западной Европы начала – середины 2-го тысячелетия, или необычно широкое распространение грамотности в Японии эпохи сёгуната Токугава¹².

Истории известны случаи, когда экономическое развитие внезапно ускорялось, чуть ли не достигая темпов форсированного экономического роста, характерных для Европы XIX в. Наиболее часто упоминаемый пример: ускоренное развитие Китая эпохи Сун¹³ в XI–XII вв., результаты которого произвели столь ошеломляющее впечатление на Марко Поло, выходца из самой развитой части Европы XIII в. Но этот “китайский рывок” носил временный характер. За подобными историческими эпизодами не следовали систематические перемены. Важнейшие черты экономической и социальной жизни на протяжении тысячелетий оставались стабильными, претерпевая лишь медленные, эволюционные изменения.

Время аграрных цивилизаций не было эпохой полного технологического застоя. Человечество обрело водяные и ветряные мельницы, хомут, тяжелый плуг, удобрения, трехпольную систему земледелия. Все эти новшества постепенно распространялись в мире. Шло накопление технологических знаний и навыков, которые становятся базой будущего экономического подъема. Однако по сравнению с двумя последними столетиями темпы инноваций были медленными. Применение новых технологий и инструментов растягивалось на многие поколения.

По мере углубления экономико-исторических изысканий специалисты постепенно сдвигают в глубь веков время, начиная с которого развитие Западной Европы, оставаясь неспешным по масштабам последних двух столетий, ускоряется по отношению к остальному миру. Еще 10–15 лет назад считалось, что ускорение началось на рубеже XV–XVI вв. В своей последней работе один из самых авторитетных экономических историков, А. Мэддисон, предлагает отодвинуть эту историческую веху до X–XI вв.¹⁴

Идет дискуссия о том, насколько Западная Европа конца XVIII в. опережала по своему развитию другие крупные аграрные цивилизации¹⁵. Низкая степень достоверности существующей исторической статистики не позволяет делать однозначные выводы. Однако несомненно, что к этому времени в самых развитых западноевропейских странах – Англии и Голландии – такие показатели, как душевой ВВП, грамотность, доля населения, занятого вне сельского хозяйства, доля городского населения, существенно превышали средний мировой уровень.

¹¹ С. Веддингтон был прав, когда отмечал, что “если бы римлянина периода империи можно было перенести на 18 веков во времени, он оказался бы в обществе, которое без больших трудностей смог бы понять” (см.: Waddington C. H. *The Ethical Animal*. Chicago: University of Chicago Press, 1960. P. 15).

¹² См.: Лещенко Н. Ф. *Япония в эпоху Токугава*. М.: ИВ РАН, 1999. С. 194.

¹³ Империя Сун существовала в Китае с 960 по 1279 г. Правящая династия Чжао. Ее основание положило конец раздробленности Китая после падения династии Тан в 907 г., хотя границы нового государства не были восстановлены полностью по сравнению с предшествующими. Для этого периода характерен бурный интеллектуальный подъем.

¹⁴ Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.: OECD, 2001. P. 51–52. Один из аргументов в пользу предположения об ускорении экономического роста Западной Европы уже в XI в. – заметный рост доли городского населения в ее ведущих странах. За несколько столетий она повышается с характерных для аграрных государств 10–15 % до трети (Англия, середина XVIII в.). Кроме того, в 1500–1800 годах урожайность зерновых по основным регионам Западной Европы увеличилась в 1,5–2 раза.

¹⁵ Байрох в своей работе доказывает, что к 1800 году Китай по душевому ВВП опережал Европу, а Япония и остальная Азия отставали от европейского уровня лишь на 5 % (см.: Bairoch P. *New Estimates on Agricultural Productivity and Yields of Developed Countries, 1800–1990* // Bhaduri A., Skarstein R. (eds.). *Economic Development and Agricultural Productivity*. Cheltenham, 1997. P. 45–64).

Как бы мы ни оценивали динамику западноевропейского развития в эту эпоху, люди, жившие тогда даже в самой динамичной стране, Англии, в своей повседневной жизни вряд ли замечали происходившие в ней перемены. Характерно, что в середине XVIII в. в экономических спорах мелькали оценки важнейших показателей английской экономики, сделанные В. Петти и Г. Кингом за полвека до этого, словно они были способны отразить новые реалии¹⁶. Подавляющая часть мирового населения жила в условиях стабильного, медленно меняющегося аграрного общества, там же производилась большая часть мирового ВВП. В начале XIX в. валовой внутренний продукт Индии и Китая – крупнейших аграрных цивилизаций двух предшествующих тысячелетий – более чем втрое превосходил ВВП Западной Европы.

§ 2. Современный экономический рост: понятие и основные черты

На рубеже XVIII–XIX вв. в Западной Европе начались масштабные социально-экономические перемены, особенно заметные в контрасте со стабильностью и устойчивостью предшествующих тысячелетий (см. *карта 1*). Этот процесс получил – по традиции, идущей от С. Кузнеца, – не слишком удачное, но укоренившееся название “современный экономический рост”¹⁷. Под современным экономическим ростом он понимал существенный, длительный и устойчивый рост производства валового общественного продукта (в расчете на душу населения) на фоне глубоких и быстрых изменений в жизни общества – материальных, социальных и духовных, которые и стимулировали повышение эффективности экономики¹⁸. “В ходе анализа, основанного на условных измерениях национального продукта и его компонентов: населения, рабочей силы и т. п., – пишет С. Кузнец, – родились шесть характеристик современного экономического роста. Первая, и наиболее очевидная, – это высокие темпы роста душевого продукта и населения в развитых странах, многократно превосходящие соответствующие показатели в остальном мире. Вторая характеристика – темпы роста производительности труда, или выход продукции на единицу затрат. Даже когда к труду как основному производительному фактору мы добавляем другие факторы, опять-таки темпы роста оказываются многократно превосходящими соответствующие показатели, наблюдавшиеся в прошлом. Третья характеристика – высокие темпы структурной трансформации экономики. Важнейшие аспекты структурных изменений включают сдвиг от сельского хозяйства в пользу несельскохозяйственных профессий, а в недавнем прошлом – от промышленности в сторону сектора услуг; изменение в шкале производственных единиц и соответствующий сдвиг от частного предприятия в сторону общественной организации хозяйствующих компаний с соответствующими глубокими изменениями в профессиональном статусе труда. К этому можно прибавить сдвиги в некоторых других аспектах экономической структуры (в структуре потребления, в соответствующих пропорциях внутренних и внешних поставок и т. д.). Четвертая характеристика – это стремительные изменения в тесно взаимосвязанных и крайне важных структурах общества и его идеологии. На ум немедленно приходят урбанизация и секуляризация как компоненты того, что социологи определяют как процесс модернизации. Пятая характеристика: при возросших возможностях технологий, в частности в сфере транспорта и коммуникаций (как мирных, так и военного назначения), экономически развитые страны стремятся распространить свое влияние

¹⁶ См.: Phillis D. *The First Industrial Revolution*. Second ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1967. P. 11.

¹⁷ Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread*. New Haven; London: Yale University Press, 1966.

¹⁸ См.: Kuznets S. *Modern Economic Growth: Findings and Reflections* // The American Economic Review. Vol. 63. Issue 3. June 1973. P. 248, 249.

на весь остальной мир, таким образом делая его единым в том смысле, в каком это не было возможно ни в какую из предшествующих современной эпох. Шестая характеристика: распространение современного экономического роста, несмотря на его частные эффекты, проявляющиеся в общемировом масштабе, ограничено тем, что уровень экономического производства в странах, где проживает 3/4 мирового населения, по-прежнему не дотягивает до минимального уровня, который возможен при современных технологиях¹⁹.

Современный экономический рост разительно отличается от наблюдавшихся прежде эпизодических подъемов производства в аграрных обществах существенно более высокими темпами роста производства, которые значительно опережают увеличение численности населения, а также своей протяженностью во времени.

Сам С. Кузнец относил начало современного экономического роста к середине XVIII в.²⁰, его последователи – к 1820-м годам XIX в., после наполеоновских войн в Европе²¹. Впрочем, расхождения не принципиальны. Важнее то, что на грани XVIII–XIX вв. сначала в самых развитых странах Европы, затем в Западной Европе в целом, а за ней и во все более расширяющемся круге государств мира начинаются радикальные изменения (табл. 1.2).

Современный экономический рост начинается в Англии, распространяется на Бельгию, Голландию, Францию, немецкие княжества района Рейна, протестантские кантоны Швейцарии, Каталонию, Богемию, а в 1830-х годах – на Австрию и Соединенные Штаты. В странах Скандинавии он начинается в середине XIX в., в России – в 80-х годах XIX в.²². Карты хорошо иллюстрируют процесс современного экономического роста в мире (см. вкладку: карты 1, 2).

В первые десятилетия XIX в. вызов радикально меняющейся и усиливающейся Англии, а затем и всей Западной Европы, необходимость для каждой страны адаптировать свою национальную стратегию к этому вызову становятся важнейшим фактором в мировом развитии.

¹⁹ См.: Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread*. New Haven; London: Yale University Press, 1966. P. 3–8.

²⁰ См.: Kuznets S. *Modern Economic Growth: Findings and Reflections* // The American Economic Review. Vol. 63. Issue 3. June 1973. P. 10.

²¹ А. Мэддисон пишет: «Я... не согласен с Кузнецом относительно времени перехода к тому, что он называет «современным экономическим ростом» (а я – «капиталистическим развитием»). Данные, которыми мы располагаем сегодня, свидетельствуют о том, что подобный переход состоялся примерно в 1820 году, а не в 1760-м. Работы Крафтса (1983 и 1992 годов) и других исследователей помогли переосмыслить прежде бытовавшую концепцию о резком взлете Англии во второй половине XVIII в. Исследования последних лет (в области истории экономики Нидерландов. – Е. Г.) доказали, что в конце XVIII в. доходы там были выше, чем в Соединенном Королевстве. Работы в сфере количественной истории других западноевропейских стран, увидевшие свет в последние два десятилетия, дают еще больше оснований, чтобы отодвинуть переход дальше в глубь времен и изменить прежний упор на британскую исключительность» (см.: Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.: OECD, 2001. P. 45). Есть и другая точка зрения: Р. Фогель считает, что в Англии современный экономический рост начался раньше, чем полагал С. Кузнец, – в первые десятилетия XVIII в. (см.: Fogel R. W. *Simon S. Kuznets*. April 30, 1901 – July 9, 1985. NBER Working Paper 7787. P. 23). П. Байрох обращает внимание на трудности, связанные с определением начала современного экономического роста. Принципиальная проблема здесь – что брать за точку отсчета: развитие событий в подавляющем большинстве стран мира или положение в странах-лидерах. К 1800 году 99 % населения мира не было затронуто изменениями, связанными с индустриализацией. Но в Великобритании рост промышленности и связанные с ним изменения в социальной структуре уже достигли серьезных масштабов (см.: Bairoch P. *How and Not Why; Economic Inequalities Between 1800 and 1913: Some Background Figures* // Batou J. (ed.) *Between Development and Underdevelopment. The Precocious Attempts at Industrialization of the Periphery, 1800–1870*. Geneva: Librairie Droz, 1991). К вопросу о начале современного экономического роста см. также: coll_2 *Patterns of Development in Nineteenth Century Europe* // Oxford Economic Papers. Vol. 36. 1984. P. 438–458; Ashton T. S. *The Industrial Revolution 1760–1830*. Oxford: Oxford University Press, 1948; Idem. *An Economic History of England: the 18th Century*. London: Methuen & Co. LTD, 1955; Deane P., Cole W. A. *British Economic Growth 1688–1959: Trends and Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 1962; Wrigley E. A. *Poverty, Progress and Population*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

²² Reynolds L. G. *Economic Growth in the Third World, 1850–1980*. London: Yale University Press, 1985. P. 31.

Таблица 1.2. Среднегодовые темпы роста ВВП²³ в Западной Европе и в мире в целом с 1000 по 1998 год по периодам, %

	1000 – 1820	1820 – 1913	1913 – 1998
Мир	0,2	1,5	3,1
Западная Европа	0,3	1,9	2,4

Источник: Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.: OECD, 2001. P. 262.

Характерная черта современного экономического роста – появление новых технологий, использующих последние достижения науки. Именно это становится важнейшим механизмом долгосрочного ускорения экономического роста, базой глубоких структурных изменений сначала в Западной Европе, а затем и в мире. Средние темпы роста производительности труда в странах, входящих сегодня в ОЭСР, в период между 1820 и 1913 годами примерно в 7 раз выше, чем в предшествующее столетие. За тот же период душевой ВВП в них увеличился более чем втрое, доля занятых в сельском хозяйстве сократилась на 2/3. Объем мировой торговли вырос в 30 раз. Сформировались глобальная экономика и глобальная финансовая система²⁴.

Долгое время анализ современного экономического роста осложнялся его смешением с капитализмом²⁵ – специфической формой организации производственных и общественных отношений, которые сложились в Западной Европе в XVI–XVIII вв.²⁶.

Дать определение термина “капитализм” сегодня труднее, чем в конце XIX – начале XX в., когда он получил широкое распространение. Слишком много радикальных изменений в структуре социально-экономических отношений, описываемых этим словом, произошло за последнее столетие. Но термин укоренился, уйти от его использования невозможно. Автор понимает под ним примерно то же, что и те, кто использовал его в XIX в., – специфический набор характерных для Северо-Западной Европы, затем для Западной Европы

²³ Рассчитано как среднее геометрическое за рассматриваемый период.

²⁴ Adelman I. *The Genesis of the Current Global Economic System*. <http://are.berkeley.edu/~adelman/KEYNOTE.html>. P. 1, 2.

²⁵ “Прежде всего некоторые процессы, протекавшие между XV и XVIII вв., нуждаются в особом названии. Присмотревшись к ним, убеждаешься, что простое отнесение их к рыночной экономике в обычном понимании граничит с абсурдом. Слово же, которое при этом само приходит на ум, – это *капитализм*. В раздражении вы гоните его в дверь – оно тут же возвращается в окно. Ибо вы не находите для него адекватной замены – и это симптоматично. Как сказал один американский экономист, лучшим доводом за использование слова *капитализм*, как бы его ни порочили, является тот факт, что не найдено ничего другого, чтобы его заменить... Я склонен усматривать, с некоторой долей произвола, разумеется, что его реальное вхождение в современный язык связано с появлением в 1902 году широко известной книги Вернера Зомбарта «Современный капитализм» (*Der moderne Kapitalismus*)” (см.: Бродель Ф. *Динамика капитализма*. Смоленск: Полиграмма, 1993. С. 50, 51). К. Маркс, разумеется, был автором концепции, в рамках которой основные черты устройства современного ему общества описывались как “капитализм”, но сам он употреблял это слово редко. В этом нетрудно убедиться, посмотрев на слово “капитализм” в предметном указателе Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса: Т. 8. С. 120; Т. 13. С. 7, 8; Т. 19. С. 386, 413, 419; Т. 23. С. 10, 91, 180, 229, 372, 611, 727, 759; Т. 24. С. 43, 44, 65; Т. 25. С. 142, 380–382, 385; Т. 29. С. 258.

²⁶ В этом корень многих недоразумений, которые возникают в экономико-исторических исследованиях, относящихся к XVI–XVIII вв., когда общество в Западной Европе уже явно приобретает черты, существенно отличающие его от традиционных аграрных цивилизаций, но индустриализация, урбанизация в масштабах, сопоставимых с тем, что происходило на протяжении последних двух веков, еще не начались. О проблемах, связанных с интерпретацией этого периода, см., например: Sanderson S. K. *Social Transformations: a General Theory of Historical Development*. Oxford, Cambridge: Blackwell, 1995. P. 134. О том, что даже квалифицированные историки и сегодня смешивают возникновение капиталистических форм социально-экономической организации, создающих предпосылки современного экономического роста, и сам процесс современного экономического роста со свойственными ему радикальными изменениями всех важнейших параметров, характеризующих организацию жизни общества, см.: Гребнев Л. С. *Мавр возвращается? А он и не приходил...* // Вопросы экономики. 2004. № 7–8.

институтов, предполагающих определенную, гарантированную законом и традицией частную собственность, широкое распространение производства, ориентированного на рынок, конкуренцию, определенную, не оставляющую власти возможности произвольных решений налоговую систему²⁷. Многие черты социально-экономической структуры и организации общества на протяжении последних двух веков менялись. Но этот набор институциональных установлений, сформировавшихся сначала в городах-государствах Италии, получивший распространение в городах-государствах Северной Европы, затем в Нидерландах, в Англии, далее в Западной Европе и потом по миру, в его фундаментальных чертах остался неизменным²⁸.

§ 3. Структурные изменения в обществе

Капиталистические институты проложили дорогу глубоким структурным изменениям в обществе, которые связаны с современным экономическим ростом²⁹. Как это происходило – тема следующих глав. Но в странах – лидерах современного экономического роста³⁰ предпосылки к нему формируются на несколько поколений раньше, до того, как темпы экономического развития радикально ускоряются, а социальная структура общества претерпевает серьезные изменения. Для аграрных обществ характерны низкие нормы сбережений. Уровень доходов большей части населения не оставляет места для накопления средств и инвестиций. Как правило, доля инвестиций в ВВП не превышает 5 %. У. Ростоу считал важнейшей предпосылкой индустриализации, или, по его терминологии, скачка, повышение доли инвестиций в ВВП с величины меньше 5 % до 10 %³¹. Последующие экономико-исторические исследования подтверждают этот вывод. Однако в Англии XVIII–XIX вв. такое повышение доли инвестиций в ВВП растянулось на срок значительно больший, чем представ-

²⁷ Де Врис и Дер Вуди следующим образом определяют характерные черты современной (капиталистической) экономики: 1. Свободные рынки товаров и факторов производства. 2. Достаточно высокий уровень производительности сельского хозяйства, позволяющий поддерживать сложные социально-экономические структуры с глубоким разделением труда. 3. Государство, желающее и способное поддерживать права собственности, свободу движения товаров, заключения и выполнения контрактов и озабоченное условиями жизни своего населения. 4. Уровень технологий организации, позволяющий поддерживать ориентированное на рынок потребление населения (см.: Vries J. de, Woude A. van der. *The First Modern Economy: Success, Failure and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 693).

²⁸ А. Мэддисон называет весь период развития Западной Европы между 1000 и 1820 годами протокапиталистическим (см.: Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P. 45).

²⁹ Сами по себе капиталистические институты не давали гарантии перехода к современному экономическому росту. Опыт Голландии – наиболее развитой страны Европы XVII – XVIII вв., сформировавшей их, но не сумевшей обеспечить функционирование механизма динамичного экономического развития, индустриализации в XVII – XVIII вв., – наглядное тому свидетельство (см.: Mokyr J. *Editor's Introduction: the New Economic History and the Industrial Revolution* // Mokyr J. (ed.). *The British Industrial Revolution: An Economic Perspective*. Boulder: Westview Press, 1993. P. 131, 119, 120; Vries J. de, Woude A. van der. *The First Modern Economy: Success, Failure and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 693; Wrigley E. A. *Poverty, Progress and Population*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 58–63).

³⁰ Под странами – лидерами современного экономического роста автор понимает те государства, которые по уровню душевого валового внутреннего продукта отстоят от страны, имеющей максимальные показатели по этому параметру, не более чем на одно поколение (25 лет). Скажем, в 1870 году уровень душевого ВВП Великобритании составлял 3263 долл. США достигли сходного показателя в 1881 году. Австралия (тогда колония Великобритании) уже в 1870 г. имела уровень душевого ВВП, превышающий английский. Бельгия вышла на сходный уровень ВВП в 1890 году, Нидерланды – в 1885-м, Новая Зеландия – в 1880-м. Применительно к концу XIX в. это и есть страны, которые можно включить в круг лидеров. Страны догоняющего развития – это те, которые по уровню душевого ВВП отстают от лидеров на дистанцию, превышающую поколение. Очевидное исключение здесь – небольшие и крайне богатые ресурсами страны, душевой ВВП которых может существенно превышать другие показатели, характеризующие уровень развития: структуру занятости, расселения, уровень образования и т. д.

³¹ Rostow W. W. *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. P. 8.

лялось У. Ростоу³². Независимо от времени, которое потребовалось для повышения нормы накопления, в индустриальных обществах она существенно выше, чем в аграрных.

В странах – лидерах современного экономического роста меняется демографическая картина. Происходит снижение смертности. Продолжительность жизни, стабильная на протяжении тысячелетий (за исключением периодов войн и великих эпидемий), увеличивается: в Англии – с 40 лет в начале XIX в. до 46 лет в 1900#м, 69,2 года в 1950#м и 77 лет в 2000 году соответственно. В странах, где современный экономический рост начался позже, продолжительность жизни увеличивается быстрее. Важнейшим фактором роста средней продолжительности жизни становится снижение младенческой смертности, свидетельствующее о прогрессе в здравоохранении (*табл. 1.3, карты 4, 5*). На этом фоне радикально ускоряются темпы роста мирового населения (*табл. 1.4*).

В аграрных обществах подобное (хотя и не столь резкое) ускорение роста народонаселения прерывалось масштабными катастрофами. Наиболее характерный пример – великая эпидемия чумы середины XIV в. в Западной Европе (*табл. 1.5*).

С началом современного экономического роста в Западной Европе угроза демографических катастроф, вызванных голодом и эпидемиями, отступает. Резкое ускорение роста мирового населения идет на фоне беспрецедентного повышения душевого производства и потребления (*табл. 1.6*).

Радикальные изменения происходят и в занятости. Как уже говорилось, еще в начале XIX в. подавляющая часть мирового населения (85–90 %) была занята в сельском хозяйстве. К концу XX в. – уже меньше половины. В странах – лидерах современного экономического роста перемены еще резче. В большинстве стран Западной Европы доля работающих в сельскохозяйственном производстве сократилась к концу XX в. до 3–4 %.

До середины XX в. быстро росла доля занятых в промышленности. Именно поэтому в конце XIX – первой половине XX в. современный экономический рост было принято отождествлять с индустриализацией. С середины XX в. тенденция меняется. Наиболее развитые страны вступают в постиндустриальную стадию развития³⁶. На фоне продолжающегося снижения числа работающих в сельском хозяйстве в наиболее развитых странах доля занятых в промышленности начинает быстро сокращаться, динамично растет численность работников в сфере услуг (*табл. 1.7*).

Таблица 1.3. Динамика младенческой смертности, число смертей на 1000 детей в возрасте до 1 года³³

³² О доле капитальных вложений в ВВП Англии во время индустриализации см.: Crafts N. F. R. *British Industrialization in an International Context* // The Journal of Interdisciplinary History. Vol. XIX. № 3. Winter 1989, а также: Williamson J. G. *Debating the British Industrial Revolution* // Explorations in Economic History. Vol. 24. 1987. P. 269–292.

³⁶ «Постиндустриальное общество определяется как общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни; в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во всеобщей степени стало зависеть от достижений теоретического знания... Постиндустриальное общество... предполагает возникновение нового класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов» (см.: Bell D. *Notes on the Post-Industrial Society* // The Public Interest. Vol. 7. 1967. P. 102).

³³ * Здесь и далее в скобках указан год, для которого рассчитан показатель. ** Только для белого населения.

	1900 ¹	1925 ¹	1950 ²	1975 ²	2000 ²
Аргентина	148 (1911)*	121	65,9	39,1	20,0
Бразилия	...	...	134,7	78,8	38,3
Венгрия	223	168	71,2	26,7	8,7
Вьетнам	...	...	158,0	82,5	33,6
Великобритания	154	75	28,5	13,7	5,4
Германия	229	105	50,6	14,9	4,6
Греция	...	90	60,0	25,1	6,3
Египет	...	155	130,0	89,0	37,0
Индия	205 (1911)	174	151,0 (1945)	132,0	72,3
Индонезия	...	...	201,2	106,4	39,5
Иран	...	...	191,5	106,8	35,9
Испания	204	137	64,0	19,0	5,0
Китай	...	...	195,0	52,0	36,5
Мексика	287	216	121,2	56,8	28,2
Пакистан	...	...	181,4	132,2	86,5
Польша	...	151 (1927)	95,0	23,0	9,1
Португалия	134 (1910)	132	91,4	30,3	6,1
Россия	252	198	97,5	29,5	16,8
США	100,7 (1915) ³	69,1 ³	27,8	14,1	6,8
Таиланд	...	...	110,7	64,3	20,8
Турция	...	...	233,0	120,0	38,5
Франция	160	95	52,0	14,0	4,0
Швейцария	150	58	29,0	9,5	4,8
Швеция	99	56	19,7	7,9	3,4
ЮАР	89 (1910)**	68*	96,1	72,1	59,2
Япония	...	142	60,0	10,0	3,8

Источник: ¹ Mitchell B. R. *International Historical Statistics. Europe 1750–1993*. London: Macmillan Reference LTD, 1998.

² Mitchell B. R. *International Historical Statistics. Africa, Asia & Oceania 1750–1993*. London: Macmillan Reference LTD, 1998.

³ UNPD Database (www.un.org/Depts/unsd/).

Таблица 1.4. Среднегодовые темпы прироста численности населения³⁴, %

³⁴ Рассчитано как среднее геометрическое за рассматриваемый период.

	1000 – 1820	1821 – 1913	1914 – 1998
Весь мир	0,17	0,59	1,41
Западная Европа	0,20	0,73	0,47

Источник: Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.: OECD, 2001. P. 242.

Таблица 1.5. Численность населения в Западной Европе в период с 1000 по 1500 год, млн человек

	1000	1200	1300	1400	1500
Численность населения	25	41	58	42	57

Источник: Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.: OECD, 2001. P. 32.

Таблица 1.6. Душевой ВВП на душу населения в мире и в Западной Европе, долл.³⁵

	1000	1820	1913	1998
Весь мир	435	667	1 510	5 709
Западная Европа	400	1 232	3 473	17 921

Источник: Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.: OECD, 2001. P. 264.

Таблица 1.7. Структура занятости в главных секторах экономики, %

³⁵ В международных долларах 1990 года.

Год	США	Франция	Германия	Голландия	Велико-британия	Япония	Россия
<i>Сельское, лесное и рыбное хозяйство</i>							
1820	70,0	...	...	...	37,6	...	...
1870	50,0	49,2	49,5	37,0	22,7	70,1	...
1913	27,5	41,1	34,6	26,5	11,7	60,1	70,0
1950	12,9	28,3	22,2	13,9	5,1	48,3	46,0
1992	2,8	5,1	3,1	3,9	2,2	6,4	17,0
2000	2,6	1,3	2,8	...	1,5	5,1	13,0
<i>Обрабатывающая и горная промышленность, строительство и обслуживание коммунального хозяйства</i>							
1820	15,0	...	...	...	32,9	...	...
1870	24,4	27,8	28,7	29,0	42,3	...	...
1913	29,7	32,3	41,1	33,8	44,1	17,5	...
1950	33,6	34,9	43,0	40,2	44,9	22,6	29,0
1992	23,3	28,1	37,3	24,3	26,2	34,6	36,0
2000	23,2	24,7	34,5	...	25,4	31,4	31,0
<i>Сфера услуг</i>							
1820	15,0	...	...	...	29,5	...	...
1870	25,6	23,0	21,8	34,0	35,0	...	...
1913	42,8	26,6	24,3	39,7	44,2	22,4	...
1950	53,5	36,8	34,8	45,9	50,0	29,1	25,0
1992	74,0	66,8	59,1	71,8	71,6	59,0	47,0
2000	74,3	74,0	62,6	...	72,8	63,5	56,0

Источник: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. P.: OECD, 1995. P. 39; *World Development Indicators 2003*, World Bank; United Nations Common Database (www.un.org/Depts/unsd/); *Россия в цифрах 2003*. Краткий статистический сборник. М.: Госкомстат России, 2003.

Перемены в занятости неразрывно связаны с изменением структуры расселения. В аграрном обществе доминировала деревня, городов было немного. Такое расселение уходит в прошлое, городской образ жизни становится преобладающим (табл. 1.8). Причем в большинстве стран мира этот переход происходит буквально на наших глазах (см. карту 3). Прогноз ООН говорит о том, что к 2025 году на планете практически не останется государств с долей городского населения ниже 25 %, а среднемировой уровень уже далеко шагнет за 50 %-й рубеж. Еще полвека назад в городах жило менее трети населения мира.

Таблица 1.8. Доля городского населения, %

	1800 ¹	1850 ¹	1900 ¹	1930 ¹	1950 ²	1975 ²	2000 ²
Аргентина	...	...	...	...	65,3	80,7	89,9
Бразилия	...	...	...	...	36,5	61,8	81,3
Великобритания	23	45	75 (1910)	...	84,2	88,7	89,5
Вьетнам	...	...	6 – 9	6 – 9	11,6	18,8	19,7
Венгрия	...	...	...	...	39,3	52,8	64,0
Германия	9	15	49	...	71,9	81,2	87,5
Греция	...	...	...	...	37,3	55,3	60,1
Египет	...	...	...	...	31,9	43,5	45,2
Индия	...	...	9 – 11	10 – 12	17,3	21,3	28,4
Индонезия	...	...	5 – 8	8 – 10	12,4	19,4	40,9
Иран	...	...	12 – 15	14 – 17	27,0	45,8	61,6
Испания	18	18	38	...	51,9	69,6	77,6
Китай	...	...	7 – 9	10 – 12	12,5	17,4	32,1
Мексика	...	...	...	...	42,7	62,8	74,4
Пакистан	...	...	...	...	17,5	26,4	37,0
Польша	...	...	...	...	38,7	55,4	65,6
Португалия	16	16	16 (1910)	...	19,2	27,7	64,4
Россия	6	7	14 (1910)	20	44,7	66,4	77,7
США	5	14	42 (1910)	56,1 ³	64,2	73,7	77,2
Таиланд	...	...	8 – 10	9 – 11	10,5	15,1	21,6
Турция	...	...	15 – 18	14 – 17	21,3	41,6	75,3
Франция	12	19	38 (1910)	...	56,2	73,0	75,6
Швейцария	7	12	33 (1910)	...	44,3	55,7	67,7
Швеция	7	7	23 (1910)	...	65,8	82,7	83,3
ЮАР	...	...	...	...	43,1	48,0	50,4
Япония	14	15	18 (1910)	24	50,3	75,7	78,8

Источник: ¹ Bairoch P. *Cities and Economic Development: From the Dawn of History to the Present*. Chicago: The University of Chicago Press, 1988.

² United Nations Common Database (www.un.org/Depts/unsd/).

³ Engerman S. L., Gallman R. E. *The Cambridge Economic History of the United States*. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Одно из проявлений непредсказуемости современного экономического роста – поворот вспять у некоторых стран-лидеров тенденции к урбанизации, важнейшей его черты на протяжении XIX – первой половины XX в. С середины 1960#х годов в наиболее развитых

странах проявляется тенденция к дезурбанизации, сокращению доли населения, проживающего в крупных городах³⁷.

В аграрных обществах подавляющая часть населения неграмотна. С современным экономическим ростом не только широко распространяется грамотность – сначала в Западной Европе, а потом и в других частях мира, – но и быстро увеличивается продолжительность обучения (табл. 1.9). Речь идет о массовом среднем (школьном) образовании, расширении доли тех, кто обучается в высшей школе. (Подробнее об этом см. ниже, в гл. 13.)

Вслед за переменами в занятости и расселении людей трансформируются нормы демографического поведения, структура семьи. В аграрных обществах работа женщин вне домашнего или крестьянского хозяйства была редкостью. В XIX в. и особенно в XX в. она получает массовое распространение. К концу XX в. примерно половину рабочей силы в развитых странах – лидерах современного экономического роста составляли женщины. Сокращается рождаемость. В XVIII в. на одну женщину в Западной Европе приходилось примерно 5 рождений (в России в конце XIX в. – 7,1), к концу 2#го тысячелетия этот показатель опускается в Западной Европе ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения. После демографического взрыва и быстрого увеличения европейского населения на ранних этапах современного экономического роста темпы роста населения резко замедляются. В некоторых странах-лидерах численность коренных жителей начинает сокращаться.

Таблица 1.9. Средняя продолжительность обучения, количество лет

	1820	1870	1913	1950	1973	1992	2001 (2002)
Великобритания	2,0	4,4	8,8	10,6	11,7	14,1	16
Германия	...	...	8,4	10,4	11,6	12,2	15
Италия	...	...	...	5,5	7,6	11,2	15
Испания	...	...	...	5,1	6,3	11,5	15
США	1,8	3,9	7,9	11,3	14,6	18,0	15
Франция	...	...	7,0	9,6	12,0	...	15
Швеция	...	...	...	9,5	10,4	14,2	17
Япония	1,5	1,5	5,4	9,1	12,1	14,9	14

Источник: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. P.: OECD, 1995; World Bank Database (<http://devdata.worldbank.org/edstats>); UNESCO database (www.unesco.org); Maddison A. *Chinese Economic Performance in the Long Run*. P.: OECD, 1998.

Для аграрных стран характерны государственные изъятия в пределах 10 % ВВП. Случалось, что правители пытались увеличить налоговое бремя сверх этого предела. Как правило, такие попытки приводили к подрыву налоговой базы, бегству крестьян с земли, распространению бандитизма, крестьянским восстаниям. (Подробнее см. ниже, в гл. 4 и 11.) Современный экономический рост, повысивший уровень жизни и технологические возмож-

³⁷ Природа этого процесса пока изучена мало. Одним из факторов, способствующих ему, по всей видимости, является рост экологических притязаний населения, характерный для постиндустриальных стран (см.: Лопатников Д. Л. *Постиндустриализм и экологическая перспектива*. М.: АБФ, 2003. С. 148–171). Другой фактор, отмеченный американскими авторами, – кризис систем школьного образования в городах (см.: coll_0 *The Counter Urbanization Process: Urban America Since 1970* // Berry B. J. L. (ed.) *Urbanization and Counter Urbanization*. London: Sage, 1976; *Population Growth, Structure and Distribution*. New York: United Nations, 1999. P. 28, 29).

ности государства, позволяет радикально увеличить государственную нагрузку на экономику. Налоговые изъятия в странах – лидерах современного экономического роста достигают 30–50 % ВВП. Раньше не менее половины государственных расходов составляли затраты на военные нужды. На протяжении последних двух веков их доля падает. Как правило (если исключить периоды мировых войн), в бюджетах расширенного правительства развитых стран они не превышают 5–10 %. Доля государственных расходов на социальные нужды (пенсионная система, образование, здравоохранение, пособия по безработице и т. д.) растет.

В начале XIX в. роль международной торговли в мировой экономике была ограниченной, ее объем не превышал 1 % суммарного ВВП стран мира. Международные рынки капитала существовали, они охватывали наиболее развитые страны Западной Европы, но их влияние на мировую экономику оставалось ничтожным.

На протяжении последних двух веков мировая торговля по темпам роста опережала мировой ВВП, а ее доля в нем к 2000 году составила 26 %³⁸ (табл. 1.10). Подавляющая часть мирового ВВП производится сегодня в странах, интегрированных в глобальный рынок капитала.

Таблица 1.10. Годовые (средние за период) темпы роста мировой торговли и мирового ВВП, %

Годы	1870 – 1913	1914 – 1950	1951 – 1973	1974 – 2000
Мировой ВВП	2,1	1,9	4,9	3,1
Мировой экспорт	3,3	0,9	7,6	5,3

Источник: Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.: OECD, 2001 (с 1870 по 1998 год); World Development Indicators 2003, World Bank (за 1999, 2000 годы).

Параллельно изменениям в производстве, расселении, уровне жизни, образовании, организации семейной жизни трансформируются политические институты. К началу XIX в. доминирующий тип политической организации – традиционная монархия. Лишь в редких случаях, в основном в странах, где формировались предпосылки современного экономического роста, конституционная монархия дополнена институтами, представляющими интересы граждан³⁹. В начале XXI в. развитые страны в подавляющем большинстве – демократии, в основе политического устройства которых лежит всеобщее избирательное право.

Сами изменения, вызванные современным экономическим ростом, предъявляют новые требования к социально-экономическим и политическим институтам. Если для аграрного общества, в котором организация экономики и уклад жизни не изменялись тысячелетиями, важнее всего было поддерживать стабильность, сохранять традиции, то для периода современного экономического роста главное – институциональная гибкость, способность генерировать и использовать инновации, позволяющие адаптироваться к условиям быстро меняющегося мира.

³⁸ База данных Всемирного банка, <https://publications.worldbank.org/subscriptions/WDI/>.

³⁹ Очевидное, но к этому времени малозначимое исключение – США после Войны за независимость.

§ 4. Национальные траектории современного экономического роста

Начавшись в Англии, распространившись затем на Соединенные Штаты Америки, континентальную Западную Европу, другие части мира, современный экономический рост оказывает влияние на все государства. Они столкнулись с усилением экономической, финансовой и военной мощи стран, где процесс индустриализации начался. Элиты стран, отстававших в развитии, знали о возможности заимствования накопленных странами-лидерами знаний и производственных навыков. Для адаптации к изменившемуся миру необходимо было вырабатывать национальные стратегии. Там, где культурные традиции и институциональная история аграрных обществ были близки к сформировавшимся в Англии, США, Франции, Германии, социально-экономическое развитие пошло по траектории, во многом повторяющей английскую, но, как правило, с более активным использованием протекционистских мер, с заметным вмешательством государства в экономическое развитие. Страны, где в условиях аграрного общества традиции существенно отличались от европейских, адаптировались к реалиям современного экономического роста с большим трудом.

Яркий пример – Китай, на протяжении двух тысячелетий занимавший 1–2-е места на планете по масштабам экономической деятельности. Этой стране с ее приверженностью традициям и стабильности, самодостаточной культурой и убежденностью в своем центральном месте в мире потребовалось полтора века, чтобы приспособиться к вызовам изменившейся реальности, запустить механизмы современного экономического роста. Произошло это лишь после десятилетий смут и гражданских войн, унесших десятки миллионов жизней. Сейчас внимание политиков и экономистов приковано к высоким темпам развития Китая последней четверти XX в. Но не надо забывать, что и сегодня доля Китая в мировом ВВП почти втрое ниже, чем была в 1820 году.

При всех различиях, унаследованных от традиционного аграрного общества, страны, сумевшие создать предпосылки ускоренного экономического развития, демонстрируют схожие изменения важнейших параметров, определяющих социально-экономическую структуру общества. Зная один из них – размер душевого ВВП, – можно с высокой вероятностью определить структуру занятости, особенности расселения, уровень грамотности, среднюю длительность обучения, государственную нагрузку на экономику и даже характер политического режима.

Взаимосвязь подобных показателей не жесткая. Есть демократии, которые сложились на необычно ранних стадиях развития общества, например Индия. Существуют государства, где высокий уровень душевого ВВП объясняется богатством природных ресурсов; они, как правило, по показателям социального развития отстают от других государств с аналогичным уровнем душевого ВВП. Цивилизационные установки, унаследованные от аграрных обществ, темпы снижения рождаемости влияют на характеристики демографического перехода. Тем не менее взаимосвязи между важнейшими социально-экономическими параметрами на различных стадиях современного экономического роста дают исследователям, изучающим долгосрочные проблемы социально-экономического развития, ценные инструменты анализа.

§ 5. Эволюция России на фоне мирового развития двух последних столетий

В XIX в., с началом современного экономического роста в Западной Европе, Россия стала отставать в экономической, финансовой и военной мощи от ведущих европейских

держав. Поражение в Крымской войне, обнажившее это отставание, поставило российскую элиту перед необходимостью приступить к созданию новой национальной модели развития. Специфика российской национальной стратегии в условиях современного экономического роста – тема гл. 8 настоящей книги. Здесь отметим лишь очевидное ускорение развития страны в начале 80-х годов XIX в. Именно к этому времени такой проницательный исследователь экономической истории, как А. Гершенкрон, относит начало индустриализации (современного экономического роста – в терминах С. Кузнецца) в России⁴⁰.

Рассматривая эволюцию российской экономики на фоне мирового развития последних двух столетий, можно убедиться, что российский душевой ВВП в 1820 году был близок к средним мировым показателям и (с поправкой на точность расчетов) оставался примерно на среднемировом уровне и в 1913, и в 2001 году (рис. 1.1).

Время от времени российский душевой ВВП отклонялся от среднемирового, но эти отклонения были невелики. Дистанция, отделяющая Россию от стран – лидеров мирового экономического развития (в XIX в. – от Англии, в XX в. – от США), в течение этих двух столетий колебалась, но в достаточно узком интервале (табл. 1.11)⁴¹.

Сохраняющаяся многие десятилетия близость российских показателей к среднемировым достойна особого внимания, если учесть, что на протяжении последних двух веков как в мировом экономическом развитии, так и особенно в России (СССР) происходили беспрецедентные перемены и потрясения.

Таблица 1.11. Динамика текущего соотношения ВВП на душу населения России и душевого ВВП страны – лидера экономического роста

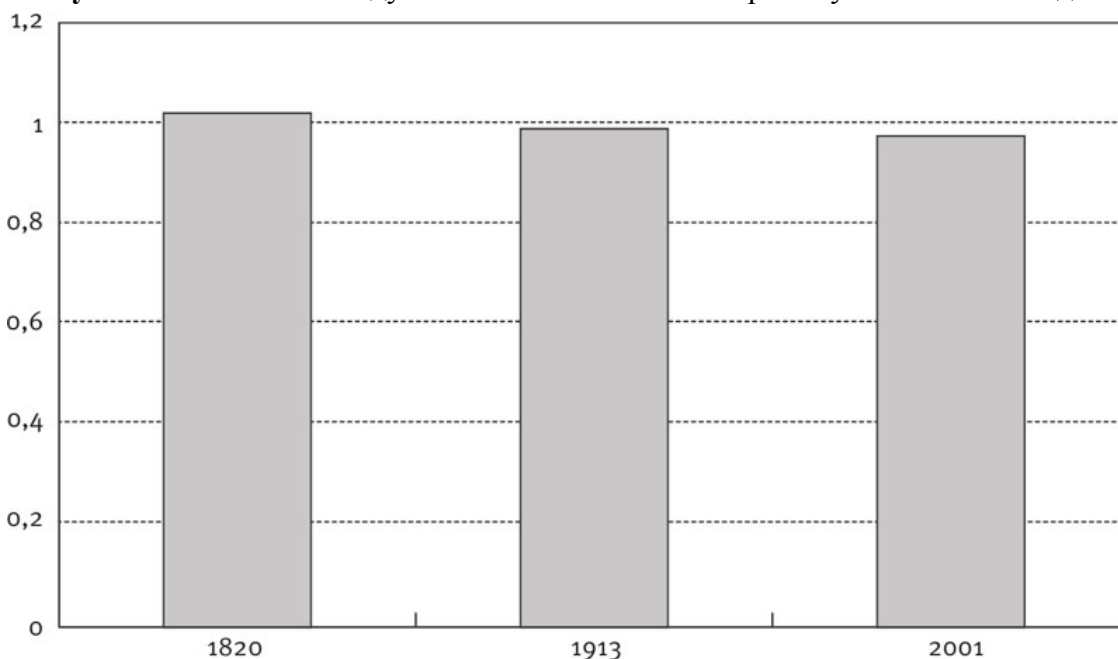
Год	1870	1913	1950	1990	2002
Страна	Великобритания	США			
Отношение	0,32	0,28	0,30	0,34	0,23

Источник: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. P.: OECD, 1995 (данные с 1820 по 1950 год); United Nations Common Database (www.un.org/Depts/unsd/) (данные за 1990–2001 годы); Вопрос о соотношении душевого ВВП в СССР и Соединенных Штатах из-за различия экономических структур (см. ниже, гл. 9) был предметом долгих дебатов. Всемирный банк в 1980 году оценивал душевой ВВП СССР на уровне 37 % душевого ВВП США (см.: Ослунд А. *Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего советского блока* / Под ред. И. М. Осадчей. М.: Логос, 2003. С. 72).

⁴⁰ Gerschenkron A. *The Rate of Growth of Industrial Production in Russia Since 1885* // Journal of Economic History. Vol. 7 (Supplement). 1947. Такого же мнения придерживался У. Ростоу (см.: Rostow W. W. (ed.) *The Economics of Take-Off into Sustained Growth*. New York: St. Martin's Press, 1963. P. 152–154).

⁴¹ О темпах роста российской экономики в первые десятилетия современного экономического роста, сходных с темпами роста стран-лидеров, см.: Грегори П. *Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.)*: Новые подсчеты и оценки / Пер. с англ. И. Кузнецова, А. и Н. Тихоновых. М.: РОССПЭН, 2003. С. 24; Bairoch P. *Niveaux de développement économique de 1810 à 1910* // Annales: Economies, Sociétés, Civilisations, 20e année. No. 6. 1965. P. 1091–1118; Прокопович С. *Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 годах*. М., 1918. В России в 1888–1913 годах они уступали темпам роста Соединенных Штатов, Японии и Германии, но опережали соответствующие показатели по Британии и Франции (см.: Goldsmith R. *The Economic Growth of Tsarist Russia, 1860–1913* // Economic Development and Cultural Change. Vol. 9 (3). April 1961. P. 441–475). П. Грегори и М. Фалкус пытаются доказать, что темпы роста российской экономики в этот период были несколько выше, чем те, которые были характерны для стран – лидеров современного экономического роста в тот же период (см.: Gregory P. R. *Russian National Income, 1885–1913*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983; Falkus M. E. *The Industrialization of Russia 1700–1914*. London: Macmillan, 1972; Idem. *Russia's National Income, 1913: A Revaluation* // Economica. Vol. 35. February 1968. P. 52–73). Впрочем, неточность исторической социально-экономической статистики конца XIX – начала XX в. вряд ли когда-либо позволит однозначно подвести черту под этой дискуссией. В любом случае очевидно, что темпы роста экономики России на протяжении этих десятилетий находились недалеко от тех, которые были характерны для стран-лидеров.

Рисунок 1.1. Отношение душевого ВВП России к мировому в 1820–2001 годах

Источник: Maddison A. *The World Economy: A Millenial Perspective*. P.: OECD, 2001 (за 1820 и 1913 годы); Расчеты ИЭПП на основе данных: Maddison A. *The World Economy* (за 2001 год). Реконструкция данных Всемирного банка на период до 1950 года дает сходные результаты в пределах точности расчетов. Большинство исследователей относит начало современного экономического роста в Западной Европе именно к 1820-м годам XIX в., 1913 год – высшая точка развития Российской империи, 2001 год – последний, за который есть надежные данные.

Современный экономический рост – процесс незавершенный, он продолжается; для него характерны быстрые смены доминирующих тенденций. Вот почему сложно использовать выявленные закономерности для прогнозирования развития событий в странах-лидерах, находящихся в авангарде экономического прогресса. Страны, начавшие современный экономический рост в первые десятилетия XIX в., и те государства, где связанные с ним изменения произошли позже, находятся в разном положении⁴². Опыт первых (лидеров) позволяет вторым (странам догоняющего развития) предвидеть проблемы и тенденции, с которыми они столкнутся в будущем.

Одни исследователи полагают, что процесс глобализации будет развиваться и дальше, другие убеждены в обратном: мир стоит на пороге деглобализации. И те и другие оперируют убедительными доказательствами. Точно определить, какая из сторон в этом споре права, невозможно. Но как бы то ни было, можно уверенно утверждать, что России в следующие 50 лет предстоит столкнуться с проблемами, которые страны – лидеры современного экономического роста решали на протяжении второй половины XX в., на стадии исторического развития, ныне носящей название постиндустриальной.

Сравнив сегодняшние душевые ВВП России и стран – лидеров экономического роста, можно оценить разделяющую нас дистанцию (*табл. 1.12*).

⁴² Есть особая группа стран, начавших современный экономический рост заметно позже лидеров, но сумевших их догнать. Самый яркий пример – Япония, которая практически одновременно с Россией обнаружила тенденцию к ускорению экономического роста и уже к 70-м годам XX в. сумела войти в группу лидеров.

Таблица 1.12. Время достижения странами – лидерами современного экономического роста уровня ВВП на душу населения России 2001 года

Страна	Год	Страна	Год
США	1935	Англия	1934
Австралия	1936	Швеция	1944
Канада	1941	Германия	1953
Новая Зеландия	1948	Франция	1951
		Италия	1959

Источник: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. P.: OECD, 1995; Расчеты ИЭПП на основе данных из: World Development Report, World Bank, 2003.

Точность оценки душевого ВВП, рассчитанного с учетом паритетов покупательной способности, ограничена. Сопоставлять полученные результаты следует с большой осторожностью. Однако данные табл. 1.12 свидетельствуют о том, что Россию от стран-лидеров отделяет сегодня дистанция в 40–60 лет⁴³. Географию этих лагов можно увидеть на карте 6. Наибольшая дистанция (60 лет и более) отделяет нашу страну от Великобритании и стран переселенческого капитализма (США, Канада, Австралия). Далее следуют континентальная Западная Европа (Германия, Франция) и некоторые страны – экспортеры нефти (около 50 лет), затем – страны Южной Европы (около 30 лет). И наиболее близкими к российским оказываются показатели ВВП на душу населения стран Восточной Европы, Латинской Америки и быстро развивающихся стран Юго-Восточной Азии.

Сравним длительную эволюцию ВВП России и двух стран континентальной Европы. Франция и Германия наилучшим образом подходят для сравнительной оценки, поскольку они, как и Россия, дважды за прошедшее столетие стали аренами мировых войн, которые оказали негативное влияние на развитие всех трех стран. Приведенные данные (табл. 1.13–1.16) показывают, что отставание России от Германии и Франции по душевому ВВП было достаточно стабильным на протяжении примерно полутора веков.

Таблица 1.13. Оценка отставания России по уровню душевого ВВП⁴⁴ от Германии и Франции, годы

	1870	1913	1950	2001
Франция	≈ 60	63	46	50
Германия	≈ 60	63	55	48

Таблица 1.14. Доля городского населения в Германии, Франции и России на сходных уровнях экономического развития, %

⁴³ У. Ростоу обращал внимание на сходство многих черт социально-экономической структуры СССР середины 50-х годов XX в. с аналогичными характеристиками США в начале века (см.: R o s t o w W. W. *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. P. 67).

⁴⁴ Здесь и далее ВВП на душу населения: до 1913 года – по Российской империи в границах СССР; для 1950 года – по СССР; для 2001 года – по Российской Федерации.

	1850 для России, 1800 для Германии и Франции	1900 для России, 1850 для Германии и Франции	1950 для России, 1910 для Германии и Франции	2000 для России, 1950 для Германии и Франции
Россия	7	14	44,7	72,9
Германия	9	15	49,0	71,9
Франция	12	19	38,0	56,2

Источник: Bairoch P. *Cities and Economic Development: From the Dawn of History to the Present*. Chicago: The University of Chicago Press, 1988 (1800–1900 годы); UNPD Database, <http://esa.un.org/unpp> (1950–2000 годы).

Таблица 1.15. Доля занятых в сельском хозяйстве в Германии, Франции и России на сходных уровнях экономического развития, %⁴⁵

	1950 для России, 1900 для Германии и Франции	2000 для России, 1950 для Германии и Франции
Россия	45,8 (1959)	11,8 ¹
Германия	36,8 (1907)	16,0
Франция	41,4 (1901)	24,1 ²

Источник: Mitchell B. R. *International Historical Statistics. Europe 1750–1993*. London: Macmillan Reference LTD, 1998.

Таблица 1.16. Доля занятых в промышленности в Германии, Франции и России, на сходных уровнях экономического развития, %⁴⁶

	1950 для России, 1900 для Германии и Франции	2000 для России, 1950 для Германии и Франции
Россия	35,4 (1959)*	27,0 ¹
Германия	33,8 (1907)	37,3
Франция	26,5 (1901)	26,8 ²

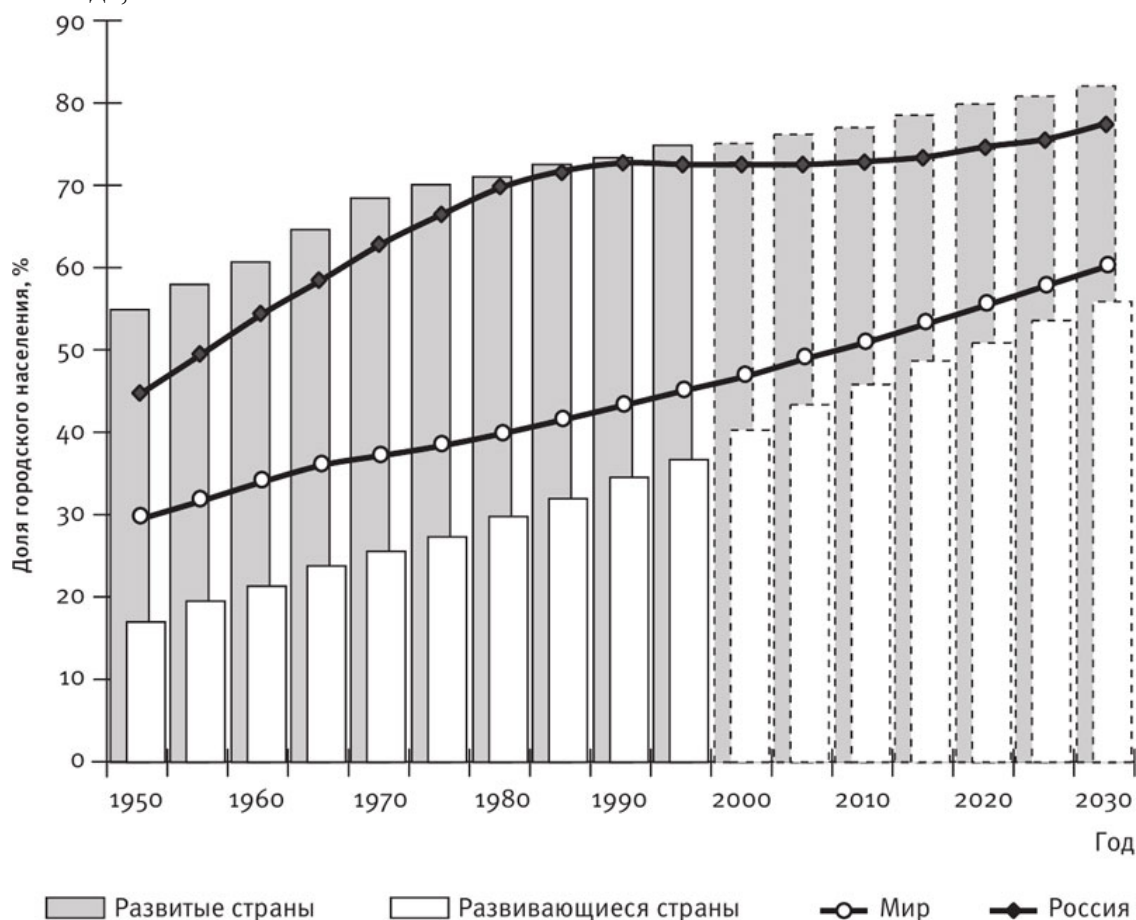
Источник: Mitchell B. R. *International Historical Statistics. Europe 1750–1993*. London: Macmillan Reference LTD, 1998.

Структурные изменения занятости в сельском хозяйстве и промышленности обнаруживают схожие тенденции. Более быстрое сокращение доли занятых в аграрном секторе России связано со специфическими чертами социалистической модели индустриализации: масштабное перераспределение ресурсов из села для финансирования капиталовложений в промышленность создало в СССР мощные стимулы к бегству крестьян в город. Рисунок 1.2 наглядно демонстрирует необычно высокие темпы урбанизации при социализме.

⁴⁵ ¹ *Труд и занятость в России*: Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 2001.² Groningen Growth & Development Center Sectoral Database (<http://www.eco.rug.nl/ggdc>).

⁴⁶ ¹ *Труд и занятость в России*: Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 2001.² Groningen Growth & Development Center Sectoral Database (<http://www.eco.rug.nl/ggdc>). * С учетом занятых в строительстве.

Рисунок 1.2. Рост доли городского населения во второй половине XX в. и прогноз ООН до 2030 года, %

Источник: *UNPD World Urbanization Prospects: The 2001 Revision.*

По некоторым показателям отставание России от стран – лидеров современного экономического роста было больше. Так, по числу учащихся на 1000 человек Россия лишь в 1930 году достигла уровня, характерного для Германии 1840 года, Франции 1860 года⁴⁷.

Мы прослеживаем траектории, по которым развивались страны на протяжении полутора веков – в эпоху глубоких социально-экономических изменений. Для России на этот период выпали две революции (1917–1921 годов и начала 90#х годов)⁴⁸, крах двух империй, две мировые и одна гражданская войны, крупнейший в мировой истории социально-экономический эксперимент, который назывался социализмом, и его провал. Как справедливо замечает В. Мельянец, процесс современного роста не линеен, флуктуации – весьма важный и необходимый элемент саморазвития и функционирования открытых, неравновесных биосоциальных систем⁴⁹. И все же разрыв в уровне развития между Россией и крупнейшими странами континентальной Европы оставался стабильным и, повторим, составлял примерно два поколения (40–50 лет). Начав современный экономический рост в 80#х годах XIX в. – на два поколения позже Западной Европы, – Россия почти полтора столетия удерживает сло-

⁴⁷ Миронов Б. Н. *Социальная история России периода империи*. Т. 2. СПб.: Изд-во Дмитрия Буланина, 2000. С. 384.

⁴⁸ Последнюю в зависимости от политического вкуса можно назвать контрреволюцией. Суть дела от этого не изменится.

⁴⁹ Мельянец В. А. *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, теория и современность*. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 15.

жившуюся дистанцию⁵⁰. Из этого мог бы следовать вывод, что пятидесятилетний лаг задан. Однако история знает примеры успешного догоняющего роста, например, как отмечалось чуть выше, Японии. Для оценки долгосрочных перспектив России полезно анализировать социально-экономические процессы последнего полувека в странах – лидерах экономического роста и условия для ускорения ее экономического роста.

У. Истерли продемонстрировал уязвимость существующих моделей, которые объясняют различия в темпах экономического развития национальных экономик⁵¹. Есть базовые факторы, влияющие, как принято считать, на динамику роста: это доля инвестиций в ВВП, расходы на образование, открытость экономики и т. д. Но всегда найдутся страны, где эти факторы действовали, а роста не было. У. Истерли ввел в научный обиход не очень точное, но любопытное понятие: способность национальных институтов обеспечивать современный экономический рост⁵². Основываясь на реалиях российского развития последних полутора веков, можно утверждать: российские социально-экономические институты демонстрировали способность поддерживать экономический рост на среднемировом уровне.

Допустим, что существовавшая на протяжении полутора веков дистанция сохранится и дальше. Тогда через 50 лет уровень, и стиль жизни, и структура занятости, и инфраструктура будут в России примерно такими же, как сегодня во Франции или Германии. Это предполагает годовой рост российского душевого ВВП около 2 % – такими же темпами или несколько более высокими развивалась мировая экономика на протяжении последнего века. Однако если российская экономика в течение ближайших десятилетий будет развиваться так же, как в 1999–2004 годах, отставание от лидеров сократится до одного поколения.

Оценка расстояния, отделяющего Россию от стран-лидеров, нужна отнюдь не для привычных манипуляций цифрами роста и прогнозов на их основе. Она позволяет представить, чем наше развитие отличалось в прошлом и, по-видимому, будет отличаться в будущем от развития стран-лидеров, с какими структурными проблемами мы неизбежно столкнемся на следующих этапах экономического роста.

Сохранение на протяжении полутора веков практически неизменной дистанции между Россией и странами – лидерами современного экономического роста по важнейшим показателям социально-экономического развития на фоне крупномасштабных изменений в мире, мировых войн, революций, социальных катастроф отнюдь не гарантирует эту неизменность в будущем. Трудно поручиться, что Россия 2050 года по основным социально-экономическим характеристикам, душевому ВВП, потреблению важнейших товаров и услуг, занятости, продолжительности жизни и т. д. будет близка к Германии и Франции 2000 года. Но трудно утверждать и обратное. Мы говорили о реальной возможности сократить отставание до 25 лет, до одного поколения. Но нельзя исключить и другое. Российское общество может не справиться с важнейшей задачей – выработать оптимальную стратегию своего развития в постиндустриальную эпоху. Российская элита может втянуться в опасные эксперименты. Тогда отставание от лидеров возрастет. Если наше общество проявит политическую волю и мудрость, извлечет уроки из ошибок, допущенных более развитыми странами, дистанция сократится. Глобальное экономическое развитие, на фоне которого нашей стране придется выработать собственную национальную стратегию, не детерминировано, его будущая траектория не очевидна.

⁵⁰ И это при том, что, как справедливо отмечает Н. Федоренко, “...в течение прошедших ста лет для промышленного производства России была характерна уникальная, не имеющая аналогов в мире неравномерность темпов роста” (см.: Федоренко Н. *Россия на рубеже веков*. М., 2003. С. 126).

⁵¹ Easterly W. *The Elusive Quest for Growth. Economists Adventures and Misadventures in the Tropics*. Cambridge; Massachusetts; London: The MIT Press, 2000.

⁵² Easterly W. *The Elusive Quest for Growth. Economists Adventures and Misadventures in the Tropics*. Cambridge; Massachusetts; London: The MIT Press, 2000. P. 278, 279.

Важно понимать: если России удастся обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие, то на протяжении следующего полувека в стране будут идти процессы, пусть не полностью идентичные тем, что были характерны для стран – лидеров современного экономического роста во второй половине XX в., но сходные с ними. И встающие перед страной проблемы лучше решать не тогда, когда они обострятся до предела, а заблаговременно, имея свободу маневра и необходимые ресурсы.

В XX в. весь мир имел возможность учиться на ошибках России. Крах социалистического эксперимента в нашей стране стал важнейшей прививкой против попыток его повторения. Пора подумать о том, как в XXI в. научиться извлекать уроки из ошибок других.

Все сказанное о значении опыта стран-лидеров для анализа долгосрочных перспектив развития России может показаться тривиальным. И на рубеже XIX и XX вв. стратегические проблемы России рассматривали сквозь призму опыта наиболее развитых стран. К этому опыту апеллировали, сопоставляли с ним российские реалии. В докладной записке царю Николаю II С. Витте сравнивает Россию с развитыми странами Запада по показателям структуры производства и потребления, формулирует меры, которые необходимы, чтобы преодолеть отставание от стран-лидеров⁵³. В. Гринецкий в работе, оказавшей большое влияние на авторов плана ГОЭЛРО, основывает свое видение стратегических проблем развития страны на сравнении топливных балансов России и наиболее развитых государств⁵⁴. М. Туган-Барановский рассматривает перспективы развития земельных отношений в России на базе анализа последних тенденций, характерных для землевладения Франции и Германии⁵⁵. П. Струве, проанализировав опыт развитых стран, приходит к выводу, что капитализм в России – единственная возможность для подъема производительных сил страны, считает его могущественным фактором культурного прогресса, фактором, не только разрушающим прошлое, но и созидующим⁵⁶. И те авторы, которые не считали себя ортодоксальными марксистами, оставались в то время под сильным влиянием марксизма с характерными для него представлениями о “железных законах истории”, о том, что более развитые страны демонстрируют отстающим картину их будущего.

Опыт XX в. показал, как осторожно надо обходиться с “железными законами истории”, как далеки от действительности бывают прогнозы, которые базируются на, казалось бы, несомненном историческом опыте и характерных для стран-лидеров тенденциях. Именно это в 50-х годах XX в. послужило поводом для энергичной атаки на саму возможность изучить и выявить исторические закономерности, предпринятой самыми авторитетными мыслителями-либералами того времени – К. Поппером, Ф. Хайеком, И. Берлиным⁵⁷.

Поэтому, прежде чем дальше анализировать перспективы развития России на основе опыта и проблем, выявившихся в странах-лидерах на протяжении последнего полувека, необходимо обсудить, возможно ли вообще изучать закономерности социально-экономиче-

⁵³ См.: Витте С. Ю. *Докладная записка Николаю II* // Историк-марксист. 1935. № 2/3. С. 131–139.

⁵⁴ О сравнительном анализе топливного баланса наиболее развитых стран и России как базе долгосрочной стратегии развития страны после окончания Гражданской войны см.: Гринецкий В. И. *Послевоенные перспективы русской промышленности*. М.: Изд-во Всероссийского центрального союза потребительских обществ, 1922. С. 42–53.

⁵⁵ См.: Туган-Барановский М. И. *Земельный вопрос на Западе и в России*. М., 1917.

⁵⁶ См.: Струве П. *Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России*. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1894. С. 288.

⁵⁷ Berlin I. *Historical Inevitability*. London: Oxford University Press, 1959; Hayek F. A. von. *Studies in Philosophy, Politics and Economics*. London: Routledge & Kegan Paul, 1967; Hayek F. A. von. *The Road to Serfdom*. Chicago: University of Chicago Press, 1945; Hayek F. A. von. *The Counter-revolution of Science: Studies of the Abuse of Reason*. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1952; Popper K. R. *The Poverty of Historicism*. London: Routledge & Kegan Paul, 1961; Popper K. R. *Conjectures and Refutations: The growth of Scientific Knowledge*. London: Routledge & Kegan Paul, 1963; Popper K. R. *The Open Society and Its Enemies*. Vol. 1–2. London: Routledge & Kegan Paul, 1957.

ского развития и строить на их основе хотя бы сценарные прогнозы. А для этого стоит проанализировать судьбу учения К. Маркса о законах истории и постараться выяснить, что дал опыт XX в. для понимания закономерностей развития человеческого общества.

Глава 2

Экономический детерминизм и опыт XX века⁵⁸

Маркс фактически создал новую экуменическую организацию, некую антицерковь с полным концептуальным аппаратом, способным, по крайней мере в теории, дать ответы на все возникающие вопросы – общие и частные, исторические и натуралистические, моральные и эстетические.

Исайя Берлин⁵⁹

Пожалуй, никто из мыслителей, занимавшихся проблемами общественного развития, не оказал такого влияния на исторические процессы в мире последних полутора веков, как К. Маркс. И сегодня в научной литературе на него ссылаются в 5–10 раз чаще, чем на самого цитируемого либерального экономиста в истории – А. Смита. С тиражами сочинений К. Маркса, его последователей сопоставимы разве что тиражи Библии.

На протяжении почти века марксизм был в России господствующей идеологией, используемой для осмысления развития страны и мира⁶⁰. Он продолжает влиять на общественное сознание и сегодня. В подавляющем большинстве советские люди не имели доступа к иному социальному образованию, кроме вульгаризированного марксистского. Одна из главных его догм состояла в том, что крах капитализма и торжество социализма неизбежны. Двадцатый век показал ее ошибочность. В нынешней России общественное сознание потеряло точку опоры. При обсуждении происходящего в мире доминируют мало-системные апелляции к немарксистским социальным теориям, перемешанные с набором клише из исторического материализма и политэкономии Маркса.

Главное в марксизме – метод исторического анализа, представление о производительных силах как о важнейшем факторе, который по мере общественного развития модифицирует структуру производственных отношений и само общество. Вот несколько краеугольных камней марксистской теории: производственные отношения, в свою очередь, могут оказать влияние на развитие производительных сил; более развитая страна показывает менее развитой картину ее будущего; общественные формации закономерно сменяют друг друга; революции необходимы и неизбежны при смене общественных формаций; классовая борьба – важнейшая составляющая общественной жизни и процесса общественных изменений. Философия истории в марксистском понимании не только метод изучения прошлого, но и способ анализа тенденций развития отдельных стран и всего мира. Он основан на формулировании детерминант, определяющих изменение организации общественной жизни, закономерностей, вытекающих из самого факта наличия этих детерминант.

⁵⁸ Данная глава – результат совместной работы с одним из единомышленников автора – В. Мау. Подробнее взгляды на эту тему изложены в статье: Гайдар Е., Мау В. *Между научной теорией и “светской религией”: марксизм как философия истории* // Вопросы экономики. 2004. № 5–6.

⁵⁹ Сэр Исайя Берлин (1909–1997) – английский философ, один из наиболее выдающихся либеральных мыслителей XX в. Родился в России (г. Рига). Историк философских идей в Европе, переводчик русской литературы и философской мысли. В 1957 г. возведен в рыцарское звание. С 1974 по 1978 г. был президентом Британской академии.

⁶⁰ Нигде идеи Маркса не были так быстро рецептированы, как в России, не только публицистикой, но и так называемой научной литературой” (см.: Струве П. *Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России*. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1894. С. 43–44).

§ 1. Исторические условия возникновения марксизма

Для понимания сути и места марксизма в интеллектуальном развитии человечества, его возможности влиять на современный общественный анализ необходимо принять во внимание особенности эпохи, в которой формировались основы этой доктрины.

В XVIII–XIX вв. Англия, а затем и Западная Европа в целом вступают в эпоху быстрых и очевидных изменений в экономике и обществе. Идет перераспределение рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, людей – из деревни в город. Возникают производства, в массовых масштабах использующие машины. Появляются новые средства транспорта: железные дороги, суда с паровыми двигателями. Рушатся социальные институты и социальная иерархия, характерные для аграрного общества, возникают новые проблемы, порожденные урбанизацией, динамикой экономической конъюнктуры. Сохранять старую, традиционную, статичную картину мира становится невозможным: она со всей очевидностью противоречит новым реалиям. Отсюда растущий спрос на концепции, способные объяснить происходящие перемены, их причины, внутреннюю логику, заложенные в них тенденции, потребность в теории, формулирующей законы развития современного общества.

Маркс был не первым, кто попытался ответить на этот вызов времени. О закономерностях исторического развития и исторических перемен пишут французские историки периода Реставрации, К. Сен-Симон и его ученики, П. Прудон, О. Конт, Г. Бокль, последователи германской исторической школы.

До конца XVIII в. бедность была в первую очередь уделом деревни. В городах было немало бедных, но доля городского населения к этому времени еще была невелика (табл. 2.1).

Таблица 2.1. Доля малоимущих в общей численности населения для отдельных европейских городов, XV–XVII вв.

Город	Год, период	Доля малоимущих, %
Лёвен (Бельгия)	Конец XV в.	18
Антверпен (Бельгия)	Конец XV в.	12
Гамбург (Германия)	Конец XV в.	20
Кремона (Италия)	1550	6
Кремона (Италия)	1610	15
Модена (Италия)	1621	11
Сиена (Италия)	1766	11
Венеция (Италия)	1780	14

Источник: Cipolla Carlo Maria. *Before the Industrial Revolution*. Methuen, 1981. P. 15.

Веками малоземелье, неурожаи, вспышки голода удерживали темпы роста населения на низком уровне. Когда бедность сконцентрирована в деревне, для элиты, в том числе интеллектуальной, она малозаметна. С началом современного экономического роста, ускорением прироста населения, сокращением сельской занятости, урбанизацией бедность перемещается в города. Городские бедняки – это те, кто обречен на голодную смерть. Бедность стано-

вится зримой, и это происходит на фоне технических инноваций, беспрецедентного роста производственных возможностей.

В деревне бедняк может обратиться за помощью к членам большой семьи или соседям. Она не гарантирована, но отказ предоставить ее противоречит традициям. С переездом в город большая семья распадается, а нормы соседской взаимопомощи не действуют. Традиционные механизмы социальной солидарности разрушены, а новые еще не созданы. К тому же продолжительность трудового времени в течение года в ходе промышленной революции увеличивается с 2,5 тыс. до 3 тыс. ч⁶¹.

Урбанизация порождает новые причины бедности. При натуральном крестьянском хозяйстве, ограниченности рынков риски, связанные с колебаниями экономической конъюнктуры, были невелики. Главными угрозами оставались неурожай, войны и эпидемии. Теперь же доступность продовольствия – это первая забота города. Роль рынков в экономике растет, и колебания конъюнктуры приводят к неожиданным массовым увольнениям, что лишает городскую бедноту последних средств к существованию. Механизмов регулирования социальных последствий безработицы еще нет. Свидетельство социальной дестабилизации раннего индустриального периода – рост преступности по сравнению с уровнями, характерными для традиционного аграрного общества. Лишь на следующих этапах индустриализации, примерно через два поколения после ее начала, уровень преступности начинает снижаться⁶².

Давно идет дискуссия о том, как менялся уровень жизни английских низших классов в первой половине XIX в. Из-за недостатка надежных данных она, вероятно, никогда не завершится. Однако у современников не вызывал сомнения тот факт, что по мере индустриализации реальная заработная плата занятых в промышленности падала, а нищета среди рабочих росла⁶³.

Вообще же тогда считалось, что бедность низших классов полезна, а в повышении их благосостояния таится опасность для общества⁶⁴. С последней четверти XVIII в., со времени публикации книги “О природе и причинах богатства народов” А. Смита, заработную плату рассматривали исключительно как средство поддержания жизни рабочих и воспроизводства низших классов. Через несколько лет после выхода этой работы ее уже часто цитируют в английском парламенте. Еще через несколько лет изложенные в ней представления становятся основной аргументацией в спорах на экономические темы. Естественность законов, которые определяют уровень заработной платы и невозможность его повышения, – один из ключевых тезисов Д. Рикардо.

⁶¹ Tranter N. *The Labour Supply 1780–1860* // McCloskey D. (ed.). *The Economic History of England Since 1700*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 220, 221; Crafts N. F. R. *British Economic Growth, 1700–1850; Some Difficulties of Interpretation* // *Explorations in Economic History*. Vol. 24 (3). 1987. P. 245–268. По этому вопросу продолжается дискуссия. Некоторые авторы считают, что Крафтс и те, кто разделяет его мнение, опираются лишь на данные, характеризующие продолжительность рабочего года в текстильной и металлургической промышленности. С учетом традиционных отраслей увеличение продолжительности рабочего года во время промышленной революции было не столь резким (см.: Williamson J. G. *Debating the Industrial Revolution* // *Explorations in Economic History*. Vol. 24 (3). 1987. P. 280).

⁶² О динамике преступности в Англии, Франции и Германии на ранних стадиях современного экономического роста см.: Emsley C. *Crime and Society in England 1750–1900*. Chapter 2. London; New York: Longman, 1987; Zehr H. *The Modernization and Crime in Germany and France, 1830–1913* // *Journal of Social History*. Vol. 8 (4). 1975. P. 117–141.

⁶³ Данные о среднем росте поступающих на военную службу в Англии, рекрутируемых, как правило, из низкостатусных групп населения, дают основание полагать, что представления об увеличении распространения бедности в начале XIX в. не были беспочвенными (см.: Riley J. C. *Rising Life Expectancy. A Global History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 141).

⁶⁴ Как говорил кардинал Ришелье: “Все политики согласны, что ежели народ будет в достатке, то невозможно будет содержать его в границах его обязанностей. Они основываются на том, что, имея меньше знаний, чем другие сословия государства, несравненно лучше воспитанные и более образованные, народ едва ли оставался бы верен порядку... если бы он не был до некоторой степени сдерживаемый нуждой” (см.: Андреев А. Р. *Гений Франции, или Жизнь кардинала Ришелье. Документальное историческое исследование. Политическое завещание А. П. Ришелье*. М.: Белый Волк, 1999. С. 157).

Т. Мальтус понимал социально-политическую уязвимость представления о том, что повысить уровень жизни основной массы населения при существующем общественном устройстве невозможно. Он попытался вывести это положение не из организации общества, а из природных закономерностей: постоянный рост народонаселения – объективная реальность, она-то и не позволяет улучшать жизнь низших классов⁶⁵. В 1798 году он пишет, что тенденции к улучшению условий жизни работающих бедных не существует и не может существовать⁶⁶. Несколько десятилетий спустя Дж. Маккулох утверждает: “...Фабричная система неблагоприятно влияет на положение большинства занятых в ней”⁶⁷.

А вот мнение другого автора – Дж. Хикса: “Сакраментальный вопрос английской истории: почему период, потребовавшийся для повышения реальной заработной платы, оказался столь протяженным, несмотря на ее колебания между 1780 и 1840 годами? Как бы то ни было, резкое отставание динамики заработной платы от экономического развития в это время очевидно”⁶⁸.

Представления исследователей, которые доказывали ошибочность господствовавших взглядов об ухудшении положения рабочего класса на начальных стадиях индустриализации в Англии, объединены в работе “Капитализм и историки” под редакцией Ф. Хайека⁶⁹. Но и ее авторы согласны с тем, что в 30–40#е годы XIX в. мнение об углубляющейся нищете рабочих было широко распространено. И эти представления бытовали в то время, когда происходили серьезнейшие социальные перемены и беспрецедентное расширение экономических возможностей⁷⁰. В такой обстановке концепция, связывающая логику экономического развития, неотвратимость коренного изменения общественного устройства и сдвигов к улучшению жизни низших классов, просто не могла не появиться.

В 40#е годы XIX в. К. Маркс оказался свидетелем бурных изменений в производительных силах и связанных с ними перемен в организации общественной жизни. Они носят масштабный, системный характер, протекают на фоне растущих производственных возможностей и бедственного положения основной части населения. А экономическая теория утверждает: жизнь рабочих лучше не будет, это невозможно, иного способа производства, кроме капитализма, придумать нельзя.

⁶⁵ Как справедливо отмечал Э. Ле Рой Ладури, Мальтус был рациональным теоретиком традиционных обществ, но он был пророком прошлого; он слишком поздно родился для быстро изменяющегося мира (см.: coll_1 *The Peasants of Languedoc*. Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1976. P. 311).

⁶⁶ “Главная и постоянная причина бедности мало или вовсе не зависит от образа правления или от неравномерного распределения имущества; не во власти богатых доставить бедным работу и пропитание, поэтому бедные, по самой сущности вещей, не имеют права требовать от них того и другого. Эти важные истины вытекают из закона народонаселения, который при ясном изложении доступен самому слабому пониманию. Поэтому, раз убедившись в них, низшие классы выказывали бы больше терпения в перенесении тягостного положения, в котором они могут оказаться. Нужда не вызывала бы в них такого негодования против правительства и богатых людей; они не выражали бы постоянной готовности к неповиновению и мятежу, а, получая вспомоществование от общественного учреждения или частного лица, чувствовали бы больше признательности и лучше ценили бы его” (см.: Мальтус Т. *Опыт закона о народонаселении*. Петрозаводск: Петроком, 1993. С. 110).

⁶⁷ McCulloch J. R. *Treatises and Essay on Money, Exchange, Interest, the Letting of Land, Absenteeism, the History of Commerce, Manufactures, etc.* Edinburgh, 1859. P. 454, 455.

⁶⁸ Hicks J. *A Theory of Economic History*. London; Oxford; New York: Oxford University Press, 1969. P. 148, 149.

⁶⁹ Hayek F. A. (ed.) *Capitalism and the Historians*. Chicago: The University of Chicago Press, 1954. P. 14.

⁷⁰ В это время Алексис де Токвиль описывает социальный климат во Франции как войну всех против всех. “Я видел общество, разделенное на два лагеря. Те, кто не имеет ничего, объединены в алчности. Те, кто что-то имеет, объединены страхом. Никаких связей не существует между этими двумя классами. Везде господствует идея неизбежной и приближающейся схватки” (см.: Tocqueville A. de. *Democracy in America*. Vol. I. New York: Alfred A. Knopf, 1945). Как справедливо отмечает С. Хантингтон, “модернизация всегда вызывает кризис традиционной политической системы, но отнюдь не всегда обеспечивает создание современной политической системы. Если развитость приносит стабильность, то развитие (модернизация) приносит нестабильность” (см.: Huntington S. P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven; London: Yale University Press, 1968. P. 40, 41).

К середине XIX в. ведущая роль промышленности стала для всех очевидной. Новые реалии обусловили два центральных вывода К. Маркса. Развитие промышленности – атрибут социально-экономического прогресса. На авансцену истории выходит промышленный пролетариат. Он становится ведущей социальной силой в общественном развитии. Обнищание трудящихся как следствие развития капитализма представлялось одной из важнейших особенностей Нового времени.

Этот тезис – один из наиболее противоречивых в теории К. Маркса, но в то же время он и один из важнейших в марксистской идеологии. Ухудшение положения трудящихся считалось очевидным фактом на протяжении первой половины жизни К. Маркса, примерно до 1860-х годов. Именно в этот период закладывались основы и разрабатывалось мировоззрение создателей нового учения. Вдумчивый исследователь не мог обойти данную проблему. Об обнищании трудящихся писали решительно все: публицисты, правительственные чиновники, ближайший друг и соавтор К. Маркса – Ф. Энгельс⁷¹. Обнищание вписывалось в гегелевскую диалектику при описании логики исторического прогресса (точнее, естественным образом следовало из этой логики) – трудящиеся через обнищание (отрицание собственности) приходят к новому положению, становясь господами своей жизни и даже истории (отрицание отрицания).

Какой вывод из этого сделает исследователь, готовый допустить возможность других способов производства? Он естественен: капитализм, развиваясь, обостряет до предела внутренние противоречия между богатеющими и нищающими и создает технологические возможности, позволяющие организовать производство и общество иначе. Будучи продуктом общественной эволюции, капитализм не вечен.

Этот вывод накладывается на гегелевскую диалектику, которая видит экономику и общество развивающимися системами, подкрепляется примером других стран, менее развитых, где тоже происходят подобные перемены. Сомнений быть не может: Англия показывает своим последователям картину их будущего⁷².

§ 2. “Железные законы истории” и их судьба

Еще нет четкой картины мирового развития в условиях современного экономического роста, никому не известно, что начался сложнейший исторический процесс, в ходе которого возможны неожиданные изменения, казалось бы, непоколебимых, прошедших испытание временем тенденций. К. Маркс опирается на опыт развития европейских государств, накопленный за несколько десятилетий. Ему кажется, что он понимает закономерности наблюдаемых перемен, – открыл “железные законы истории”, хотя и не любит употреблять это выражение. События, развивающиеся в Европе, подкрепляют его теорию: следующие за Англией страны во многом повторяют характерные для нее тенденции трансформации производительных сил, социальных перемен.

Обсуждение совокупности взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на общественное развитие и экономику – за пределами темы данной книги. Однако их влияние на траекторию мирового развития имеет к ней непосредственное отношение. В короткой надгробной речи на похоронах ближайшего друга и соавтора Ф. Энгельс называет главное, на его взгляд, свер-

⁷¹ Энгельс стал заниматься экономическими проблемами раньше Маркса, именно он пробудил у К. Маркса интерес к ним. Работу “Положение рабочего класса в Англии”, написанную Энгельсом в 1844–1845 годах, К. Маркс назвал гениальной (см.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 8).

⁷² О влиянии специфических условий первой половины XIX в. на формирование взглядов К. Маркса см.: Field A. J. *The Future of Economic History*. Boston; Pordrecht; Lancaster: Kluwer, Nijhoff Publishing, 1987. P. 301, а также: Row W. W. *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. P. 157.

шение К. Маркса: открытие законов исторического развития⁷³. В одной из работ соратник первооткрывателя пишет: “Хотя «Манифест» – наше общее произведение, тем не менее я считаю своим долгом констатировать, что основное положение, составляющее его ядро, принадлежит Марксу. Это положение заключается в том, что в каждую историческую эпоху преобладающий способ экономического производства и обмена и необходимо обусловливаемое им строение общества образуют основание, на котором зиждется политическая история этой эпохи и история ее интеллектуального развития, основание, исходя из которого она только и может быть объяснена; что в соответствии с этим вся история человечества (со времени разложения первобытного родового общества с его общинным землевладением) была историей борьбы классов, борьбы между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, господствующими и угнетенными классами; что история этой классовой борьбы в настоящее время достигла в своем развитии той ступени, когда эксплуатируемый и угнетаемый класс – пролетариат – не может уже освободить себя от ига эксплуатирующего и господствующего класса – буржуазии, – не освобождая вместе с тем раз и навсегда все общество от всякой эксплуатации, угнетения, классового деления и классовой борьбы”⁷⁴.

Важнейший для анализа и прогноза вывод из Марксова видения закономерностей, присущих историческому процессу, мы уже называли: более развитые страны демонстрируют менее развитым картину их будущего. Отсюда всего шаг до тезиса о “железных законах истории”, которые указывают обществу направление его движения. Ф. Энгельс в своих работах неукоснительно следует логике “железных законов истории”⁷⁵.

Разумеется, отцы-основатели марксизма вовсе не предполагали, будто все страны пойдут по одной и той же траектории развития, проложенной Англией. Они понимали, что не всем удастся создать предпосылки для возникновения капитализма и связанного с ним роста производства⁷⁶. У национальных путей развития возможны особенности⁷⁷.

Однако страны, которые решат проблемы формирования капиталистического строя принципиально, по основным направлениям, определяющим изменения в организации экономики и общества, пойдут общим путем. Каждому уровню развития производительных сил будет соответствовать определенная, заданная система производственных и общественных отношений.

Трудно переоценить влияние, которое оказал Маркс на осмысление закономерностей мирового социально-экономического развития. Как воспринимали это учение его последователи, описал признанный лидер марксизма в России конца XIX в. Г. Плеханов: “Собственно говоря, до Маркса общественная наука была гораздо более лишена твердой основы, чем астрономия до Коперника. Французы называли и называют все науки, имеющие дело с человеческим обществом, *sciences morales et politiques* (моральные и политические науки), в отличие от «*sciences*», «наук» в собственном смысле этого слова, которые признавались

⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2#е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 350, 351.

⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2#е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 367.

⁷⁵ “Франция, Германия и особенно Америка – вот те грозные соперницы, которые, как я это предвидел в 1844 г., все более и более подрывают промышленную монополию Англии. Их промышленность молода сравнительно с английской, но она растет гораздо более быстрым темпом и в настоящее время – и это весьма любопытно – достигла почти той же ступени развития, на какой английская промышленность находилась в 1844 году. По отношению к Америке сравнение особенно разительно. Конечно, внешние условия жизни рабочего класса в Америке весьма отличны от этих условий в Англии, но и тут и там действуют одни и те же экономические законы, так что результаты, хотя и не во всех отношениях тождественные, должны все же быть одного и того же порядка. Вот почему мы находим в Америке ту же борьбу за более короткий рабочий день, за законодательное ограничение рабочего времени, в особенности для женщин и детей на фабриках; находим в полном расцвете систему оплаты труда товарами и систему коттеджей в сельских местностях, – системы, которые используются «боссами» как средство господства над рабочими” (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2#е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 263).

⁷⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2#е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 9. С. 250, 251.

⁷⁷ См.: Энгельс Ф. К аграрному вопросу на Западе. Одесса, 1905.

и признаются единственно точными науками. И надо сознаться, что до Маркса общественная наука не была и не могла быть точной”⁷⁸.

В 1969 году Дж. Хикс в работе “Теория экономической истории” сетовал на то, сколько сделано для систематического приложения экономико-теоретических идей к анализу исторического процесса за 100 лет после публикации работ К. Маркса⁷⁹. Д. Белл, автор первой и, пожалуй, лучшей книги, посвященной проблемам постиндустриального общества, утверждает, что все серьезные исследователи, рассматривавшие проблемы долгосрочного социально-экономического развития, были постмарксистами⁸⁰.

Совокупность базовых тезисов марксизма, его претензия на обладание знанием законов истории вместе с преобразовательной нацеленностью историко-философской доктрины придают учению мессианский характер. Это хорошо видно из одного из самых известных документов революционного марксизма – “Манифеста Коммунистической партии”. Его авторы и не пытались это скрывать. В наиболее развитом виде доктрина сформировалась к концу 1860-х годов, когда был опубликован первый том “Капитала” (1867 год).

Й. Шумпетер был в числе тех исследователей, которые первыми обратили внимание на ныне общепризнанное: в марксизме неразрывно связаны элементы научной теории и светской религии. Если научный характер, опора на обширный фактический материал, теоретические построения придают марксизму убедительность, то элементы светской религии – объяснение мироустройства, прогнозы развития, руководство к практическим действиям, рассуждения на тему добра и зла – делают его особенно притягательным. Шумпетер также отмечал, что марксизм дает молодому человеку, который не обладает системными взглядами на взаимосвязи общественных процессов, целостное представление об устройстве мира, о законах его развития и собственном моральном долге⁸¹. К. Поппер, в юности увлекавшийся марксизмом, а затем посвятивший большую часть жизни полемике с Марксом, обращал внимание на завораживающее обаяние марксизма: идеи Маркса создают ощущение, будто ты познал законы истории и увидел картину будущего, дают неявный моральный посыл – помочь свершиться неизбежному⁸².

В конце XIX в. представления о закономерностях происходящего в наиболее развитых странах, о том, что новое так или иначе пробьет себе дорогу в жизнь, широко распространены в мире, в том числе и среди тех, кто марксизму не симпатизирует⁸³.

⁷⁸ Плеханов Г. В. *К вопросу о развитии монистического взгляда на историю*. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1938. С. 92.

⁷⁹ Hicks J. *A Theory of Economic History*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1969. С. 3.

⁸⁰ Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1973. P. 55, 56.

⁸¹ “В каком-то смысле марксизм и есть одна из религий... Верующему она дает систему конечных целей, которые составляют смысл жизни и являются абсолютными стандартами, по которым можно судить события и поступки; марксизм показывает путь к достижению этих целей, который составляет план спасения и указывает на зло, от которого необходимо спасти человечество или определенную избранную часть человечества” (см.: Schumpeter J. A. *Capitalism, Socialism and Democracy*. London: Unwin Paperbacks, 1987. P. 5).

⁸² О взглядах К. Поппера на причины привлекательности марксизма см. его работу: Popper K. *Unended Quest: An Intellectual Autobiography*. London: Routledge, 1992. P. 34.

⁸³ К. Леонтьев писал: “Все эти нации, все эти государства, все эти общества (Европы. – Е. Г.) сделали за эти 30 лет огромные шаги на пути эгалитарного либерализма, демократизации, равноправности, на пути внутреннего смешения классов, властей, провинций, обычаев, законов и т. д. И в то же время они все много «преуспели» на пути большего сходства с другими государствами и другими обществами. Все общества Запада за эти 30 лет больше стали похожи друг на друга, чем были прежде... Все идет к одному – к какому-то средневропейскому типу общества и к господству какого-то среднего человека” (см.: Леонтьев К. *Национальная политика как орудие всемирной революции: Письмо к О. Фуделю*. М., 1889. С. 17, 22).

Представление о “железных законах истории”, которые задают тенденции в общественном развитии, становится весомым аргументом в политических дискуссиях. Обосновывая историческую необходимость даровать народу свободу, С. Витте в 1905 году писал Николаю II: “Ход исторического процесса неуклонно идет. Идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформы, то путем революции... Попытки осуществить идеалы теоретического социализма, – они будут неудачны, но они будут, несомненно, – разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основные права”⁸⁴.

Сегодня главная проблема, связанная с законами исторического развития в том виде, как их сформулировал Маркс, кроется в самой природе феномена, объяснения которого мы ожидаем, – в сути современного экономического роста. Это незавершенный, продолжающийся процесс динамичных и глубоких преобразований, не имеющий прецедентов в мировой истории. Для него характерны масштабные изменения прочно устоявшихся тенденций. Именно отсюда многочисленные ошибки исследователей, пытавшихся экстраполировать в будущее современные им тенденции в развитии стран-лидеров. Д. Рикардо, известный английский экономист, публиковавший свои работы в эпоху промышленной революции, неправильно понял важность сопутствующих ей технологических усовершенствований и предсказал длительную стагнацию экономики Англии⁸⁵. Т. Мальтус опирался на достоверные сведения об ускорившихся в конце XVIII – начале XIX в. темпах роста населения в Англии, строил на них свои выводы. Теперь мы знаем, что экстраполяция характерных для ранних стадий демографического перехода тенденций на более поздние стадии неправомерна.

Многие десятилетия современный экономический рост отождествляли с индустриализацией: он сопровождался быстрым ростом доли промышленности в ВВП и структуре занятости. Во второй половине XX в. выяснилось, что индустриализация лишь одна из стадий современного экономического роста, ей на смену приходит другая: за счет промышленности растет доля сферы услуг. В те времена, когда Маркс работал над своими трудами, еще не проявился коварный характер современного экономического роста, его способность преподносить сюрпризы тем, кто счел себя знатоком его логики, закономерностей развития. И Маркс, используя доступный ему теоретический и фактический материал, пытался постичь законы развития капиталистического способа производства, выявить его противоречия, механизмы крушения общественного строя, при котором рост производства идет на фоне увеличивающейся нищеты основной массы населения.

§ 3. Начало кризиса марксизма

Тезис об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса как характерной черте капитализма оказался первым из опровергнутых историей ключевых положений марксизма. До 60-х годов XIX в. еще можно было спорить, растет или нет реальная заработная плата английских рабочих, но затем ее повышение становится очевидным фактом⁸⁶. А ведь

⁸⁴ Витте С. *Записка о необходимости реформ, представленная императору Николаю II 9 октября 1905 года* // Красный архив. 1925. № 4–5. С. 51–61.

⁸⁵ Рикардо Д. *Начала политической экономии и податного обложения*. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 294–304.

⁸⁶ В 1860 г. четверть населения Англии потребляла менее 3 тыс. калорий в день, еще четверть – менее 3,5 тыс. Через 20 лет потребление даже нижних 10 % доходных групп населения было немногим ниже 3,5 тыс. калорий (см.: Heclo H. *Modern Social Politics in Britain and Sweden. From Relief to Income Maintenance*. New Haven; London: Yale University Press, 1974. Р. 27, 28). Данные об увеличении душевых доходов в середине – конце XIX в. в Западной Европе подтверждаются сведениями о среднем росте призывников. В 1851–1855 годах средний рост призывника в шведскую армию составлял 166,6 см, к 1911–1920 годам он увеличился до 172,7 см; в Норвегии соответствующее увеличение составило со 168,6 см в 1850 году до 170,7 см в 1905 году; в Дании – со 165,4 см в 1852–1856 годах до 169,1 см в 1904–1905 годах; в Нидерландах со 164,1 см в 1863 году до 167 см в 1902–1904 годах (см.: Россет Э. *Продолжительность человеческой жизни*. М.: Прогресс, 1968).

неизбежность обнищания отнюдь не частность для марксизма, а едва ли не главная причина, по которой, в концепции Маркса, крах капитализма неизбежен.

Пытаясь устранить противоречие между Марксовой теорией и реальностью, Ф. Энгельс указывает на исключительное положение Англии, ее промышленную монополию в Европе и мире. Рано или поздно монополии придет конец, и тогда вновь даст о себе знать старая тенденция – к обнищанию рабочего класса⁸⁷. К концу XIX в. слабость английского рабочего движения разительнo противоречила уровню развития капитализма в Англии. Этот факт стал даже для марксистов тривиальным.

Постепенно тенденция к росту реальной заработной платы рабочих проявляется в следующих за Англией странах континентальной Европы. В конце XIX в. марксисты пытаются спасти чистоту учения: у Маркса, по их словам, речь идет не об абсолютном, а об относительном обнищании пролетариата⁸⁸. Но это со всей очевидностью противоречит работам основоположника, поскольку краеугольный камень учения Маркса – тезис о невозможности улучшить положение рабочего класса в условиях капитализма.

На этапах более зрелого индустриального общества социально-политический фон экономического развития изменяется. Еще недавно английские рабочие, лишенные избирательных прав и социальной защиты, с трудом адаптирующиеся к городской жизни, работе на фабрике⁸⁹, были антиподами политической элиты, которой их интересы и чаяния безразличны; они казались мощной революционной силой, способной по мере обострения противоречий капитализма сокрушить его. К 1860–1870 годам английская буржуазия проявила гибкость, предоставила большинству рабочих-мужчин избирательное право. Начинает сокращаться рабочий день, увеличивается продолжительность отпусков и времени нетрудоспособности, за которую выплачивается пособие; трудовой год в странах – лидерах современного экономического роста сокращается в среднем примерно с 3 тыс. ч до менее 2 тыс. ч. Сокращение рабочего дня способствует как улучшению здоровья трудящихся, так и повышению качества трудовых ресурсов⁹⁰.

Рабочие быстро, всего за два поколения, адаптируются к новым реалиям, к жизни в городе и работе на фабрике. Их политическая активность растет, она приводит к серьезным изменениям в рабочем законодательстве. Это, в свою очередь, вызывает рост реальной заработной платы. Английское рабочее движение превращается в политическую силу, ориентированную на реформы, улучшающие положение рабочих, а не на революционное свержение капитализма. В 70–80-х годах XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс пишут об английских рабочих с нескрываемым раздражением⁹¹. Английский рабочий класс не оправдал ожиданий классиков марксизма.

1981. С. 29).

⁸⁷ "...Пока существовала промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной мере принимал участие в выгодах этой монополии. Выгоды эти распределялись среди рабочих весьма неравномерно: наибольшую часть забирало привилегированное меньшинство, но и широким массам изредка кое-что выпадало. Вот почему с тех пор, как умер оуэнизм, в Англии больше не было социализма. С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение, он весь, не исключая привилегированного и руководящего меньшинства, окажется на том же уровне, на каком находятся рабочие других стран. И вот почему социализм вновь появится в Англии" (см.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 204, 205).

⁸⁸ См.: Каутский К. *О материалистическом понимании истории*. Иваново-Вознесенск: Основа, 1923. С. 60.

⁸⁹ В XVIII в. свободно рожденные англичане, даже занятые на наемной работе в сельском хозяйстве, пытались всячески избежать положения наемного работника в промышленности (см.: Field A. J. *The Future of Economic History*. Boston: Pordrecht; Lancaster: Kluwer, Nijhoff Publishing, 1987. P. 272).

⁹⁰ Maddison A. *Dynamic Forces in Capitalist Development*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1991. P. 63.

⁹¹ "Благодаря периоду коррумпированности, наступившему с 1848 года, английский рабочий класс был постепенно охвачен все более и более глубокой деморализацией и дошел наконец до того, что стал простым придатком «великой либеральной партии», т. е. партии своих собственных поработителей, капиталистов" (см.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1964. Т. 34. С. 249).

Из поздних произведений К. Маркса нетрудно понять, что перспективы социалистической революции вызывали у него все большие сомнения. Это состояние растущего пессимизма удается преодолеть во времена Парижской коммуны, но поражение последней и укрепление во Франции режима Третьей республики усиливают скептические настроения по отношению к неизбежности пролетарской революции. К. Маркс перестает работать над «Капиталом»⁹². В то же время растет его интерес к менее развитым странам, прежде всего к России (см. об этом ниже, в гл. 8).

Модификации историко-философской доктрины, сделанные самими ее основоположниками, касались условий осуществления социального переворота. Практика свидетельствовала, что революционные катаклизмы, стремление пролетариата взять власть в свои руки не находятся в линейной зависимости от прогресса капиталистических отношений. В противном случае следовало бы ожидать, что Англия покажет пример развития не только производительных сил, но и революционного движения, приближения общества к социализму. Между тем практика свидетельствовала, что революционное движение (и рабочее партии) активнее развивается в более отсталых странах. Во Франции, а не в Англии периодически происходили революционные взрывы. Если события 1848–1851 годов еще можно было трактовать как продолжение буржуазной революции (хотя социалисты чуть было не пришли к власти), то в 1870–1871 годах революция (и особенно Парижская коммуна) имела выраженный пролетарский и социалистический характер.

В еще менее развитой, хотя и быстро растущей Германии сформировалась и укрепляется социал-демократия, рассматривающая себя как партию рабочего класса, основанную на марксистском учении. Марксизм становится популярным в России. Здесь нарастает революционное движение под социалистическими лозунгами⁹³.

Напротив, не только в Англии, но и в США, где капитализм развивался невиданными темпами, признаки революции не проявляются. Рабочие партии здесь остаются слабыми. Концентрация богатства на одном полюсе не приводит к социальному взрыву на другом. Рассуждения К. Маркса и Ф. Энгельса на тему о США и Англии содержат два рода утверждений. С одной стороны, это варианты объяснений, почему не происходит революционного взрыва, а рабочие остаются пассивными: в США пассивность рабочего движения объясняется постоянным притоком иммигрантов и обилием свободной земли⁹⁴, в Англии (как указывалось выше) – монопольным положением в мировой промышленности, обеспечивающим рост благосостояния английских рабочих за счет рабочих других стран. С другой стороны, основоположники марксизма пытаются доказать, что в конечном счете развитие идет по пути, предначертанному еще в середине 1840#х годов, но за всем их построением стоит плохо скрываемая обида на пролетариат наиболее развитых стран, не понимающий «общих условий освобождения»⁹⁵.

Продвижение марксистских идей на восток потребовало уточнения еще одного принципиального вопроса: в какой мере универсальны закономерности, сформулированные

⁹² В 1883 году, разбирая рукописи умершего друга, Энгельс обнаруживает, что все материалы, имевшие отношение к «Капиталу», т. е. черновики второго и третьего томов, написаны готическими буквами, тогда как начиная с 1873 года Маркс пользуется исключительно латинскими. Это дополнительный показатель того глубочайшего мировоззренческого кризиса, который Маркс переживает в это время (см.: Лобок А. *Подсознательный Маркс*. Екатеринбург: Сред. – Урал. кн. изд-во, 1993. С. 269; Гребнев Л. С. *Мавр возвращается? А он и не приходил...* // Вопросы экономики. 2004. № 8–9).

⁹³ В Предисловии ко 2-му русскому изданию «Манифеста» его авторы писали: «Первое русское издание «Манифеста Коммунистической партии» в переводе Бакунина появилось в начале 60#х годов... В то время русское издание «Манифеста» могло казаться на Западе не более как литературным курьезом. В настоящее время такой взгляд был бы уже невозможен» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2#е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 304).

⁹⁴ См., например, написанное Ф. Энгельсом в 1886 году «Приложение к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии»». (Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2#е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 263, 264).

⁹⁵ Там же. С. 351.

К. Марксом? Неизбежно ли все страны должны будут повторить путь Англии, двигаться от феодальных к капиталистическим производственным отношениям и на основе последних к социализму? Или, формулируя тот же вопрос в этических терминах: насколько обязательно пройти через тяготы и страдания капитализма, чтобы прийти ко всеобщему счастью и братству при социализме?

Ход событий подталкивал к выводу, что революция – не магистральное направление развития буржуазной цивилизации. Возможность революции нарастает на определенном, начальном этапе развития буржуазных отношений, когда происходит поляризация классов и положение трудящихся, переселяющихся из деревни в город, может ухудшаться. Недаром после Англии центр революционной борьбы смещается во Францию и в Германию (отстававшие от Англии на 30–40 лет), а затем – в Россию (еще одно 50-летнее отставание).

Отстающие страны демонстрируют, что революционное движение разворачивается даже при отсутствии классических для марксизма предпосылок, при сохранении традиционных форм организации социально-экономической жизни. Речь идет в первую очередь о России, о возможности использовать общину как ячейку, исходный пункт социализма. Здесь среди немарксистских социалистов была распространена точка зрения, что община создает условия для перехода к социализму, минуя капитализм. Положительный ответ на этот вопрос означал бы существенный пересмотр учения об общественно-экономических формациях. Известно, что в последние 10–15 лет жизни К. Маркс обратился к этой проблеме, стал изучать русский язык, работал с российскими статистическими материалами. В его бумагах сохранились размышления по данному поводу. Характерно, что большинство из них не было предано гласности при жизни автора. В них он говорит о том, что через развитие общины возможно прийти к социализму. Следовательно, к социализму ведут разные пути и опыт западного капитализма не универсален. К. Маркс возражает против превращения его “очерка возникновения капитализма в Западной Европе” в некую “историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются”. Он призывает вместо построения универсальных исторических законов “изучать каждую из этих эволюций в отдельности” и затем сопоставлять их друг с другом⁹⁶.

Из этого вытекают далекоидущие выводы. Сохранение общины позволяет перейти к социализму, минуя тяготы буржуазной эксплуатации. В определенной ситуации сохранившаяся община – это “элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, которые еще находятся под ярмом капиталистического строя”⁹⁷. В черновике эта мысль уточняется: “Жизни русской общины угрожает не историческая неизбежность, не теория, а угнетение государством и эксплуатация проникшими в нее капиталистами”⁹⁸ (курсив мой. – Е. Г.).

Понимание нелинейности общественного развития К. Марксом в поздние годы его жизни заставляет вносить модификации в теорию общественных формаций. Впоследствии “Краткий курс истории ВКП (б)” сведет эту теорию к пресловутой “пятичленке”, по которой мир развивается, переходя последовательно от одной формации к другой, более высокой. У К. Маркса все сложнее. Он выдвигает гипотезу о существовании трех фаз развития общества: первичной (архаической) общественной формации, основанной на общественной собственности, наиболее развитой формой которой является земледельческая община; вторичной формации, основанной на частной собственности, и формации, вновь основанной

⁹⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Со ч. 2* № изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 120, 121.

⁹⁷ Там же. С. 401.

⁹⁸ Там же. С. 415. Несколько иная точка зрения излагается в Предисловии к “Манифесту Коммунистической партии”: возможность развития социализма из общины обуславливается синхронизацией русской революции с пролетарской революцией на Западе (там же. С. 305).

на общественной собственности, напоминающей архаичную, но уже предполагающей более высокую фазу развития производительных сил⁹⁹. Из этого тезиса следует ряд выводов принципиального характера:

- формации могут существовать не только последовательно, сменяя одна другую, но и параллельно. Различные страны, находящиеся примерно на одном уровне развития производительных сил, могут характеризоваться различными общественными формами (азиатский способ производства, рабовладение, феодализм);
- необязательно все страны должны пройти через одни и те же фазы развития общества (одни и те же производственные отношения), даже если их производительные силы находятся на сопоставимом уровне;
- существует множество факторов помимо экономических, оказывающих влияние на формы общественной жизни данной страны.

§ 4. Конфликт между теорией и “светской религией”

В последние годы жизни К. Маркс стал скептически отзываться о “вечных, железных, великих законах”¹⁰⁰. Это означало существенную трансформацию исходной доктрины, ее усложнение, вызов “светской религии”, которая не может быть сложной и многозначной, должна давать простые рецепты.

Обозначилось противоречие. Развитие научных основ марксизма предполагало усиление внимания к нюансам, исключениям из правил. Но это для интеллектуальной элиты. Марксизм же как “светская религия” требовал сохранения неколебимости догматов, минимизации исключений, выпячивания “железных законов”. Дальнейшее научное развитие марксизма означало признание, что часть исходных установок не соответствует долгосрочным трендам развития цивилизации, предполагало пересмотр первоначальных идей. “Религия” требовала решительной борьбы против попыток пересмотра не только логических конструкций, но и буквы нового “писания”.

Сам К. Маркс оказался в ловушке. Сложилась парадоксальная ситуация: марксизм стал заложником интеллектуальной мощи работ своего основоположника, его политического успеха. К. Маркс к концу жизни видел, что многое из написанного им опровергается развитием событий в мире. Но предложенная доктрина благодаря своей внутренней непротиворечивости и простоте овладела массами. А, как писал он сам, идея, овладевая массами, становится материальной силой. К. Маркс пытается пересматривать некоторые элементы доктрины, но видит, что пересмотр отдельных фрагментов рушит все здание. А вокруг этого здания сформировались массовые партии, мировоззрение, цель жизни и судьбы сотен тысяч (и даже миллионов) людей. Все это может быть погребено под обломками, если здание рухнет. Да и соратники не склонны позволять сотрясать основы учения, под знаменем которого строится их борьба и политическая карьера¹⁰¹.

Читая поздние работы К. Маркса, нетрудно заметить, что в последние годы жизни он осторожно относится ко всякому произносимому слову, пытается внести коррективы, не посягая на суть учения, добавляет новые фрагменты. Но все это не выходит за рамки писем и черновиков. Наиболее смелые гипотезы оказываются даже не в частных письмах, а в черновиках, не предназначенных не только для публикации, но даже для отправки кор-

⁹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Со ч. 2#е* изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 419.

¹⁰⁰ Там же. С. 23, 24.

¹⁰¹ На конфликт между марксизмом как научной доктриной и политической идеологией обратил внимание еще Э. Бернштейн. Он писал: “...Социализм как боевое движение не может оставаться свободным от всякой тенденции по отношению к науке. Это лежит в самой его природе, ибо его главная цель не в том, чтобы осуществлять постулаты науки” (см.: Бернштейн Э. *Возможен ли научный социализм?* / Пер. с нем. Ю. Райхсберга. Одесса: Буревестник, 1906. С. 24).

респонденту. Эти наброски или остаются в столе (“предоставляются грызущей критике мышей”, как он сам однажды выразился по другому поводу¹⁰²), или лишаются наиболее интересных пунктов, когда оказываются переписанными набело¹⁰³.

Так развивается конфликт между религиозной и научной сторонами марксизма, который будет оказывать сильное влияние на интеллектуальные поиски XX в. Для стран, провозгласивших марксизм своей официальной идеологией (“государственной религией”), этот конфликт будет иметь трагические последствия, поскольку защита “чистоты марксизма” станет использоваться для оправдания политических репрессий.

§ 5. Ревизия марксизма, вызов постиндустриального развития

Один из ближайших соратников Маркса и Энгельса, с которым в последние годы жизни они вели оживленную переписку, Э. Бернштейн, выступил с работами, направленными на ревизию их наследия, ее адаптацию к изменившемуся миру, где надежды на социалистическую революцию и крушение капитализма становятся призрачными.

Предложенная Э. Бернштейном ревизия марксизма – переориентация социал-демократии с революционных целей на реформистские, приближенная к интересам низших классов перестройка институтов капиталистического общества – задала новую траекторию, по которой в XX в. эволюционировали идеология и политика левых и социал-демократических партий. Однако до того, как правота Бернштейна стала очевидной, мир вступил в период глобальных потрясений 1914–1945 годов. Две мировые войны, замедление темпов экономического роста, социалистическая революция в России, великий кризис, которого так ждал Ф. Энгельс¹⁰⁴, социальная дезорганизация, массовая безработица в странах – лидерах современного экономического роста, неспособность их национальных элит преодолевать кризисные ситуации, успехи советской индустриализации, победа СССР в войне – все это с избытком перекрывало неточности прогнозов Маркса в важных, но, на взгляд его последователей, частных вопросах. Социалистическая революция произошла не там и не так, как он предсказывал, не в самой развитой капиталистической стране, а в той, которая находилась на ранней стадии индустриализации. Но ведь произошла.

К концу Второй мировой войны большинство исследователей в странах – лидерах современного экономического роста были убеждены в том, что Великая депрессия была лишь временно приостановлена войной и вновь возобновится после ее окончания. В это время активно обсуждалось то, что надо делать при возникновении вновь безработицы, сопоставимой по уровню с той, которая была характерна для 1929–1933 годов¹⁰⁵.

На этом фоне тезис о фундаментальной правоте марксистских схем исторического прогресса к середине XX в. практически не подвергался сомнению. Не только восточные революционеры, но и западные интеллектуалы (и даже некоторые буржуазные политики) признавали его правоту. Не во всем, конечно, но общая тенденция экономического прогресса, казалось, была предсказана К. Марксом правильно. Происходит концентрация производства и капитала, кризисы становятся более разрушительными (причем кризисы не только

¹⁰² См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Со ч.* 2#е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 8.

¹⁰³ Наиболее яркими примерами такого рода размышлений являются так и не отправленное письмо редактору “Отечественных записок”, а также письмо Вере Засулич в сравнении с тремя его черновыми набросками (см.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2#е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 116–121, 250, 251, 400–421). Стоит обратить внимание и на “Историю секретной дипломатии”, так никогда и не опубликованную на русском языке.

¹⁰⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2#е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 286, 287, 296–298.

¹⁰⁵ Lipset S. M. *The Third Century. America as a Post-Industrial Society*. California: Stanford University, Hoover Institution Press, 1979. P. 4.

экономические, но и военно-политические), общество требует усиления централизованного регулирования. В эти годы почти все соглашались, что необходимо государственное вмешательство в экономику для преодоления экономических кризисов, которые “широко воспринимались как признак конца капитализма”¹⁰⁶. За этим следовал вывод о “конце истории”, в котором видели, правда, не столько торжество коммунизма, сколько торжество тоталитаризма¹⁰⁷.

В 1940-е годы Й. Шумпетер в работе “Капитализм, социализм и демократия” извиняется, что вынужден затрагивать столь тривиальную тему, как неизбежность победы социализма. Да, на его взгляд, механизмы, которые трансформируют капитализм в социализм, иные, чем представлял себе К. Маркс. Обнищание пролетариата не состоялось, и социального взрыва не будет. Но Маркс был прав в оценке главных тенденций капитализма: концентрация капитала, укрупнение производства, монополизация, бюрократизация экономической жизни, утрата ведущей роли предпринимательства. В неизбежности продолжения этих процессов кроется источник социализации экономики и общества.

Й. Шумпетер повторяет ошибку Маркса: экстраполирует на будущее тенденции, десятилетиями определявшие развитие стран – лидеров современного экономического роста. Для зрелой индустриальной эпохи характерны крупные производственные комплексы, использующие преимущества масштабов, конвейерной организации производства, стандартизации. Другие факторы выйдут на первый план на постиндустриальной стадии развития. Но в конце 1940-х годов сохранение тенденции к концентрации производства представляется Й. Шумпетеру, как и многим другим исследователям, несомненным.

В середине XX в. ветер истории не наполняет паруса корабля либерализма. При всех отклонениях реального исторического развития в конце XIX – второй половине XX в. от логики “железных законов истории” многие еще верят, что основоположники марксизма в целом верно оценивали главные закономерности мирового социально-экономического развития. И наиболее авторитетные мыслители-либералы предпринимают атаку на саму возможность выявить и проанализировать законы исторического развития. К. Поппер, Л. фон Мизес, Ф. Хайек, И. Берлин публикуют работы, в которых критикуют концепцию исторических закономерностей¹⁰⁸.

Кульминацией этой атаки стала публикация в 1957 году книги К. Поппера “Нищета историзма”, главная идея которой – невозможность прогнозировать развитие человечества на основе научных или иных рациональных методов¹⁰⁹. Другая работа на ту же тему – увидевшая свет в 1954 году книга И. Берлина “Историческая неизбежность”¹¹⁰. Самый серьез-

¹⁰⁶ Barkai A. *Nazi Economics: Ideology, Theory and Policy*. Oxford; New York; Munich: Berg, 1990. P. 98. Многие авторы отмечают также распространенные в США (особенно в левых кругах) представления о том, что экономический кризис означает смерть капитализма (см.: Ekirch A. *Ideologies and Utopias: The Impact of the New Deal on American Thought*. Chicago: Quadrangle books, 1969. P. 66, 179).

¹⁰⁷ Дж. Оруэлл вспоминал об этом времени: “Помнится, я как-то сказал Артуру Кестлеру: «История в 1936 году остановилась», – и он кивнул, сразу поняв, о чем речь. Оба мы подразумевали тоталитаризм” (см.: Оруэлл Дж. *Мысли в пути*. М.: АСТ – Ермак, 2003. С. 16).

¹⁰⁸ Разумеется, аргументы против представлений о закономерности исторического процесса приводились и раньше. В самом начале XX в. Э. Мейер писал: “Там, где действительность должна быть изучена в ее частностях, нелепо подводить ее под общие понятия, поэтому нелепо стремиться и к открытию исторических законов, так как законы являются не чем иным, как безусловно всеобщими и необходимыми формулами... Речь идет не о том, насколько трудно или легко открывать исторические законы, а о том, что самое понятие «исторический закон» включает в себе внутреннее противоречие, логическую несообразность, *contradictio in adjecto*, так как понятия «историческая наука» и «наука о законах» совершенно несовместимы одно с другим и исключают друг друга. И действительно, в течение моих многолетних исторических исследований мне не удалось открыть ни одного исторического закона, да и в изучениях других историков мне до сих пор не попадались такие законы” (см.: Мейер Э. *Теоретические и методологические вопросы истории: Философско-исторические исследования*. М.: Типография И. Д. Сытина, 1904. С. 30).

¹⁰⁹ Popper K. R. *The Poverty of Historicism*. London: Routledge & Kegan Paul, 1957. P. 135.

¹¹⁰ Berlin I. *Historical Inevitability*. London: Oxford University Press, 1954. P. 150. Еще одна известная работа, содержа-

ный аргумент либералов – ключевая роль в социально-экономическом развитии достижений науки и новых технологий. На человеческую историю оказывает влияние растущий багаж знаний. Мы не располагаем методами, позволяющими предсказать его воздействие на социально-экономические процессы. Дать научный прогноз дальнейшего развития исторического процесса невозможно¹¹¹.

Аргументация противников “железных законов истории” носит не научный, а скорее идеологический характер. К. Поппер признавал, что его критика представлений о существовании исторических законов – вклад в борьбу против фашизма и тоталитаризма¹¹².

Марксистскую догму о закономерности исторического процесса широко и активно используют тоталитарные режимы, стремясь сделать ее идейно привлекательной. Ф. Хайек отмечает: “Практически все социалистические школы использовали философию истории как способ доказательства преходящего характера разных наборов экономических институтов и неизбежности смены экономических систем. Все они доказывали, что та система, которая основана на частной собственности на средства производства, является извращением более ранней и более естественной системы общественной собственности. И так как они исходили из того, что капитализм ухудшает положение рабочего класса, неудивительно, что у них получались построения, доказывавшие неизбежность его крушения”¹¹³. Продолжая мысль автора, добавим от себя: именно поэтому подобные построения должны быть отвергнуты.

Аргументация Ф. Хайека была убедительной. На протяжении последующих десятилетий историки, не причислявшие себя к марксистам, дабы не рисковать своей научной репутацией, избегали обсуждать долгосрочные тенденции исторического развития¹¹⁴. Публикуя в начале 1960#х годов работу, посвященную закономерностям современного экономического роста, У. Ростоу снабдил ее защищающим от идеологических упреков подзаголовком: “Некоммунистический манифест”¹¹⁵.

Пик популярности и признания идеологии часто несет в себе подготовку к ее глубокому кризису. В соответствии с марксистской философией истории для кризиса социалистической идеи должны были созреть материальные предпосылки. И действительно, подлинный и глубокий кризис марксизма как теоретической базы социализма и коммунизма наступил только с кризисом зрелого индустриального общества, с формированием новой технологической базы. Иными словами, сам кризис марксизма стал подтверждением правоты его историко-философской доктрины.

С начала 1950#х годов современный экономический рост в странах-лидерах преподносит исследователям очередной сюрприз: некоторые характерные для предшествующего периода (1914–1950 годы) тенденции меняют свою направленность на 180 градусов. Резко ускоряются темпы экономического роста, расширяется мировая торговля. Глобальные потрясения и кризисы 1920#1930#х годов уходят в прошлое. В странах-лидерах растут расходы на социальные программы. Занятость в промышленности, которая на протяжении

щая набор аргументов против возможности достоверного прогнозирования динамики социально-экономического развития: Aron R. *Introduction to the Philosophy of History*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1961.

¹¹¹ Popper K. R. *The Logic of Scientific, 6th Impression*. London: Hutchinson, 1972. P. 136.

¹¹² Popper K. R. *Unended Quest: An Intellectual Autobiography*. London: Routledge, 1982. P. 135.

¹¹³ Hayek F. A. *Capitalism and the Historians*. Chicago: The University of Chicago Press, 1954. P. 22.

¹¹⁴ Snooks G. D. *The Laws of History*. London; New York: Routledge, 1998; Lazonick W. *Theory and History in Marxian Economics* // Field A. J. (ed.). *The Future of Economic History*. Boston; Dordrecht; Lancaster: Kluwer, Nijhoff Publishing, 1987. P. 255–312.

¹¹⁵ Rostow W. W. *The Stages of Economic Growth: a Non-communist Manifesto*. Cambridge: University Press, 1960.

десятилетий была локомотивом экономического развития, начинает сокращаться – сначала в США, потом в Западной Европе. Занятость в сфере услуг растет.

Можно выделить следующие особенности новой технологической базы, проявившиеся во второй половине XX в.:

- структурный сдвиг в экономике, суть которого в сокращении доли промышленности, росте доли сектора услуг (как в производстве, так и в занятости). Доля услуг к концу XX в. превышает половину объема национального производства наиболее развитых стран мира. Это подрывает один из важнейших постулатов исторической концепции марксизма о “всемирно-исторической роли” промышленного пролетариата;

- возрастает динамизм развития производительных сил, технологий. Это повышает уровень неопределенности в организации технологического процесса. Важнейшие тенденции развития производства оказываются непредсказуемыми. Концентрация производства, стандартизация производственных процессов перестают быть важнейшими факторами, повышающими эффективность экономики. Они уступают эту роль гибкости, способности быстро перестраивать производство, систему оказания услуг, переориентировать их на меняющийся потребительский спрос. Это подрывает еще одну фундаментальную черту (и в представлении многих – преимущество) социалистической системы – возможность долгосрочного планирования и координации действий хозяйственных агентов;
- происходит насыщение спроса продуктами, необходимыми для обеспечения жизнедеятельности человека. Проблема бедности (или неравенства) в развитых странах перестает быть проблемой выживания индивида. Потребности выходят на новый уровень, их удовлетворение связано с индивидуальными склонностями человека. Это предопределяет сдвиги как технологического, так и социального характера: кризис конвейера, диверсификация потребностей.

По мере роста благосостояния подавляющая масса населения становится собственником, заинтересованным не в переделе созданного продукта, а в создании условий для непрерывного продолжения такого роста. Общество, достигшее благосостояния, в котором большинству граждан “есть что терять”, не любит нестабильности, тем более оно не склонно к революционным взрывам. Интерес к революционному марксизму, предполагающему радикальный передел собственности, ослабевает.

Столкнувшись с вызовом постиндустриального развития, социалистические страны либо оказываются неспособными адаптироваться к нему, что приводит к глубокому кризису и краху (Советский Союз, соцстраны Восточной Европы), либо начинают перестраивать свою экономическую систему, восстанавливают в ней рыночные элементы, отходят от автаркии, интегрируются в мировое хозяйство (пример – Китай)¹¹⁶.

Модный аргумент, используемый сегодня неомарксистами, – ссылка на то, что социализм, построенный в СССР, в странах советской империи, не был подлинным социализмом. По этому поводу Я. Корнаи справедливо пишет: “Официальное руководство каждой из стран, входивших в состав социалистической империи, декларировало, что существующая система является социалистической. Зачем искать определение для социальной системы, существующей в этих странах, иное, чем они сами используют? К тому же соци-

¹¹⁶ “Крах коммунизма в Восточной Европе стал последним гвоздем, вбитым в гроб Марксовых теорий экономического детерминизма. Термин «детерминизм» приобрел дурной запах из-за его связи с Марксом, и вполне заслуженно. Совершенно очевидно, что никакой отдельный фактор не в состоянии полностью объяснить или предсказать всевозможные вариации человеческого и общественного поведения и прогресса” (см.: Харрисон Л. Э. *Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике*. “Бейсик Букс”. Подразделение издательства “Харпер Коллинз”. Препринт. С. 20).

ально-экономические установления этих стран по меньшей мере некоторые школы социалистической мысли считают характерными для этой системы”¹¹⁷.

На этом фоне двойственная природа марксизма – как научной теории и светской религии – сказывается на его судьбе особенно сильно. Джоан Робинсон, один из самых образованных критиков марксизма, писала: “Разница между ученым и пророком состоит не в том, что он говорит, а в том, как воспринимаются его слова. Долг последователей ученого – в проверке его гипотез, в поиске фактов, которые им противоречат. Долг последователей пророка – в повторении его слов”¹¹⁸. Перед первыми остро встает вопрос качества выбранного ими инструмента научного познания, точности теоретических прогнозов. Для поклонников светской религии сама мысль о возможности ошибок и неточностей в трудах отцов-основателей – святотатство.

Между тем в прогнозах социально-экономического развития у К. Маркса и Ф. Энгельса много деталей, которые чем дальше, тем больше расходятся с очевидными и неоспоримыми фактами. Жесткость марксистской конструкции не позволяет адаптировать ее к новым реальностям, сохранить то, что в ней интересно и ценно: анализ общества как развивающейся целостности, взаимосвязь уровня технологического развития (по марксистской теории – производительных сил) и социальных институтов (производственных отношений)¹¹⁹.

Из всех попыток адаптировать наследие К. Маркса к реалиям второй половины XX в. наиболее системной является совокупность работ И. Валлерстайна. Он доказывает, что в марксизме должна быть скорректирована одна из составляющих метода, применяемого для исследования социально-экономических процессов; речь идет о выборе уровня анализа. Еще в XVI в. мир стал интегрированной социально-экономической системой. Поэтому анализ мирового развития, основанный на исследовании тенденций в отдельных, вырванных из глобального контекста странах, непродуктивен. В мире есть богатое, сильное ядро и бедная, слабая периферия. Та или иная страна способна изменить свое положение в мировой системе, перебраться из периферии в ядро. Однако это ничего по сути не меняет. Противоречия между реальными траекториями национального развития и прогнозами Маркса не принципиальны. Пусть десятилетиями сотни миллионов людей жили при социально-экономической системе, которую ее лидеры нарекли социализмом, все равно мировое хозяйство оставалось капиталистическим. “Если мы говорим о стадиях – и мы должны говорить о стадиях, – то это должны быть стадии развития социальных систем, рассматриваемых как тотальность. В XIX и XX вв. была лишь одна мировая система – капиталистическая мировая экономика”¹²⁰. Как считает И. Валлерстайн, капитализм наделен большей внутренней энергией и устойчивостью, чем предполагал Маркс, но внутренние противоречия этой формации неизбежно приведут к взрыву, к переходу к социалистической системе и созданию мирового правительства. Говоря о современной мировой системе, он отмечает: “Я не думаю, что она просуществует долго... Когда ее противоречия не позволят ей дальше функционировать, будет бифуркация, последствия которой невозможно предсказать... Эта историческая система, как и все исторические системы (*соответствующие историческим стадиям*

¹¹⁷ Kornai J. *The Socialist System: The Political Economy of Communism*. Oxford: Clarendon Press, 1992. С. 10.

¹¹⁸ Robinson J. *Further Contributions to Modern Economics*. Oxford: Basil Blackwell, 1980. P. 202.

¹¹⁹ “К сожалению, большинство критических возражений по отношению к Марксу направлены на то, чтобы убедить не относиться к его работам серьезно, а не на то, чтобы учиться на его ошибках. С другой стороны, многие, если не большинство, современных марксистов защищают своего учителя, доказывая, что он никогда не совершал никаких ошибок” (Field A. J. *The Future of Economic History*. Boston; Dordrecht; Lancaster: Kluwer, Nijhoff Publishing, 1987. P. 258). О трудности сохранения простоты мира, характерной для марксизма как светской религии, при необходимости учитывать реальное многообразие социальной организации на сходных уровнях экономического развития см.: Hall J. A. *Power & Liberties: The Causes and Consequences of the Rise of the West*. London: Penguin Books, 1985. P. 12–13.

¹²⁰ Wallerstein I. *The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis*. Cambridge University Press: Comparative Studies in Society and History. 1974. Vol. 16. № 4. P. 390.

Маркса), не только имела начало (генезис), но... будет иметь и конец. И только тогда мы можем сконцентрировать внимание на том, какую систему... мы хотим создать”¹²¹ (курсив мой. – Е. Г.).

Главная проблема таких прогнозов состоит в том, что современники не могут проверить их точность. Выстроенная Марксом схема мирового развития – картина жесткая, но убедительная (“более развитые страны показывают менее развитым лишь картину их собственного будущего”¹²²). В интерпретации И. Валлерстайна эта картина становится мягкой, пластичной. Отказ от анализа национальных траекторий влечет отрицание возможности использовать опыт социально-экономического развития развитых стран при оценке перспектив более бедных. В отличие от многих Марксовых построений, которые проходят тест К. Поппера на фальсифицируемость, т. е. на определение того набора фактов, который сможет ее подтвердить или опровергнуть¹²³, картина мира И. Валлерстайна позволяет легко включить в себя любое развитие событий.

Итак, к началу 3#го тысячелетия метод анализа исторического процесса и его закономерностей, предложенный в середине XIX в. К. Марксом, оказался скомпрометированным, хотя и сохранил немало сторонников¹²⁴. Прогнозы основоположника не оправдались, события в странах – лидерах современного экономического роста пошли по иному, нежели он предполагал, руслу. Социалистический эксперимент провалился, “железные законы истории” не сработали. И все же, если абстрагироваться от идеологического противостояния и попытаться оценить, что дал накопленный за два века опыт мирового развития для понимания тенденций и закономерностей современного экономического роста, нетрудно убедиться: многие фундаментальные методологические тезисы, сформулированные Марксом полтора века назад, подтвердились.

§ 6. Марксизм и современность. Некоторые выводы

Важнейший тезис марксизма состоит в том, что производительные силы (или технологический базис) общества определяют его экономические, социальные и политические отношения (институты). Этот тезис более важен, чем другие построения марксизма. Именно в нем основа представления о законах движения общественного прогресса. Все остальное (включая структуру общественно-экономических формаций, роль классовой борьбы, обобществления), каким бы важным оно ни казалось идеологам и политикам, лишь более или менее адекватное применение этого принципа к анализу реалий этапов исторического развития. Возникает вопрос: а как, по каким параметрам можно оценить уровень развития

¹²¹ Wallerstein I. *World System Versus World-Systems* / Frank A. G., Gills B. K. (eds.). The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? http://abuss.narod.ru/Biblio/WS/ws-5000_intro.htm.

¹²² Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2#е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 23. С. 9.

¹²³ “Легче всего делать весьма общие пророчества, к примеру, утверждать, что в разумный промежуток времени будет дождь. Поэтому не так уж много говорит пророчество, утверждающее, что в течение нескольких десятилетий где-нибудь произойдет революция. Однако, как мы видим, Маркс говорил несколько больше, чем это, и как раз достаточно для того, чтобы сказанное им могло быть фальсифицировано последующими событиями. Те, кто отказывается от возможности такой фальсификации, устраняют последнюю каплю эмпирического содержания из системы Маркса, которая в таком случае становится чисто метафизической” (см.: Поппер К. *Открытое общество и его враги*. Т. 2. *Время лжепророков: Ге гель, Маркс и другие оракулы* / Пер. с англ.; под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд “Культурная инициатива”, 1992. С. 386).

¹²⁴ “Не стоит недооценивать потенциальное влияние целостной теории Маркса в эпоху, когда массы потерявших надежду людей начинают поиск единого мировоззрения, на которое можно опереться в борьбе за улучшение своих экономических перспектив. Периоды экономического подъема не способствуют серьезным размышлениям. Зато кризисы пробуждают мыслительные способности и плодят одержимость. В какой бы форме ни возродился марксизм – а этого не избежать, – он предложит гораздо более мощные объяснения политических проблем капитализма в развивающихся и бывших социалистических странах, чем капиталистические мыслители” (см.: Сото Эрнандо де. *Загадки капитала*. М.: ЗАО “Олимп-Бизнес”, 2001. С. 215–216).

производительных сил? Технологический прогресс непрерывен, его фазы удастся выделять лишь с определенной степенью абстракции.

Лучший параметр, используемый для оценки того, что К. Маркс называл уровнем развития производительных сил, – среднедушевой ВВП, рассматриваемый в исторической ретроспективе и в сопоставимом для межстранового анализа виде¹²⁵. Определенного уровня этого показателя можно добиться лишь на заданной технологической базе. Среднедушевой ВВП, характерный для индустриального общества, не может быть достигнут на базе технологий общества традиционного (аграрного). Для современного постиндустриального общества характерен уровень ВВП более высокий, чем тот, который достигается, когда промышленность доминирует в структуре производства и занятости.

Даже поверхностный анализ исторической статистики позволяет увидеть наличие связи среднедушевого ВВП с изменениями в социальной и политической организации общества.

Можно попытаться оценить то, насколько подтвердились жизнью другие тезисы (“законы” исторического развития), сформулированные К. Марксом.

- Он правильно оценил характерные для современного экономического роста изменения в производстве и социальной структуре и динамичный характер общества на этом этапе развития. Показал, что социально-экономические институты не остаются неизменными, постоянно развиваются. Опыт XIX–XX вв. это подтвердил.

- Он показал, что между производственными отношениями и развитием производительных сил есть не только прямая, но и обратная связь, что возможны ситуации, когда сложившиеся производственные отношения становятся тормозом в развитии производства. Современные неoinституционалисты называют это институциональными ловушками.

В то же время Маркс переоценил возможность прогнозирования развития человеческого общества в условиях современного экономического роста, не понял, да и не мог понять, располагая доступной ему информацией, насколько этот процесс нестационарен, какими непредсказуемыми и резкими могут быть изменения, казалось бы, устойчивых, проверенных опытом тенденций, характерных для стран-лидеров.

Как справедливо отмечает Дж. Б. Делонг, история прошлого столетия в отличие от всей предшествующей истории человечества – это в первую очередь экономическая история¹²⁶. А. Мэддисон пишет, что, если исключить работы К. Маркса и Й. Шумпетера, круг серьезных исследований, посвященных экономическому росту во второй половине XIX – начале – середине XX в., крайне ограничен.

Возможно, это связано с тем, что историки и экономисты, которые пытались анализировать развитие капитализма на его ранних стадиях, не могли воспользоваться плодами революции в исторической статистике. Ее совершили труды С. Кузнеця, разработавшего современную систему национальных счетов и стимулировавшего реконструкцию исторической статистики в странах – лидерах современного экономического роста¹²⁷.

Работы С. Кузнеця, М. Абрамовича, А. Мэддисона, Р. Барро, основанные на обширной социально-экономической и демографической статистике, которой при Марксе не было, убедительно показывают ключевую роль технологического прогресса (развития производительных сил – по К. Марксу) в трансформации социальных структур и социальных отношений.

¹²⁵ Для целей нашего анализа наиболее удобно использовать индикаторы среднедушевого ВВП, рассчитанные А. Мэддисоном за почти двухсотлетний период (см.: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. P.: OECD, 1995). Следует также учитывать, что и у лучшего показателя ВВП, как и у любого другого, есть недостатки и ограничения (см. об этом ниже, в гл. 9).

¹²⁶ DeLong J. B. *The Shape of Twentieth Century Economic History* // NBER. Working Paper 7569. 2000. P. 1.

¹²⁷ Kuznets S. *Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread*. New Haven; London: Yale University Press, 1966.

Эти исследования позволили вскрыть устойчивые, хотя и не жестко детерминированные связи между уровнем производства, структурой занятости, способом расселения, демографическими данными, развитием образования, показателями здоровья нации¹²⁸. Используя ту же методологию, политологи продемонстрировали зависимость между уровнем экономического развития и политической организацией общества¹²⁹.

С. Кузнец и его последователи анализировали траектории, по которым шло развитие стран – лидеров современного экономического роста. Х. Ченери и М. Сиркин пришли к сходным выводам, изучив статистику по совокупности стран, пребывавших в 1950–1970 годах на разных уровнях развития. Их работы позволяют продемонстрировать, как в условиях современного экономического роста этот уровень связан с социально-экономическим состоянием общества¹³⁰.

Подтверждение роли производительных сил в формировании институтов современного общества – сближение институтов развитых стран. Можно говорить об их конвергенции. Между протестантской Великобританией, католической Францией, конфуцианской Японией больше общего в характере производительных сил, соответствующих им формах экономических и политических отношений, чем при сравнении каждой из этих стран с другими, более близкими им в культурно-историческом или религиозном отношении, но находящимися на более низком уровне развития. Другое дело, что процессы институциональной конверсии длительны и не прямолинейны.

Для С. Кузнец в его анализе социально-экономической динамики характерно стремление абстрагироваться от роли общественных институтов в экономическом развитии. Главным в его работах остается вопрос: какие взаимосвязанные изменения в экономике и обществе сопровождают экономический рост? А почему в тех или иных странах они происходят быстрее или, напротив, медленнее, он, как правило, не обсуждает.

Группа исследователей, объединенных неонституционалистским подходом к анализу развития национальных экономик и всей экономической истории, сделала упор именно на последнюю проблему. В центре внимания Д. Норта и его коллег стоит вопрос, как институты¹³¹ (по Марксу – производственные и общественные отношения) влияют на экономический рост и социальное развитие, какие факторы определяют их эволюцию, в каких случаях может формироваться система институтов, препятствующих экономическому развитию. Отвечая на него, Д. Норт приходит к выводу: важнейший фактор, определивший формирование такой системы, – противоречие интересов государства и общества. Отсюда шаг до другого вывода: социальная революция – предпосылка для трансформации производственных отношений, крушения элит, препятствующих формированию новой системы институтов. Д. Норт пишет: “Хотя значительный объем работ был проделан для анализа истории технологии и ее связи с экономическими результатами, обычно эти работы оставались вне основного тела экономической теории. Исключением были работы К. Маркса, который пытался

¹²⁸ Kuznets S. *Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread*; Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.: OECD, 2001; Idem. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. P.: OESD, 1995; Abramovitz M. *Thinking About Growth and Other Essays on Economic Growth and Welfare*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991; Barro R. J. *Determinants of Economic Growth. A Cross-Country Empirical Study* // NBER. Working Paper 5698.

¹²⁹ Lipset S. M. *Political Man. The Social Basis of Politics*. New York: Doubleday, 1960; Huntington S. *The Third Wave. Democratization in the Twentieth Century*. Norman; London: University of Oklahoma Press, 1993; Diamond L. *Economic Development and Democracy Reconsidered* // Marks G., Diamond L. (eds.) *Reexamining Democracy*. London: Sage Publications, 1992; Vanhanen T. *Prospects for Democracy: A Study of 172 Countries*. London; New York: Routledge, 1997.

¹³⁰ Chenery H., Robinson S., Syrquin M. *Industrialization and Growth. A Comparative Study*. Oxford: Oxford University Press, 1986; Chenery H., Syrquin M. *Patterns of Development 1950–1970*. Oxford: Oxford University Press, 1975.

¹³¹ “Институты – правила игры в обществе, или, более формально, формы созданных людьми ограничений, которые формируют взаимодействие индивидуумов” (см.: North D. C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 3).

объединить технологические изменения с институциональными изменениями. Представления Маркса, которые связывали изменения производительных сил (под которыми он обычно имел в виду технологию) с производственными отношениями (под которыми он имел в виду элементы организации общественной деятельности и особенно право собственности), были первой попыткой объединить технологические ограничения и ограничения, связанные с организацией человеческих отношений”¹³². Из другой работы Д. Норта: “Марксистская схема анализа дает наиболее сильное средство исследователям именно потому, что она включает те элементы, которые отсутствуют в неоклассической традиции: институты, права собственности, государство, идеологию. Тезисы Маркса о критической роли прав собственности в эффективной экономической организации и роли противоречий между существующими правами собственности и производственными возможностями, создаваемыми новыми технологиями, являются его фундаментальным вкладом в исследование экономической теории”¹³³. Несмотря на то, что неоинституционалисты подчеркнуто дистанцируются от наследия К. Маркса, их взгляды на экономическое развитие очевидно близки к марксистским¹³⁴.

Как отмечал Ф. Бродель, “...гений Маркса, секрет притягательности его идей лежит в том, что он был первым, кто сконструировал социальные модели, ориентирующиеся на долгосрочное развитие. Но эти модели были слишком простыми и неизменными. Им придали силу закона и начали использовать как готовые автоматические объяснения процессов, протекающих в любом месте и в любом обществе... Именно это в последнее столетие ограничило эффективность использования самых сильных средств анализа социальных процессов”¹³⁵.

Основоположник марксизма был убежден, что закономерности, которые он наблюдал с середины XIX в. в Англии, имеют общий характер и в дальнейшем не только сохраняются, но и будут усиливаться¹³⁶. Марксова теория прибавочной стоимости, которая сегодня кажется столь архаичной и оторванной от жизни, неплохо описывала известные его современникам реалии аграрных и раннеиндустриальных обществ. Й. Шумпетер утверждал, что теория прибавочной стоимости Маркса неправильна, но гениальна¹³⁷.

Острый классовый конфликт – очевидная реальность Англии во время создания “Манифеста Коммунистической партии” – положен в основу концепции классовой борьбы как важнейшего процесса мировой истории. И Маркс предсказал обострение этой борьбы.

Социальная дезорганизация, присущая ранним этапам индустриализации, превращается у него в закон абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме. Тенденцию концентрации зарождающегося капитала он объявляет общим законом развития капитализма.

Располагая сегодняшним опытом, мы должны осторожнее подходить к анализу долгосрочных закономерностей и взаимосвязей социально-экономического развития. Истори-

¹³² North D. C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 132.

¹³³ North D. C. *Structure and Change in Economic History*. New York; London: W. W. Norton & Company, 1981. P. 61.

¹³⁴ На это обращает внимание Р. Камерон (см.: Камерон Р. *Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней*. М.: Росспэн, 2001. С. 23, 24).

¹³⁵ Braudel F. *History and the Social Sciences. Economy Society in Early Modern Europe*. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. P. 38, 39.

¹³⁶ “Если бы Энгельс и Маркс подождали десять лет – до того времени, когда признаки экономического прогресса и существенного роста реальной заработной платы станут очевидны, трудно предположить, что «Положение рабочего класса в Англии» и «Манифест Коммунистической партии» были бы написаны” (см.: Hayek F. A. *Capitalism and the Historians*. The University of Chicago Press, 1954. P. 91).

¹³⁷ Schumpeter J. *Economic Doctrine and Method*. London: George & Unwin LTD, 1954. P. 57.

ческая практика показала, насколько динамичен и нестационарен современный экономический рост, как опасно прогнозировать грядущие экономические и политические события и процессы в странах-лидерах. Не случайно даже в самых интересных работах, посвященных долгосрочным тенденциям социально-экономического развития, последние разделы, содержащие анализ настоящего и прогнозы на будущее, выглядят слабее других, менее убедительно¹³⁸. Лишь историческая дистанция позволяет адекватно оценивать происходящее сегодня.

Вопреки представлениям К. Маркса и его последователей на одном и том же уровне развития производительных сил исторически долгое время могут сосуществовать радикально отличающиеся друг от друга системы экономических и социальных институтов. Однако в странах с разными институциональными и культурными традициями на близких уровнях развития наблюдаются схожие структурные перемены, встают одни и те же проблемы. Поэтому на вопрос, который сформулирован в конце первой главы, можно ответить так: опыт XX в. не дает оснований отказываться от апробированного метода анализа долгосрочных проблем. Те, кто исследовал и анализировал их в начале XX в., считали его естественным и добротным. Учтем их мнение. Изучая отечественные реалии, не станем отмахиваться от опыта стран – лидеров современного экономического роста, проблем, которые возникали в процессе их развития.

¹³⁸ Kuznets S. *Economic Growth and Structure*. New York: W. W. Norton & Company. Ink, 1965; Idem. *Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread*. New Haven; London: Yale University Press, 1966; Maddison A. *Dynamic Forces in Capitalist Development*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1991; Idem. *Phases of Capitalist Development*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1982; Idem. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.: OECD, 2001.

Глава 3

Общее и особенное в современном экономическом росте

В истории цивилизации, как и в человеческой жизни, детство имеет решающее значение. Оно во многом, если не во всем, предопределяет будущее.

Ж. Ле Гофф¹³⁹

До войны были коллективистские мечты. После нее – коллективистские проекты, которые превратились в коллективистские кошмары.

Ф. Хайек¹⁴⁰

В просто устроенном мире К. Маркса экономическое развитие выглядит линейным процессом: менее развитые страны следуют по пути, пройденному странами более развитыми. Как отмечалось выше, К. Маркс и Ф. Энгельс никогда не понимали это буквально. Многие места в их работах демонстрируют, что они допускали те или иные отклонения в национальных траекториях развития. Но речь могла идти о деталях, пусть даже и существенных. В исторической реальности социально-экономическая трансформация стран, включившихся в процесс современного экономического роста, оказалась нелинейной и многомерной¹⁴¹. Есть много параметров, которые влияли и будут влиять на траектории национального развития. Для ясности картины выделим четыре важнейшие оси координат, определяющие экономическую динамику.

1. *Историческое время.* На каком этапе развития находится мировая экономика в тот момент, когда страна вступает в процесс современного экономического роста?

2. *Доминирующая идеология.* Как она влияет на государственную политику и национальные стратегии развития?

3. *Отставание от лидеров.* Насколько велика дистанция, отделяющая рассматриваемую страну от самых развитых стран?

4. *Влияние традиций.* Как социально-культурные и институциональные установления, унаследованные со времени аграрных цивилизаций, воздействуют на траектории развития в индустриальную и постиндустриальную эпохи?

Воспользуемся данными научной литературы о средних по странам мира параметрах¹⁴², которые показывают связь между уровнем экономического развития и основными характеристиками общества – хозяйственными, социальными, демографическими, политическими, – и проанализируем, как отклоняются национальные траектории развития от среднемировых по каждой из четырех важнейших осей координат.

¹³⁹ Жак Ле Гофф (1927–2014) – французский историк, специалист по Средним векам. Исследует зарождение Европы и общей для европейцев идентичности в Средние века, придерживается концепции Средневековья как особой цивилизации, отличной как от античной, так и от новоевропейской.

¹⁴⁰ Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) – австрийский экономист и философ, представитель новой австрийской школы, идеолог либерализма и свободного рынка. Лауреат Нобелевской премии по экономике (1974).

¹⁴¹ См. одну из интересных работ, посвященных специфике траекторий экономического развития, их отклонению от траектории стран-лидеров: Morris C., Adelman I. *Nineteenth-Century Development Experience and Lessons for Today* // World Development. Vol. 17 (9). 1989. P. 1417, 1432.

¹⁴² Chenery H., Robinson S., Syrquin M. *Industrialization and Growth. A Comparative Study*. Oxford: Oxford University Press, 1986; Chenery H., Syrquin M. *Patterns of Development 1950–1970*. Oxford: Oxford University Press, 1975.

§ 1. Историческое время

Вступая в эпоху радикальных перемен, связанных с современным экономическим ростом, страны-лидеры трансформируют собственную социально-экономическую структуру и в то же время диктуют условия развития остальному миру. Их возрастающая экономическая, финансовая и военная мощь заставляет отставшие государства либо отказаться от национальной независимости, став колониями или полуколониями, либо вырабатывать стратегии, необходимые для запуска современного экономического роста.

На разных этапах своего развития страны – лидеры современного экономического роста сталкиваются с вызовами меняющегося мира. Это вынуждает их трансформировать важные параметры своих социально-экономических систем. Такие изменения в свою очередь накладываются на динамично трансформирующуюся картину устройства мировой экономики, товарных и финансовых рынков, задают условия, к которым вынуждены приспосабливаться страны догоняющего развития. Даже в близких по размеру душевого ВВП странах интеграция в мировой рынок, таможенная защита отечественной промышленности, условия функционирования рынка капитала, допустим, в 1900, 1950 и 2000 годах, принципиально различны.

В развитии мировой экономики при современном экономическом росте можно выделить три больших периода.

Первый охватывает время с начала 1820#х годов до 1914 года. В течение полувека, до 1870#х годов, рост мирового производства концентрируется в основном в Западной Европе и странах, основанных европейскими колонистами. Затем процесс ускоряется, в него вовлекаются неевропейские страны, в первую очередь Япония. Мировая торговля растет высокими темпами, заметно опережая рост экономики. Формируется интегрированный рынок капитала, основанный на золотовалютном стандарте с доминирующей ролью фунта стерлингов как мировой валюты. Возникает открытый рынок рабочей силы, растут масштабы международной миграции.

Ведущие мировые державы прямо ограничивают права зависимых и полузависимых стран на проведение собственной таможенной политики, стремятся захватить их рынки. На начальной фазе индустриализации все активно применяли тарифную защиту своей промышленности. Германия, Италия, Япония, Россия прибегали к стратегии импортозамещающей индустриализации. Это порождало настоящую тарифную борьбу: принятие Германией в 1879 году протекционистского тарифа¹⁴³ вызвало немедленный ответ со стороны Франции в 1881–1892 годах. Россия и США в это время тоже придерживались протекционистской политики. Во второй половине XIX в. импортные тарифы США достигают 40–45 %¹⁴⁴.

Независимые страны активно используют протекционистские меры, чтобы защитить формирующиеся отрасли промышленности от конкуренции со стороны товаров, производимых в странах-лидерах, в первую очередь в Англии. Последняя в свою очередь навязала свободу торговли Индии и другим колониям, а также многим странам, формально не входившим в Британскую империю, – Китаю, Персии, Таиланду, Турции. По соглашениям, которые американцы вынудили подписать Японию, ее импортные тарифы не могли превышать 5 %. В таких условиях способность государства проводить независимую тарифную политику,

¹⁴³ «Германия была первой крупной европейской страной, которая внесла серьезные изменения в свою таможенную политику, введя новый тариф в июле 1879 года. Так же как англо-французский договор 1860 года был началом периода свободной торговли в Европе, новый германский тариф ознаменовал собой его завершение и постепенный возврат к протекционизму на континенте» (см.: Bairoch P. *Economics & World History. Myths and Paradoxes*. Chicago: University of Chicago Press, 1993. P. 24).

¹⁴⁴ Там же. P. 35, 40.

поддерживать новые отрасли экономики становилась предпосылкой сохранения национального суверенитета. Напротив, утрата суверенитета означала принудительное открытие внутреннего рынка для конкуренции товаров, производимых в странах-лидерах.

То, в какой степени создание колониальных империй, дорогу к которым проложило военное и финансовое превосходство уходящей вперед Западной Европы над другими регионами мира, сказалось на экономическом и социальном развитии стран, ставших колониями и полуколониями, утративших суверенитет, – предмет длительной дискуссии, в которой субъективизм неизбежен. Те, кто отстаивает благотворное влияние колониального наследия, обычно упоминают созданную инфраструктуру, повышение уровня образования, подготовленные кадры, оставленные в наследство законодательство и демократические институты. Те, кто говорит о его негативном влиянии, обращают внимание на длинную историю дискриминации по национальному признаку, разрушение основ промышленности под влиянием конкуренции товаров, произведенных в метрополии, невозможность проводить самостоятельную внешнеторговую и промышленную политику, финансовые выплаты в пользу метрополии (табл. 3.1)¹⁴⁵.

Таблица 3.1. Некоторые показатели, характеризующие экономические отношения Великобритании и Индии в колониальный период (1868–1930 годы)

Годы	Профицит торгового баланса Индии в процентах от чистого внутреннего продукта Великобритании
1868–1872	1,3
1911–1915	1,2
1926–1930	0,9

Источник: Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.: OECD, 2001. С. 87.

Даже если признать некоторое смягчение колониального режима на протяжении XX в., трудно отрицать то, что мир XVIII–XIX вв. отнюдь не был проникнут духом сострадания к слабым, а жил по принципу “горе побежденным”. История правления англичан в Индии с характерными для нее запретами для тех, у кого индийское происхождение, работать на государственной службе, высокими пошлинами на импорт индийского текстиля в Англию при снятии всех ограничений на ввоз английского текстиля в Индию, с насильственным внедрением собственных институтов, с превращением наследственных сборщиков налогов (заминдаров) в собственников земли – все это свидетельство того, что утрата национальной независимости была серьезной угрозой.

Для времени, когда наращивающий экономическую, финансовую и военную мощь Запад со всей очевидностью уходил вперед, создавая угрозу для своих ближних и дальних соседей, когда страх перед ним подталкивал к самым своеобразным с точки зрения исторического опыта импровизациям, позволяющим избежать той же трансформации, которую пережила и переживает Западная Европа, характерны слова известного и влиятельного русского философа К. Леонтьева: “Всегдашняя опасность для России – на Западе; не естественно ли ей искать и готовить себе союзников на Востоке?”

¹⁴⁵ Rawlinson H. G. *The British Achievement in India*. London; Edinburgh; Glasgow: William Hodge & Company, Limited, 1948; Gopal R. *British Rule in India: An Assessment*. London: Asia Publishing House, 1963.

Если этим союзником захочет быть и мусульманство, тем лучше... Если племена и государства Востока имеют смысл и залоги жизни самобытной, за которую они каждый в свое время проливали столько своей крови, то Восток встанет весь *заодно*, встанет весь оплотом против безбожия, анархии и всеобщего огрубения”¹⁴⁶.

В. Ленин был прав, когда говорил о неравномерности развития как об одном из источников кризисов современного ему капитализма. Неспособность ключевых участников мирового политического процесса в конце XIX – начале XX в. адаптироваться к реальности подъема экономической и военной мощи Германии, Японии и США была одной из важнейших причин мировых катаклизмов 1914–1945 годов.

Проявляются два фактора, которые подтачивают основы стабильности мирового порядка. Один из них – снижение доли Англии, страны-лидера, финансового центра мировой экономики, в мировом ВВП международных финансах, падение ее военной мощи по отношению к конкурентам. К концу XIX в. развитие других крупных держав, в первую очередь Германии и США, вступивших на путь современного экономического роста позже Великобритании, делает неизбежным переустройство англоцентричной цивилизации. Несиловых механизмов для этого не находится. Это подталкивает мир к двум глобальным войнам¹⁴⁷.

Второй фактор – назревающий кризис золотовалютного стандарта. Эта система, укоренившаяся в Англии с конца XVII в., позволяла поддерживать долгосрочную стабильность фунта стерлингов. Его золотое обеспечение, которое отменяли лишь во время крупных войн, а затем восстанавливали при сохранении довоенного паритета к золоту, позволило Англии играть роль мирового финансового гегемона, задавало международные стандарты ответственной денежной политики. Стабильность английской валюты стала важнейшей предпосылкой развития финансового рынка и самого современного экономического роста. Золотовалютный стандарт был образцом для подражания в денежной политике других государств. В конце XIX в. две крупные страны догоняющего развития – США и Россия – одна за другой проводят денежные реформы, направленные на введение золотовалютного стандарта. Привлекательность этой системы в том, что уровень номинированных в золоте цен “привязан” к мировым запасам драгоценного металла, которые стабильны и существенно изменяются лишь из-за открытия новых крупных золотых месторождений, что случается нечасто. Она делает денежную политику независимой от правительств, склонных под давлением финансовых проблем идти на злоупотребления и махинации, создавать избыточную ликвидность, подрывать стабильность национальной валюты. Эти преимущества золотовалютного стандарта особенно важны для первого периода современного экономического роста, когда мировое производство развивается еще относительно низкими темпами при стабильности мировых запасов золота.

На ранних стадиях современного экономического роста возникает объективная проблема: добыча золота может не обеспечить увеличение его мировых запасов до размеров, соответствующих росту мирового ВВП, а дефицит золота способен спровоцировать общее падение цен – явление для рыночной экономики потенциально опасное. Однако при гибко изменяющейся в сторону понижения номинальной заработной плате дефляция не страшна. В конце 70-х годов XIX в. введение золотого стандарта в США прошло на фоне снижения цен и не вызвало серьезного роста безработицы¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Леонтьев К. *Восток, Россия и славянство*: Сб. статей. Т. 1. М., 1885. С. 17, 28.

¹⁴⁷ Конфликты Англии с Францией и Россией в колониальных вопросах на протяжении конца XIX – начала XX в. были острее, чем ее же конфликты с Германией или Японией. Однако именно динамичный рост экономической, финансовой и военной мощи последних стал важнейшим фактором дестабилизации баланса сил в мире, проложившим дорогу кризису мирового развития 1914–1945 годов, двум мировым войнам.

¹⁴⁸ Friedman M., Schwartz A. J. *A Monetary History of the United States 1867–1960*. Princeton: Princeton University Press,

В дальнейшем в странах – лидерах современного экономического роста в условиях роста влияния профсоюзов, введения всеобщего избирательного права ситуация в сфере трудовых отношений меняется: на снижение спроса и цен работодатели отвечают не сокращением номинальной заработной платы, а снижением уровня занятости¹⁴⁹. Это увеличивает потенциальные издержки дефляции. При высоких темпах глобального развития и невозможности точно прогнозировать предложение монетарного золота привязка основных мировых валют к золотому запасу порождает постоянную угрозу дефляционного кризиса.

Второй период развития мировой экономики в условиях современного экономического роста приходится на 1914–1950 годы. Это время глубокого кризиса: две мировые войны, экономические потрясения конца 20#х – начала 30#х годов, спровоцированные многими факторами, в числе которых и кризис золотовалютного стандарта. Снижаются темпы роста мировой торговли и ее доли в ВВП, растет протекционизм, широкое распространение получают запретительные тарифы. Все это прокладывает дорогу торговым войнам, конкурентной девальвации национальных валют, приводит к свертыванию мирового рынка капитала, широкому распространению ограничений на валютные операции.

Движение в сторону протекционизма не было универсальной чертой этого периода. П. Байрох обращает внимание на попытки вернуться к более либеральному торговому режиму в 1927–1928 годах. Но после введения США в июне 1930 года протекционистского тарифа уровень таможенных пошлин в мире достигает беспрецедентной высоты. К концу 1931 года 25 ведущих участников международной торговли в ответ повышают свои пошлины на американскую продукцию¹⁵⁰. Пошлины на продукцию обрабатывающей промышленности составляют в среднем 45–50 % и превышают предшествующий пик 1891–1894 годов на 5–10 %. За 3 года (1929–1932) объем мировой торговли сократился номинально на 70 %, в реальном выражении – на 25 %¹⁵¹.

Поворот к протекционизму, ограничению торговли, закрытию рынков капитала, обусловленный экономическими проблемами стран-лидеров, меняет условия развития для стран догоняющей индустриализации. Те из них, которые в предшествующий период ориентировались на интеграцию в мировой рынок и имели высокую долю внешней торговли в ВВП, оказываются в наиболее сложном положении. Когда страны-лидеры играют по протекционистским правилам, развитие на основе политики свободной торговли оказывается малопродуктивным. Успех приносят другие стратегии – ориентация на автаркию, закрытие рынка, государственное регулирование экономики. При том что сталинская индустриализация сопровождалась масштабным экспортом зерна и импортом машин и оборудования, в целом она основывалась на политике автаркии¹⁵². Для правительств многих развивающихся стран на долгие десятилетия она стала образцом для подражания.

С конца 40#х – начала 50#х годов глобальная экономика вступает в следующую фазу развития. Завершение Второй мировой войны дало возможность Западной Европе и Японии использовать накопленный в США технологический потенциал. В современный экономический рост включаются многие развивающиеся страны, на долю которых приходится до 2/3 населения и 3/4 ВВП “третьего мира”. Это в первую очередь Китай и затем Индия. Средне-

1963.

¹⁴⁹ Eichengreen B. *Globalizing Capital a History of the International Monetary System*. Princeton: Princeton University Press, 1996.

¹⁵⁰ Bairoch P. *Economics & World History. Myths and Paradoxes*. Chicago: University of Chicago Press, 1993. P. 3–15.

¹⁵¹ Dornbusch R. *A Century of Unrivalled Prosperity* // MIT Working Paper. April 1999. P. 6.

¹⁵² О влиянии доминирующих условий мирового развития, в частности свертывания международной торговли, волны протекционизма, характерных для конца 1930#х годов, на выбор модели социалистической индустриализации см.: Davies R. W., Harrison M., Wheatcroft S. G. (eds.). *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 212–214.

годовые темпы роста душевого ВВП развивающихся стран повышаются с 0,4–0,6 % в 1900–1938 годах до 2,6–2,8 % в 1950–2001 годах. Теперь их темпы вдвое выше, чем те, которые демонстрировали в XIX в. страны-лидеры¹⁵³.

В течение 23 лет (1950–1973) мировая экономика демонстрирует аномально высокие среднегодовые темпы роста ВВП: 4,91 против 1,85 % в 1913–1950 годах (рост душевого ВВП составил соответственно 2,93 и 0,91 %). Международная финансовая система перестраивается на базе бреттон-вудских институтов.

Страны-лидеры извлекли уроки из предшествующего периода кризисного развития. В рамках Генерального соглашения о тарифах и торговле они предпринимают согласованные усилия по снижению уровня тарифной защиты, либерализации мирового рынка, отказываются от прежней политики, направленной на жесткое ограничение тарифного суверенитета менее развитых стран, они признали свою ответственность за либерализацию мировой торговли и предоставили развивающимся странам широкие права на таможенную защиту. Средний таможенный тариф в странах ОЭСР снижается с почти 11 % в 1950 году до 6 % в конце XX в. Еще более разительными оказываются эти “перепады” по отдельным странам – членам ОЭСР (табл. 3.2).

Таблица 3.2. Отношение таможенных сборов к объему импорта (2002 год – средний таможенный тариф) в странах ОЭСР, %

	1950 ¹	1970 ¹	1990 ¹	2002
Австралия	17,2	11,0	6,8	4,7 (2001/02) ³
Германия	5,3	2,6	1,2	4,1 (ЕС) ³
Испания	16,3	6,8	3,6 ²	4,1 (ЕС) ³
Канада	9,3	5,8	2,8	4,2 ³
Новая Зеландия	19,0	12,5	4,0	3,3 (1993)
США	4,5	6,0	3,3	4,4 (2001) ³
Турция	15,0	44,6	5,7	4,9 (1992)
Франция	14,0	13,6	9,2	4,1 (ЕС) ³
Швеция	4,0	2,9	1,0	4,1 (ЕС) ³
Япония	1,6 (1951)	5,6	2,5	3,9 (2002/03) ³
ОЭСР	11,0	10,1	4,9	6,4 (2000)

Источник: ¹ Расчеты ИЭПП на основе данных из: Mitchell B. R. *International Historical Statistics 1750–1993*, Macmillan Reference LTD, 1998 (как отношение таможенных сборов к импорту).

² Расчеты ИЭПП на основе данных из United Nations Common Database, UN (как отношение собранных импортных пошлин к импорту).

³ Средний таможенный тариф в странах ОЭСР, проценты. Данные World Trade Organization, Annual Report by the Director-General, 15 November 2002 (<http://www.wto.ru>).

¹⁵³ См.: Мельянцев В. А. *Генезис современного (интенсивного) экономического роста и проблема догоняющего и перегоняющего развития в странах Запада, Востока и России. “Геном” Востока: опыты и междисциплинарные возможности*. Научная конференция ИМЭМО РАН, ИСАА при МГУ, 12–14 апреля 2004 года. М.: Гуманитарий, 2004.

Таблица 3.3. Среднегодовые темпы роста мировой торговли по периодам, %

	1870 – 1913	1914 – 1950	1951 – 1973	1974 – 2000
Мировой экспорт	3,4	0,9	7,9	5,28

Источник: Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.: OECD, 2001. P. 265, 362 (за период с 1870 по 1998 год); *World Development Indicators 2003*. World Bank.

Таблица 3.4. Средняя доля экспорта в ВВП для стран ОЭСР в 1961–2000 годах, %

	1961 – 1970	1971 – 1980	1981 – 1990	1991 – 2000
Средняя доля экспорта	23,59	28,13	33,08	37,66

Источник: Расчеты ИЭПП на основе данных *World Development Indicators 2003*. World Bank.

Ограничения валютных операций, которые были введены на предшествующем этапе, отменяются. Восстанавливается конвертируемость валют стран – лидеров экономического роста сначала по текущим, а затем и по капитальным операциям.

Для новой волны глобализации характерны существенно более низкие торговые барьеры, чем существовавшие до начала Первой мировой войны. Однако ограничение миграционных потоков становится жестче, а доля экспорта капитала в ВВП уменьшается¹⁵⁴. Еще одно отличие глобального мира конца XX в. от предыдущего периода современного экономического роста: мировая денежная система уходит от золотовалютного стандарта. Последние связи обрываются в 1971 году, когда США отказались обменять на золото американские доллары, предоставленные им иностранными центральными банками. Теперь большая часть денежных расчетов базируется на бумажных валютах с плавающим курсом¹⁵⁵.

Перемены в глобальной экономике радикально трансформируют условия, в которых странам догоняющего развития приходится вырабатывать национальные стратегии роста. В середине XX в. еще сильно влияние прежних тенденций в мировом развитии: протекционизма, свертывания мировой торговли. Поэтому столь популярна концепция импортозамещающей индустриализации, ориентированной на тарифную защиту промышленности, закрытие внутреннего рынка, государственный активизм. И только постепенно становится ясно, что ситуация в мире изменилась. Все более отчетливо проявляется, становится устойчивой тенденция к экспансии мировой торговли, открытию рынков, в том числе рынков стран-лидеров. Это предоставляло догоняющим странам возможность избрать новую стратегию, ориентированную на увеличение экспорта, интеграцию в мировую экономику. Что же касается старой – импортозамещающей – индустриализации, то она оказывается прямым путем к хроническим кризисам и нестабильности, особенно когда национальная элита не способна вовремя сменить курс экономической политики¹⁵⁶.

Страны-лидеры задают следующим в их фарватере государствам не только глобальные условия торговой и финансовой организации мира, но и идеологические ориентиры, используемые при выработке и проведении социально-экономической политики, формы государ-

¹⁵⁴ Lucas R. *Why Doesn't Capital Flow from Rich to Poor Countries?* // The American Economic Review. Vol. 80 (2). May 1990. P. 20.

¹⁵⁵ В данном контексте европейский денежный союз рассматривается в качестве единого целого.

¹⁵⁶ Diaz-Alejandro C. *Goodbye Financial Repression, Hello Financial Crash* // Journal of Development Economics. 1995. Vol. 19. P. 21; Bhagwati J. *The Wind of the Hundred Days. How Washington Mismanaged Globalization*. Cambridge; Massachusetts; London: The MIT Press, 2000. P. 45, 143, 348; Idem. *A Model for Going Backwards* // Times Literary Supplement. August 8. 1997. P. 11, 12.

ственных институтов. Как справедливо отмечал Дж. Кейнс, “идеи экономистов и политических философов, и когда они правильны, и когда они неправильны, оказывают большее влияние на мир, чем это обычно понимают. Мало что в такой степени управляет миром”¹⁵⁷.

§ 2. Доминирующая идеология

Хотя после краха Римской империи Западная Европа не стала единым государством, многие аспекты культуры, обмен идеями, институциональные инновации – все это сближало западноевропейские народы, стимулировало интеграционные процессы¹⁵⁸. Предпосылки к началу современного экономического роста в Европе только формировались, а новая идеология, порожденная начавшейся социально-экономической и политической трансформацией, уже влияла на умы элиты, на развитие судьбоносных для европейских государств событий.

Формирование в Западной Европе установок на превосходство абсолютной монархии как формы политического устройства, которые отражали историческую реальность – укрепление государства и деградацию феодальной системы, оказало серьезное влияние на развитие России¹⁵⁹. Характерная для Европы XV–XVII вв. тенденция к концентрации власти в руках королевских династий имела четко очерченную идеологическую основу: священное, Богом данное королю право управлять подданными, абсолютная власть монарха – неотъемлемый элемент нормально организованного государства. В Англии эта тенденция сталкивается с противоположной, вырастающей из специфики английского развития, – ростом влияния и расширением прерогатив парламента¹⁶⁰.

С началом современного экономического роста, подъема европейской экономики, глобализации мирового исторического процесса усиливается влияние доминирующих идеологических установок на государственную политику и национальные стратегии развития. Отчетливо выделяются три периода, во время которых господствовали принципиально разные идеологии. Первый начинается после Английской революции XVII в. Конститу-

¹⁵⁷ Keynes J. M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Macmillan and Co, 1936. P. 383.

¹⁵⁸ Jones E. L. *The European Miracle. Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia*. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1981. P. 5.

¹⁵⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 250, 251.

¹⁶⁰ Яков I еще до вступления на английский трон написал (если быть точным – подписал; истинным автором текстов, по-видимому, был итальянец А. Джентели) два трактата – “Царский дар” и “Истинный закон свободной монархии”, в которых явно видно влияние преобладающих на континенте в то время абсолютистских идей. Эти трактаты неплохо продавались в континентальной Европе (см.: Sommerville J. P. *Politics and Ideology in England 1603–1640*. London; New York: Longman, 1995. P. 46, 47). Положение английского короля казалось ему странным: “Удивляюсь, – говорил он о парламенте испанскому послу Гондмару, – как мои предки допустили такое учреждение”. Он не понимал, почему короли Франции, Дании, Испании могут устанавливать налоги самостоятельно, а он – лишь с согласия парламента. Уже в его правление была заложена идейная база конфликта, впоследствии переросшего в Английскую революцию XVII в. В ответ на абсолютистские высказывания король в 1611 году получил “Апологию палаты общин”, где его информировали: “Великое заблуждение думать, что привилегии парламента, в частности привилегии общин Англии, принадлежат ему по королевской милости, а не по праву. Мы получили эту привилегию в наследство от наших предков...” (см.: Косминский Е. А., Левицкий Я. А. (ред.). *Английская буржуазная революция XVII века*. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 84). О влиянии абсолютистских взглядов на организацию государства, на эволюцию политической системы в Англии см. также: Савин А. Н. *Лекции по истории Английской революции*. М.: Крафт+, 2000. С. 10, 19. Никогда точно не доказанная, но популярная в работах, посвященных Английской революции, версия, связавшая провал переговоров между Карлом I и Кромвелем по вопросу о возможности и об условиях реставрации с перехваченным Кромвелем письмом королевы Генриетте, в котором он заверяет ее в преданности идеалам абсолютизма и обещает, вернувшись к власти, повесить мятежников (см.: Young G. M. *Charles I and Cromwell. An Essay*. London: Rupert Hart-Davis, 1950). Хантингтон обращает внимание на роль противоречий между абсолютистскими тенденциями, характерными для континентальной Европы, и укоренившимися английскими традициями разделения властей в генезисе английской революции (см.: Huntington S. P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven; London: Yale University Press, 1968. P. 123). О влиянии идеологической волны, связанной с представлением о том, что абсолютная монархия является наиболее совершенной формой правления, на развитие событий в Западной Европе в XVII в. см. также: Hatton R. *Louis XIV and Europe*. London; Basingstoke: Macmillan, 1976.

ционная монархия, парламент, подотчетное ему правительство, гарантии прав собственности и личности, развитие рынков, технологические новации, английская система сельского хозяйства – все это вызывает восхищение у современников, стремление повторить в странах континентальной Европы опыт островного государства. Известно влияние британских идей на формирование взглядов Вольтера, французских просветителей XVIII в.¹⁶¹. В работах Д. Юма и А. Смита либеральная картина мира приобретает стройность и завершенность¹⁶². Теперь ясно, что необходимо сделать, чтобы добиться благосостояния нации: нужны мир, разумные законы, необременительные налоги, гарантированная от конфискации собственность, устранение барьеров на пути свободной торговли¹⁶³. При частных различиях эта либеральная картина доминирует в сознании европейской элиты, ориентированной на модернизацию экономики своих стран, вплоть до середины XIX в.¹⁶⁴. Она же оказывает серьезное влияние на формирующуюся систему институтов, стратегию политического развития в США на рубеже XVIII и XIX вв. Влияние идеологической волны, связанной с подъемом Англии и либеральными идеями в Европе, видно на примере экономической политики Екатерины II, пытавшейся проводить в жизнь систему свободной конкуренции и ликвидировать частные монополии¹⁶⁵. Волна либеральной идеологии охватывает мир. С середины XIX в. ситуация меняется. На ранних этапах современный экономический рост и индустриализация вызвали социальную дезорганизацию, обнажили вопиющую бедность в городах, особенно заметную на фоне растущего производства. Появились неслыханные прежде бедствия: экономические кризисы и массовая безработица. Либеральная парадигма не позволяла ответить на вопрос, как решать эти проблемы. Политэкономы вели ожесточенный спор с лидерами рабочего движения, требовавшими принять трудовое законодательство, и настаивали на том, что этот путь бесплоден и вреден для самих рабочих¹⁶⁶.

В процесс современного экономического роста вступают новые страны. По уровню развития они далеки от Англии – доминирующей промышленной державы мира. У них другие традиции. Свобода торговли для Англии выгодна, это бесспорно. Но для национальных

¹⁶¹ В Европе среди тех представителей высшей знати, которые не пользуются королевским правом, нет никого, кто превосходит английских аристократов общественным влиянием, достоинством, богатством. Их владения вспахиваются свободными руками. Крестьянин, который владеет небольшим участком, берет в наем за деньги их обширные поля. Все обогащаются, но приличествующим образом: крестьянин, как того требует его скромное, но почтенное положение, дворянин, как подобает его достоинству. Между тем растут семьи крестьян, чрезвычайное изобилие числа пахарей, юноши спешат на военную службу” (см.: Вольтер (Мари Франсуа Аруэ). *Рассуждения на тему, предложенную Экономическим обществом* // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Сб. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2001. С. 82). То, что этот доклад, представленный на конкурс, объявленный Вольным экономическим обществом в 1766 году, принадлежит Вольтеру (Мари Франсуа Аруэ), никогда не было окончательно доказано. Конкурс (за исключением имени победителя) был анонимным. Сам Вольтер о своем участии в нем не упоминал. Но, исходя из очевидного сходства представленного текста с другими сочинениями Вольтера, в настоящее время историки практически не сомневаются в его авторстве. В. И. Семевский первым из историков установил, что авторство анонимного сочинения, посланного на конкурс под девизом “Si populus deves, Rex deves”, принадлежит Вольтеру (см.: Семевский В. И. *Крестьянский вопрос при Екатерине II* // Отечественные записки. 1879. № 10. Отд. 1. С. 349–400; № 11. Отд. 1. С. 201–260).

¹⁶² О влиянии А. Смита и в целом либеральной идеологической волны в XVIII – первой половине XIX в. на торговую политику в Западной Европе см.: Bairoch P. *Economics & World History. Myths and Paradoxes*. Chicago: University of Chicago Press, 1993. P. 17–24.

¹⁶³ О влиянии либеральной идеологической волны на развитие событий в Европе см., например: MacFarlane A. *David Hume and the Political Economy of Agrarian Civilization* // Burrow J. W. (ed.) *History of European Ideas*. Pergamon. 27 (2001). P. 79.

¹⁶⁴ Влияние английского либерализма на торговую политику в Европе в 1830#х – 1860#х годах ощутимо. Пруссия, Бельгия, Голландия, Швейцария, Саксония снижают импортные тарифы. Даже Россия, где они были выше средневропейского уровня, идет на их уменьшение.

¹⁶⁵ См.: Милюков П. *Очерки по истории русской культуры*. Ч. 1: Население, экономический, государственный и сословный строй. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1904. С. 84, 85.

¹⁶⁶ См.: Туган-Барановский М. *Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма*. СПб.: Право, 1914.

элит отнюдь не очевидно, что страны догоняющего развития также нуждаются в свободной торговле¹⁶⁷.

Уже на ранних этапах развития капитализма стремление сгладить социальные противоречия стимулирует создание систем социальной защиты. Это происходит в первую очередь в Германии. Вопреки предсказаниям политэкономов трудовое законодательство и защита интересов рабочих приводят не к кризису, а к ускоренному экономическому росту. Это подрывает доверие элит к либеральной парадигме, способствует формированию новой идеологической волны, в основе которой лежит представление о необходимости активного участия государства в социально-экономическом развитии, его способности решать порожденные индустриализацией проблемы общества и экономики. Носители новой идеологии неоднородны по составу, среди них политики, экономисты и философы самых разных, порой полярно различающихся взглядов – от К. Маркса до О. Бисмарка¹⁶⁸. Но их объединяет недоверие к рыночным институтам, убежденность в том, что вмешательство государства полезно и даже необходимо для экономики и жизни общества¹⁶⁹. К началу революции 1917 года в России влияние этой большой идеологической волны сильно¹⁷⁰.

В России тех дней представление о том, что все общественные и экономические проблемы страны можно решить, лишь усилив вмешательство государства в экономику, в регулирование и распределение, было всеобщим; его разделяли практически все политические силы¹⁷¹.

Великие революции имеют немало сходных черт и механизмов развития¹⁷². Однако есть и кардинальные отличия. Реакция политических элит, их ответ на революционные вызовы во многом определяются той идеологической волной, которая господствует в мире в период той или иной революции. Во времена Великой французской революции доминировала либеральная волна, в 1917–1922 годах, когда в России после революционных событий шла Гражданская война, – волна дирижистская¹⁷³.

Идеологическая волна, поднявшаяся на этапе индустриализации, связавшая нарастание социальных проблем с капитализмом и индустриализацией, предлагающая в каче-

¹⁶⁷ Идеи о необходимости защиты молодых отраслей промышленности на раннем этапе индустриализации отражены в работах немецкой экономической школы середины XIX в. (см.: List F. *Das Nationale System der Politischen Oekonomie. Erster Band. Der Internationale Handel, die Handelspolitik und der Deutsche Zollverein*. Stuttgart, 1941).

¹⁶⁸ “...В конце XIX в. практически каждый мыслящий человек разделял убеждение Маркса в том, что капитализм – это общество неизбежных классовых конфликтов, и, в сущности, к 1910 году большинство «мыслящих людей», во всяком случае в Европе (а также в Японии), склонялись в пользу социализма. Величайший представитель партии консерваторов XIX в. Бенджамин Дизраэли (1804–1881) во многом разделял точку зрения Маркса на капиталистическое общество, так же как и его коллега в континентальной Европе Отто фон Бисмарк...” (см.: Дракер П. *Посткапиталистическое общество. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология* / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 84).

¹⁶⁹ Эта волна веры в благотворное влияние функций государства в экономике и обществе оказывает серьезное воздействие и на позицию Католической церкви. В 1891 году Папа Лев XIII публикует энциклику “Рэрум Новарум”, в которой объявляет себя “Папой рабочих”, утверждает, что на фоне волны индустриализации и технологических достижений необходима защита трудящихся от бесчеловечных условий и более равномерное распределение собственности (см.: *100 лет социального христианского учения*. М.: МП “Останкино”, 1991. С. 6–24).

¹⁷⁰ О влиянии большой идеологической волны, порожденной современным экономическим ростом и связанной с дирижистскими и социалистическими идеалами, уверенностью во всевластии государства и пользе государственного активизма, на развитие событий в России в начале XX в. см.: Мау В. *Реформы и догмы. 1914–1929*. М.: Дело, 1993.

¹⁷¹ “Наши либералы и прогрессисты в своем преобладающем большинстве суть отчасти культурные и государственно-просвещенные социалисты, т. е. выполняют в России – стране, почти лишенной соответствующих элементов в народных массах, функцию умеренных, западноевропейских социалистов, отчасти же – полусоциалисты, т. е. люди, усматривающие идеал в половине отрицательной программы социализма, но не согласные на полное его осуществление” (см.: Франк С. Л. *DE PROFUNDIS* // Из глубины: Сб. статей о русской революции. Р.: Ymca-Press, 1967. С. 320–321).

¹⁷² См.: Стародубровская И. В., Мау В. А. *Великие революции: От Кромвеля до Путина*. М.: Вагриус, 2001.

¹⁷³ “Идеи Юма, Вольтера, Смита и Канта создали либеральную традицию XIX в. Идеи Гегеля, Конта, Фейербаха и Маркса создали базу тоталитаризма XX в.” (см.: Hayek F. A. *The Counter-Revolution of Science: Studies on the Abuse of Reason*. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1952. P. 206).

стве панацеи расширение функций государства в экономике вплоть до полной ликвидации рыночных механизмов, оказала непосредственное влияние на формирование политического и экономического режима в России и Китае после двух крупнейших революций XX в. Опыт Великой депрессии и советской индустриализации серьезно повлиял на формирование экономической политики многих стран догоняющего развития в послевоенный период¹⁷⁴.

Не остались в стороне и страны-лидеры. В Великобритании в 1945 году пришло к власти правительство лейбористов с развернутой программой национализации и завоевания государством командных высот в экономике¹⁷⁵. В конце 1940#х годов правоцентристы ФРГ – христианские демократы – принимают программу, где декларируется, что капиталистическая система не соответствует национальным и социальным интересам немцев, поскольку не дает возможности взять под контроль командные высоты в экономике и ввести централизованное планирование¹⁷⁶.

С конца 70#х – начала 80#х годов XX в. ситуация еще раз меняется. Страны – лидеры экономического роста вступили в постиндустриальную стадию развития. Стало очевидным, что в условиях высокоразвитого постиндустриального общества есть предел перераспределению средств с помощью налогов и бюджетов. Финансовые проблемы лидеров обостряются, повышаются темпы инфляции. Негативное влияние избыточного государственного регулирования на экономическое развитие выходит на поверхность. В социалистических странах темпы роста экономики падают, социалистическая система перестает быть образцом для подражания. В условиях постиндустриального мира и глобальной экономики тезис о позитивном влиянии государственной промышленной политики и тарифной защиты внутреннего рынка на ускорение экономического роста становится все более спорным. Поднимается новая большая идеологическая волна: очередной поворот к либерализму, к ограничению роли государства в экономике, к развитию рыночных механизмов и свободе торговли. И то обстоятельство, что крах социализма в СССР и новая революция в России начала 90#х годов XX в. пришлось на время подъема этой волны, серьезно повлияло на формирование новой мировой идеологии.

Догоняющим странам приходится прокладывать траектории своего развития не в вакууме, а в условиях динамично меняющегося мира¹⁷⁷, правила игры в котором и влияющие на эти правила доминирующие идейные установки формируют не они, а лидеры. Для стран с близким уровнем развития, со схожими структурными характеристиками экономики и общества оптимальные решения в области денежной, торговой и промышленной политики не остаются заданными, они в значительной степени зависят от происходящего в мире.

Третье тысячелетие мир встретил в условиях глобальной экономики, свободной торговли и господства неолиберальной идеологии. Сказать, насколько продолжительным будет

¹⁷⁴ О влиянии доминирующих в мире идеологических убеждений о разумном устройстве общества на рост доли государственных расходов в ВВП в XX в. см.: Tanzi V., Schuknecht L. *Public Spending in the 20th Century. A Global Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 1, 2.

¹⁷⁵ Yergin D., Stanislaw J. *The Commanding Heights*. New York: Touchstone Books, 1998. P. 31. “Ни один упрек не был столь страшным и столь фатальным для перспектив академической карьеры, чем быть обвиненным в «апологии» капиталистической системы. Даже ученый, решавший спорить с доминирующим мнением по конкретным вопросам, вынужден был защитить себя от подобных обвинений, присоединившись к общему осуждению капиталистической системы” (см.: Hayek F. A. *Capitalism and the Historians*. Chicago: The University of Chicago Press, 1954. P. 23).

¹⁷⁶ В 1947 году программа ХДС в британской зоне Германии содержала требование национализировать горнодобывающую, сталелитейную и другие крупные отрасли промышленности (см.: Зиберт Х. *Эффект кобры: Как можно избежать заблуждений в экономической политике* / Пер. с нем. П. И. Гребенникова. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. С. 27, 28).

¹⁷⁷ Изменение темпов роста в странах-лидерах влияет на спрос, цены и соответственно на темпы экономического развития во всем мире. Снижение темпов роста в развитых странах на 1 % в год приводит к снижению темпов роста в развивающихся странах на 1–2 % (см.: Easterly W. *The Elusive Quest for Growth. Economists Adventures and Misadventures in the Tropics*. Cambridge; Massachusetts; London: The MIT Press, 2000. P. 211).

этот этап в мировом развитии, невозможно. Опыт показал рискованность прогнозов, основанных на экстраполяции доминирующих тенденций в странах-лидерах. Но и сегодня, и в обозримом будущем, по крайней мере до тех пор, пока вектор развития событий в мире значительно не изменится, это остается той точкой отсчета, которую нельзя игнорировать, обсуждая стратегические проблемы стран догоняющего развития, в том числе России.

§ 3. Отставание от лидеров

Вступающих в современный экономический рост отделяет от его лидеров неодинаковая дистанция. Государства континентальной Западной Европы в XIX в., как правило, отставали от Англии всего на 1 поколение, страны Южной и Восточной Европы – на 2–3. А Китаю потребовалось почти полтора века, чтобы только сформировать предпосылки для начала современного экономического роста¹⁷⁸.

Временной лаг между началом современного экономического роста в Англии и стартом этого процесса в странах, которые ныне относятся к самым развитым и входят в ОЭСР, составлял 1–3 поколения. Теоретически все они имели равные возможности, чтобы воспользоваться благами науки для развития новых технологий. На самом деле первыми за лидером устремились те, у кого сформированные на стадии аграрного развития институты были наиболее гибкими, позволяли адаптироваться к специфическим требованиям динамичного развития, связанным с ним структурным переменам. У стран, вступивших в гонку позднее, отстававших в развитии от лидеров на 2–3 поколения, возникали серьезные проблемы, но были и преимущества: элиты этих стран знали, как трансформировались социально-экономические структуры у тех, кто шел впереди, могли предвидеть предстоящие трудности.

Вопрос о наличии или об отсутствии тенденции к конвергенции уровней экономического развития – одна из наиболее дискуссионных проблем в теории современного экономического роста. Со времени публикации классической работы Р. Солоу¹⁷⁹ представление о том, что менее развитые страны, имеющие возможность опереться на технологии, созданные в странах-лидерах, должны расти темпами более высокими, чем лидеры, получило широкое распространение. Однако реальности второй половины XX в., растущий разрыв между уровнями душевого ВВП наиболее развитых и наименее развитых стран заставили усомниться в универсальности этой тенденции (табл. 3.5). После продолжительной дискуссии¹⁸⁰ постепенно сформировалось мнение, что при наличии тенденции к конвергенции уровня развития стран, успешно адаптировавшихся к условиям современного экономического роста («Клуб конвергенции»), дистанция стран-лидеров по отношению к странам, не сумевшим адаптироваться к изменившимся условиям развития в XIX–XX вв., увеличилась¹⁸¹.

Таблица 3.5. Соотношение душевых ВВП наименее и наиболее развитых стран, %

¹⁷⁸ М. Абрамович в 1986 году ввел понятие социального потенциала догоняющего развития (см.: Abramovitz M. *Catching Up, Forging Ahead and Falling Behind* // Journal of Economic History. Vol. 46 (2). June 1986. P. 385–406).

¹⁷⁹ Solow R. M. *A Contribution to the Theory of Economic Growth* // Quarterly Journal of Economics. February 1956. Vol. 70. P. 65–94.

¹⁸⁰ Baumol W. J. *Productivity Growth, Convergence and Welfare: What the Long-Run Data Show* // American Economic Review. 76 (5). December 1986. P. 1072–1085; De Long J. B. *Productivity Growth, Convergence and Welfare: Comment* // American Economic Review. 76 (5). December 1988. P. 1138–1154.

¹⁸¹ De Long J. B. *Productivity Growth, Convergence and Welfare: Comment* // American Economic Review. 76 (5). December 1988. P. 1138–1154.

1820 год			
	Китай	Индия	Бразилия
Великобритания	30	30	38
1992 год			
	Эфиопия	Заир	Танзания
США	1,4	1,6	2,8

Источник: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. P.: OECD, 1995. P. 202–206.

М. Абрамович обращает внимание на то, что в 1870–1979 годах при сближении показателей уровня производительности труда в странах – лидерах современного экономического роста медиана их дистанции по отношению к США практически не изменилась¹⁸² (табл. 3.6).

Один из ранних примеров конвергенции, сближения показателей уровня развития стран, вступивших в процесс современного экономического роста позже лидеров с параметрами, характерными для наиболее развитых стран, – Скандинавия. Скандинавские страны начинают современный экономический рост, индустриализацию лишь с середины XIX в., на поколение позже, чем наиболее динамичные страны континентальной Европы. В 1870 году душевой ВВП Швеции составлял 52 % душевого ВВП Англии, 60 % душевого ВВП Голландии, 62 % душевого ВВП Бельгии. К 1910 году эта дистанция сокращается: соответствующее соотношение составляет 63; 81 и 75 %.

Таблица 3.6. Сравнительные уровни производительности труда в развитых странах в 1870–1979 годах (ВВП на человеко-час США = 100)¹⁸³

¹⁸² Abramovitz M. *Thinking about Growth, and other Essays on Economic Growth and Welfare*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 220–228.

¹⁸³ * В скобках указаны данные, рассчитанные на базе Великобритании (Великобритания = 100). ** В расчет взяты страны: Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Италия, Япония, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария, Великобритания и США. *** Отношение стандартного отклонения к среднему.

Год	Средний уровень производительности в различных странах**	Коэффициент вариации***
1870	77 (66)	0,51 (0,51)
1890	68 (68)	0,48 (0,48)
1913	61	0,33
1929	57	0,29
1938	61	0,22
1950	46	0,36
1960	52	0,29
1973	69	0,14
1979	75	0,15

Источник: Abramovitz M. *Thinking about Growth, and other Essays on Economic Growth and Welfare*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 226.

Причины успешного развития Скандинавских стран, позволившие им сократить, а потом и преодолеть дистанцию, отделяющую их от лидеров современного экономического роста, – предмет оживленной дискуссии. Одно из объяснений – высокий по европейским стандартам середины XIX в. уровень распространения образования в Скандинавских странах¹⁸⁴. К 1850 году Швеция была наиболее грамотной страной Европы. К концу XIX в. распространение начального образования в Швеции значительно опережает показатели, характерные для большинства стран Западной Европы. Авторы более поздних исследований, признавая роль образовательного потенциала Скандинавских стран, позволившего им активно использовать технологии, созданные в странах – лидерах современного экономического роста, обращают вместе с тем внимание на открытость их экономик, последовательную линию на интеграцию в мировой рынок¹⁸⁵. В условиях первого периода глобализации такая экономическая политика была эффективным способом ускорения развития.

Еще один пример успешной стратегии догоняющего развития, позволяющей сократить, а затем ликвидировать разрыв в уровнях душевого ВВП, – опыт Японии во второй половине XIX–XX в. Этому способствовала долгосрочная традиция ориентации на институты более развитых стран, характерная для этой страны. В V–VI вв. н. э. дистанция между Японией и Китаем по уровню развития была велика. Японская элита осознавала себя элитой варварской страны, призванной овладеть опытом более развитого и цивилизованного общества. С этого времени заимствование институциональных структур – органическая часть японской традиции¹⁸⁶. Именно этот факт облегчил Японии использование той же страте-

¹⁸⁴ О роли высокого уровня образования в экономическом подъеме Швеции перед Первой мировой войной см.: Sandberg L. G. *The Case of the Impoverished Sophisticate: Human Capital and Swedish Economic Growth before World War I* // Journal of Economic History. 1979. 39 (1). P. 225–241; Sandberg L. G. *Ignorance Poverty and Economic Backwardness in the Early Stage of European Industrialization* // Journal of European Economic History. 11 (3). 1982. P. 675–697.

¹⁸⁵ О роли открытой внешнеэкономической политики в подъеме Швеции см.: O'Rourke K., Williamson J. G. *Open Economy Forces and Late 19th Century Scandinavian Catch-up. Discussion Paper № 1709*. Cambridge; Massachusetts: Harvard University, 1995. P. 1, 31, 32.

¹⁸⁶ О влиянии наделной системы, введенной в Китае в период династии Суй и Тан, на формирование институтов земельной собственности и налогообложения в Японии см.: Конрад Н. И. *Избранные труды. История*. М.: Наука, 1974. С.

гии, но уже с ориентацией не на Китай, а на страны западной цивилизации со второй половины XIX в.¹⁸⁷. Японские власти сумели осознать, что экономический подъем Запада связан не только с современной техникой, он основывается на принятии свободного рынка, частного права. Когда эти установления удалось включить в систему национальных институтов, Япония продемонстрировала один из самых успешных примеров экономического роста на рубеже XIX и XX вв., к концу 60-х годов XX в. по уровню душевого ВВП вплотную приблизилась к странам-лидерам¹⁸⁸. В свою очередь формирование экономической политики стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX в. находилось под очевидным влиянием опыта успешного развития Японии и опиралось на заимствование японских установлений¹⁸⁹.

Запоздавшие с индустриализацией страны вынуждены были для преодоления своей отсталости мобилизовывать на финансирование индустриализации более значительную часть валового национального продукта, чем страны-лидеры. В период промышленного рывка Великобритания инвестировала в производство 6–7 % ВВП, Франция – 10–11, Германия – 10,5–11,5, Италия – 11,5–12,5, Япония – 13,5–14,5, а США – 15–16 %¹⁹⁰.

А. Гершенкрон был одним из первых исследователей, выявивших связь различия национальных путей индустриализации с уровнем относительной экономической отсталости. На базе обширного экономико-исторического материала он показал, что тезис о более развитой стране, демонстрирующей менее развитую картину ее собственного будущего, далек от реальности¹⁹¹, подметил связь между отставанием от лидеров и уровнем государственного участия в экономическом развитии. Чем дистанция длиннее, тем, как правило, более активную роль играло государство, обеспечивая в своей стране условия для начала современного экономического роста¹⁹². (Об этом см. ниже, в гл. 11.) С увеличением дистанции, отделяющей от лидеров, расширяются возможности технологических заимствований, которые поощряет и организует государство. Развитие событий во второй половине XX в. показало, что эта зависимость не универсальна, однако в целом она сохраняется¹⁹³. Страны, вступившие в процесс современного экономического роста в XX в., как правило, демонстрируют более высокие показатели государственной нагрузки на экономику, чем страны-пионеры

75–161; Curtin P. D. *The World & the West*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 156–192.

¹⁸⁷ Morishima M. *Why Has Japan Succeeded?* Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1982. P. 16–20, 24.

¹⁸⁸ Kawakatsu H. *Asia Pacific Dynamism: 1550–2000*. London; New York: Routledge, 2000. P. 70–85.

¹⁸⁹ См.: Мельянцева В. А. «Восточноазиатская модель» экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны. М.: Изд. Центр ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. С. 5.

¹⁹⁰ См.: Мельянцева В. А. *Экономический рост стран Востока и Запада в долгосрочной перспективе*: Автореф. дис. д-ра экон. наук. М., 1995. С. 212.

¹⁹¹ Gershenkron A. *Continuity in History and Other Essays*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1968.

¹⁹² О связи между отставанием от лидера к моменту начала индустриализации и ее национальными путями, в частности, темпами роста, средним размером предприятий, долей тяжелой промышленности в структуре выпуска, опорой на технологические заимствования и финансовую помощь из-за рубежа, ролью государственного бюджета и т. д. см.: Gershenkron A. *Europe in the Russian Mirror*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 98, 99. О влиянии времени начала современного экономического роста на специфику национальных траекторий развития см. также: Kuznets S. *Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread*. New Haven and London: Yale University Press, 1966. P. 291, 292. С. Витте писал Николаю II: «В России по условиям жизни нашей страны потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличает ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность» (см.: *Власть и реформы: От самодержавной к советской России* / Отв. ред. Б. В. Ананьич. СПб., 1996. С. 416).

¹⁹³ Последующие работы, посвященные догоняющей индустриализации в Европе, заставили многих исследователей усомниться в точности тезиса А. Гершенкрона о прямой зависимости масштабов участия государства в экономике на ранних этапах индустриализации с дистанцией от лидеров. Но в целом опыт XX в. скорее подтверждает, чем опровергает, его гипотезу (см.: Latham A. J. H., Kawakatsu H. *Asia Pacific Dynamism: 1550–2000*. London; New York: Routledge, 2000. P. 86–103).

на тех же уровнях развития (табл. 3.7–3.9). Современный экономический рост, радикальное расширение экономических возможностей в странах, которые им охвачены, трудности запуска его механизмов в тех государствах, где институциональных предпосылок для него не существует, – все это неизбежно ведет к расширению пропасти между самыми развитыми и неразвитыми странами мира. Если в 1800–1820 годах лидеры экономического и технологического развития по уровню душевого ВВП опережали отстающих примерно в 2–3 раза, то к концу XX в. разрыв уже составляет десятки раз. Отсюда и большие возможности заимствовать опыт в овладении технологическим заделом, который создали лидеры.

Таблица 3.7. Доля государственных расходов в ВВП при сопоставимых уровнях развития в Великобритании, Японии и Турции

Страна	Год	ВВП на душу населения, международные доллары 1990 года	Доля государственных расходов бюджета в ВВП, %
Великобритания	1870	3263	9,4
Япония	1960	3879	19,9
Турция	1980	3192	20,6

Источник: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. P.: OECD, 1995; Данные, предоставленные ОЭСР.

Таблица 3.8. Доля государственных расходов в ВВП в Германии, Франции, Индии и Южной Корее на сходных уровнях экономического развития

Страна	Год	ВВП на душу населения, международные доллары 1990 года	Доля государственных расходов бюджета в ВВП, %
Франция	1870	1858	13,0
Германия	1870	1913	10,0
Индия	1990	1316	16,2
Южная Корея	1960	1302	13,8

Источник: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. P.: OECD, 1995; Tanzi V., Schiknecht L. *Public Spending in the 20th Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000 (Франция, Германия); International Financial Statistics 2004 (IMF), Economic Concept View: Government Finance, National Accounts (для остальных государств).

Таблица 3.9. Доля государственных расходов в ВВП в Германии, Франции и Бразилии на сопоставимых уровнях экономического развития

Страна	Год	ВВП на душу населения, международные доллары 1990 года	Доля государственных расходов бюджета в ВВП, %
Франция	1950	5270	24,4
Германия	1950	3881	14,9
Бразилия	1990	4924	34,9

Источник: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. P.: OECD, 1995; International Financial Statistics 2004 (IMF), Economic Concept View: Government Finance, National Accounts.

Разрыв в уровне развития создает политическое давление на правительства развивающихся стран, побуждает их ускорить трансформацию. В результате темпы экономического роста, наращивания экспорта, перемены в структуре производства и потребления у стран, которые вступили в современный экономический рост только в XX в., выше мировых показателей, характерных для XIX в.¹⁹⁴. Да и сами задаваемые лидерами производственные возможности возрастали в позапрошлом столетии значительно медленнее, чем в прошлом. Производительность труда в Англии в 1820–1890 годах растет почти вдвое медленнее, чем в США на протяжении последующего столетия американского лидерства в мире¹⁹⁵. В странах, начавших современный экономический рост в XIX в., обычно его темпы составляли примерно 2 % в год; в тех же, кто оказался в этом процессе после Второй мировой войны, – 3–4 %, а иногда и выше – до 5–10 % в год¹⁹⁶.

В подавляющем большинстве новые технологии рождаются в странах – лидерах экономического роста, где сконцентрирована основная часть мирового научно-технического потенциала. И это создает проблемы для стран догоняющего развития. Современные технологии ориентированы на характерные для передовых государств условия, в том числе на высокую стоимость рабочей силы. Структура производственных расходов, в которых преобладают издержки на новое, дорогое оборудование, а не трудовые затраты, отнюдь не всегда оптимальна для менее развитых стран, где труд еще дешев¹⁹⁷.

Помимо возможности заимствовать у лидеров технологические инновации для догоняющего развития важен еще один фактор. Когда пионеры современного экономического роста проходили этапы социально-экономического развития, на которых страны, следовавшие за ними, оказались в XX в., не было представления о таких социальных институтах, как государственное пенсионное обеспечение, бесплатное образование и здравоохранение, пособия по безработице. Они формировались в ходе индустриализации, по мере осознания их роли в социальной организации и развитии индустриального общества, появления возможности обеспечить их финансовыми ресурсами. В странах догоняющего развития, которые ориентируются на стандарты лидеров, представления о необходимости и естественности подобных институтов возникают на более низких уровнях развития¹⁹⁸. Это порождает риск перегрузки экономики налогами, что, в свою очередь, ставит преграды на пути устойчивого экономического роста, провоцирует финансовые кризисы и рост внешнего долга¹⁹⁹.

Созданные для обеспечения догоняющего развития национальные институты инерционны. В изменившихся условиях они могут препятствовать адаптации к следующему этапу

¹⁹⁴ Morris C., Adelman I. *Nineteenth-Century Development Experience and Lessons for Today* // World Development. Vol. 17 (9). 1989. P. 1421.

¹⁹⁵ Maddison A. *Dynamic Forces in Capitalist Development*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1991. P. 37.

¹⁹⁶ Kuznets S. *Economic Growth of Nations: Total Output and Production Structure*. Cambridge: Harvard University Press, 1971.

¹⁹⁷ О роли концентрации технических инноваций в развитых странах и их ориентации на потребности этих стран см.: Todaro M. *Economic Development in the Third World*. London; New York: Longman, 1977. P. 110.

¹⁹⁸ «В XIX в. в соответствии со стандартами эпохи от правительств ожидали немного. Отсюда большая стабильность власти. В XX в. изменившийся мир, опыт стран-лидеров задают повышенные требования к национальным правительствам, что и вызывает большую политическую нестабильность» (см.: Morris C., Adelman I. *Nineteenth-Century Development Experience and Lessons for Today* // World Development. Vol. 17. 1989. № 9. P. 1417–1432). О влиянии международного опыта формирования систем социальной поддержки в странах – лидерах современного экономического роста на распространение аналогичных институтов в странах догоняющего развития см. также: Heclio H. *Modern Social Politics in Britain and Sweden. From Relief to Income Maintenance*. New Haven; London: Yale University Press, 1974. P. 10, 11.

¹⁹⁹ О более высокой доле в ВВП доходов государственных бюджетов в странах, вступивших в процесс современного экономического роста и индустриализации с существенным отставанием от лидеров, см.: Reynolds L. G. *Economic Growth in the Third World 1850–1980*. New Haven; London: Yale University Press, 1985. P. 67.

экономического развития страны, решению проблем, характерных для постиндустриальной стадии²⁰⁰.

Сочетание возможности технологических заимствований, разрыва между используемыми в национальной экономике технологиями и накопленным в мире объемом технологических знаний с опасностью институциональных ловушек, когда эффективные для запуска современного экономического роста решения оказываются непригодными на его последующих стадиях и при этом их трудно демонтировать, приводит к масштабным колебаниям долгосрочных темпов национального экономического развития²⁰¹. Еще один фактор, который характеризует отставание от лидеров и во многом формирует своеобразные траектории развития, присущие догоняющим странам, – характеристики демографического перехода (см. ниже, гл. 10). У лидеров процесса модернизации демографические показатели изменялись медленно. Существенный рост продолжительности жизни, осязаемое снижение смертности в странах догоняющего развития – все это занимало десятилетия. Новые меры и противоинфекционные средства распространялись в мире быстрее, чем формировались новые социальные структуры и чем осваивались новейшие производственные технологии. Важнейшие демографические процессы – повышение продолжительности жизни и снижение смертности – также шли неизмеримо быстрее, чем в странах-лидерах, а выход на сходные показатели продолжительности жизни происходит при более низких показателях экономического развития (*табл. 3.10*)²⁰².

Однако, даже почти сравнявшись с лидерами по уровню продолжительности жизни и смертности, догоняющие страны по-прежнему уступают им в развитии социальных и общественных институтов, по всем показателям, которые характеризуют современное общество. Как и прежде, большая часть их населения живет в деревне и работает в сельском хозяйстве, уровень образования, особенно женщин, низкий. В странах догоняющего развития длительное время сохраняются крайне высокие темпы роста населения. В результате в XX в. доля этих стран в мировом населении существенно увеличивается. Такая траектория демографического перехода создает дополнительные препятствия на пути экономического роста²⁰³.

Таблица 3.10. Средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении в США, Великобритании, Франции, Германии, Китае, Бразилии, Мексике, Турции на сходных уровнях экономического развития

²⁰⁰ Дж. Темпл обращает внимание на то, что кризис 1990-х годов в Японии стал примером долгосрочного влияния институтов, созданных для обеспечения догоняющего развития, и трудности их демонтажа в постиндустриальную эпоху (см.: Temple J. *The New Growth Evidence* // *The Journal of Economic Literature*. Vol. XXXVII. March 1999. P. 112–156). О том же пишет Г. Офер (см.: Ofer G. *Switching Development Strategies and the Costs of Transition: the Case of the Soviet Union and Russia* // Paper Presented at the AEA Meeting. San Diego. January 3–5. 2004. P. 1–7).

²⁰¹ У. Истерли отмечал, что во второй половине XX в. долгосрочные темпы экономического развития национальных экономик слабо коррелируют с темпами их развития в предшествующие десятилетия (см.: Easterly W. *The Elusive Quest for Growth*. Cambridge; Massachusetts; London, England: The MIT Press, 2001).

²⁰² О влиянии технологических достижений стран – лидеров современного экономического роста на увеличение продолжительности жизни и динамику мирового населения в XX и XXI вв. см.: Crafts N. *Globalization and Growth in the Twentieth Century* // IMF Working Paper, 2000.

²⁰³ Knight M., Loayza N., Villanueva D. *Testing the Neoclassical Theory of Economic Growth* // IMF Staff Papers. Vol. 40 (3). September 1993. P. 534. С. Морис и И. Эйдельман выделяют три существенно различающиеся траектории индустриализации: страны-первопроходцы, страны импортозамещающей индустриализации XIX в. (Германия, Италия, Япония, Россия), страны поздней индустриализации с высокими темпами роста населения (см.: Morris C., Adelman I. *Nineteenth-Century Development Experience and Lessons for Today* // *World Development*. Vol. 17. 1989. № 9. P. 1419, 1420).

Страна	Год	ВВП на душу населения, международные доллары 1990 года	Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, годы
США	1913	5301	47 (1900)
Великобритания	1913	4921	46 (1891–1990)
Франция	1917	3485	47 (1900)
Германия	1913	3648	46 (1905)
Китай	1998	3118	70
Бразилия	1973	3882	62
Мексика	1973	4845	65 (1975)
Турция	1975	3753	60

Источник: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. P.: OECD, 1995.

§ 4. Влияние традиций

Многие фундаментальные черты аграрного общества присущи разным цивилизациям. Как бы ни отличались национальные культуры, но структура занятости, расселения, демографическое поведение, уровень жизни большинства населения – все эти показатели сходны и в Средиземноморье времен Римской империи, и в Китае времен династии Мин²⁰⁴, и в Индии накануне британского завоевания. Но институты аграрных обществ, определяющие их организацию, семейное поведение, устройство власти, во многом специфичны²⁰⁵.

Важнейший фактор цивилизационной идентичности, влияния институтов традиционного общества на траекторию национального развития – религиозные традиции. С началом современного экономического роста, урбанизацией, широким распространением образования, как правило, связано снижение распространенности религиозных чувств в обществе²⁰⁶. Но этот процесс не носит линейного характера. Его ход зависит от специфики цивилизационных и национальных традиций.

В XVIII в. Д. Юм близко подошел к тому, чтобы сформулировать тезис о связи протестантской этики с подъемом стран Северо-Западной Европы²⁰⁷. М. Вебер отмечает: то, что в европейских странах среди протестантов больше богатых, чем среди католиков, общеизвестно и общепризнано. В Бадене, Баварии, Венгрии высшее образование не только более

²⁰⁴ Династия Мин – Великая Минская империя под властью династии Мин просуществовала после отделения Китая от Монгольской империи (под управлением монгольской династии Юань) с 1368 по 1644 год.

²⁰⁵ “Зависимость от траектории предшествующего развития – это ключ к аналитическому пониманию долгосрочных экономических изменений” (см.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. С. 144). Эмпирические исследования показали, что установки на достижение жизненного успеха в различных странах тесно коррелируют с темпами экономического роста. Этот фактор, в свою очередь, связан с культурными традициями, унаследованными от аграрного общества (см.: Granato J., Inglehart R., Leblang D. *The Effect of Cultural Values on Economic Development: Theory, Hypotheses and Some Empirical Tests* // American Journal of Political Science. Vol. 40 (3). August 1996. P. 625). Некоторые исследователи доводят тезис о роли унаследованных от аграрного общества традиций в определении национальных траекторий в условиях современного экономического роста до крайности. Так, Д. Ландес пишет: “Если мы можем научиться чему-нибудь из истории экономического развития – это тому, что культура определяет все различия” (см.: Landes D. *What Room for Accident in History? Explaining Big Changes by Small Events* // The Economic History Review. Vol. 47 (4). November 1994. P. 516).

²⁰⁶ Barro R. J., McCleary R. M. *Religion and Economic Growth*. NBER // Working Paper 9682. May 2003. P. 35, 36.

²⁰⁷ Hume D. *Of Superstition and Enthusiasm* / Essays Moral, Political and Literary. London: Oxford University Press, 1963.

широко распространено среди протестантов; у них оно и в большей степени ориентировано на подготовку к техническим, промышленным, коммерческим профессиям²⁰⁸.

В конце XX – начале XXI в., когда в течение десятилетий можно было наблюдать быстрый экономический рост стран с конфуцианской системой ценностей²⁰⁹, а одной из самых динамичных стран Западной Европы стала католическая Ирландия, представления М. Вебера, который связывал подъем Европы, создание предпосылок для европейского капитализма с протестантской этикой, кажутся архаичными²¹⁰. Но база распространения идей о роли религии в создании предпосылок начала современного экономического роста была реальной. Первыми в стадию современного экономического роста вступили именно протестантские страны Северной Европы и протестантские же регионы Нового мира. Лишь позже к этому процессу присоединились районы католической и православной Европы. Р. Инглхарт доказывает, что результаты сравнительного анализа динамики развития протестантских и католических стран за 1870–1938 годы подтверждают выводы М. Вебера. Последовавший за этим расцвет католических стран он объясняет изменениями в их культуре²¹¹.

Исследования приоритетов родителей в вопросе о том, что должно быть главным в обучении детей, проведенные Г. Ленским и Д. Алвином в США, показывают сохранение существенных различий в ценностных системах, большую ориентацию протестантов на то, что связано с жизненным успехом. Но эти же исследования демонстрируют и постепенное сближение образовательных приоритетов различных религиозных групп²¹².

В ряде отношений влияние протестантской этики на специфику национальных траекторий развития в Северной Европе очевидно. Речь идет о необычно раннем и широком распространении грамотности, причем среди обоих полов. Объясняется этот феномен массовым изучением Библии. Достойные протестанты должны были читать Священное Писание сами. Католическая церковь самостоятельное чтение не поощряла²¹³. Лишь с течением времени первоначальный разрыв в уровне грамотности между протестантской и католической Европой был ликвидирован благодаря всеобщему начальному образованию. И чем, как не влиянием протестантизма, объяснить существенное сокращение числа праздников, увеличение числа рабочих дней в году? Ведь в католической Европе XVI в. праздники занимали четверть, если не треть, календаря.

Исследователи отмечают еще один параметр, по которому протестантизм оказывает влияние на долгосрочные тенденции эволюции социальных институтов, – это уровень государственной нагрузки на экономику. Есть протестантские страны с крайне высокой долей государственных расходов в ВВП. Но все страны – лидеры экономического роста, где доля государственных расходов в ВВП существенно ниже средней, характерной для стран ОЭСР,

²⁰⁸ Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. London; New York: Routledge, 1995. P. 38.

²⁰⁹ О влиянии конфуцианских традиций на специфику эволюции стран, имеющих это историческое наследие, см.: Xinzhong Yao. *An Introduction to Confucianism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

²¹⁰ В работе “Konfuzionismus und Daosismus” М. Вебер подробно описывает то, как конфуцианская философия и даосизм служат препятствием развитию капитализма в Китае. Он же считал, что японцам создать основы капиталистической экономики будет еще сложнее, чем китайцам. Э. де Сото справедливо отмечает: “Предположение, что именно культура объясняет процветание столь разных Японии, Швейцарии или Калифорнии (штат США) и что в ней же кроется причина относительной бедности не менее разнящихся между собой Эстонии, Китая и Бая Калифорнии (штат Мексики), не только негуманно, оно неубедительно” (см.: Сото Э. де. *Загадки капитала*. М.: ЗАО “Олимп-Бизнес”, 2001. С. 16; *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. Bd I–III. Tübingen, 1920–1921).

²¹¹ Inglehart R. *The Silent Revolution. Changing Values and Political Styles Among Western Public*. Princeton: Princeton University Press, 1977. P. 61, 62. Схожие выводы см.: *Economic Growth: Theory and Evidence* / Grossman G. M. (ed.). Vol. 1. Cheltenham, UK – Brookfield, US: An Elgar Reference Collection, 1996. P. 25.

²¹² Lenski G. *The Religions Factor*. New York: Anchor-Doubleday, 1963; Alwin D. F. *Religion and Parental Child-Rearing Orientations: Evidence of a Catholic-Protestant Convergence* // *American Journal of Sociology*. 1986. 92. P. 412–440.

²¹³ Landes D. *The Wealth and Poverty of Nations. Why Some Are So Rich and Some So Poor*. New York; London: W. W. Norton & Company, 1999. P. 178.

принадлежат к протестантской или, по крайней мере, некатолической традиции (США, Австралия, Канада, Швейцария)²¹⁴.

Специфика установлений, доставшихся в наследство от аграрных цивилизаций, оказывается устойчивой. Под влиянием перемен в организации общественной жизни она модифицируется, но не исчезает²¹⁵.

Историки спорят о том, сколько цивилизаций, имеющих существенные различия в системах институциональных и культурных традиций, унаследованных от аграрного общества, можно вычленить сегодня. Окончательного ответа на этот вопрос быть не может. Само понятие “цивилизация” слишком широко и неопределенно, чтобы можно было использовать жесткие дефиниции. Тем не менее чаще всего в последние годы специалисты говорят о китайской цивилизации (иногда объединяя, а иногда отделяя ее от японской), об индустской, исламской, православной, западной, латиноамериканской и африканской цивилизациях. По вопросу о выделении двух последних идет оживленная дискуссия²¹⁶.

При анализе специфики цивилизационных установлений важно не допустить грубой, но распространенной ошибки: не спутать уровень социально-экономического развития страны с национальной спецификой.

К. Тацит пишет о германцах: “Когда они не ведут войн, то много охотятся, а еще больше проводят время в полнейшей праздности, предаваясь сну и чревоугодию, и самые храбрые и воинственные из них, не неся никаких обязанностей, препоручают заботы о жилище, домашнем хозяйстве и пашне женщинам, старикам и наиболее слабосильным из домохозяев... Строят же они, не употребляя ни камня, ни черепицы; все, что им нужно, они сооружают из дерева, почти не отделявая его и не заботясь о внешнем виде строения и о том, чтобы на него приятно было смотреть”²¹⁷.

Автор представлял более развитую страну и потому отнес признаки низкого уровня развития к национальным особенностям. Однако и после выравнивания уровней развития европейская семья по-прежнему существенно отличается от той, которая характерна для мусульманской цивилизации, а нормы сбережений в странах с конфуцианской традицией обычно выше, чем в той же Европе или Америке.

Выдержав испытание столетиями, национальные различия остаются устойчивыми и сегодня. Так, характерные черты конфуцианской этики – акцент на иерархические отношения, прагматизм, высокая ценность образования, трудолюбие, долгосрочный подход к возникающим проблемам – рассматриваются сегодня как база успехов стран этой традиции в адаптации к условиям современного экономического роста²¹⁸.

²¹⁴ Castles F. *Economic Development and the Welfare State* // *Welfare State Futures*. Leibfried S. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 41–43.

²¹⁵ “У современных обществ... много общих черт. Но обязательно ли они стремятся к однородности? Аргумент, что это так и происходит, покоится на предположении, что современное общество должно приблизиться к единому, западному типу, что современная цивилизация – это западная цивилизация, а западная цивилизация – это современная цивилизация. Это, однако, в полной мере ложное тождество. Западная цивилизация родилась в VIII–IX вв. и развивала свои специфические черты в последующие столетия. Ее модернизация началась не раньше XVII–XVIII вв. Запад был Западом задолго до того, как западная цивилизация стала современной. Основные характеристики Запада – те, которые отделяют его от других цивилизаций, – датируются более ранним сроком, чем модернизация Запада” (см.: Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Touchstone, 1996. P. 69). О влиянии традиций, унаследованных от аграрного общества, на набор эффективных стратегий адаптации национальных институтов к реалиям современного экономического роста см. также: Morishima M. *Why Has Japan “Succeeded”?* Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1982. P. 194–201.

²¹⁶ См., например: Huntington S. P. *The Clash of Civilization and the Remaking of World Order*. P. 44–47.

²¹⁷ Тацит К. *Со ч.*: В 2 т. *Анналы. Малые произведения*. Т. 1. М.: Ладомир, 1993. С. 360.

²¹⁸ Adelman I. *State and Market in Economic Development of Korea and Taiwan*. Berkeley, California: University of California at Berkeley, 1996. P. 3, 4.

Индийская кастовая система – пример института, который вырос из традиционного аграрного общества, продемонстрировал свою живучесть в современном мире и продолжает заметно влиять на ход модернизации в Индии²¹⁹.

Межкультурные исследования подтверждают, что общества с единым происхождением (что проявляется в первую очередь в принадлежности к единой языковой семье) обладают сходными специфическими чертами в укладе и во взглядах на мир²²⁰.

Европейские институты и установления со времен античности обладают чертами, которые отличают их от организации жизни в других аграрных цивилизациях, условно называемых восточными. Способ организации экономики и общества, получивший название “капитализм” и создавший предпосылки для современного экономического роста, сформировался в неразрывной связи с западными институтами.

Важнейшие черты западных, европейских общественно-политических структур – ограничение полномочий власти принятыми, закрепленными обычаями и правилами, разграничение власти и собственности, гарантии собственности и личных свобод. Этот набор установлений неестественен для неевропейских аграрных цивилизаций, где доминируют представления о безграничной компетенции власти, где власть и собственность тесно переплетены и потому трудноотделимы друг от друга²²¹. Между тем, как справедливо отмечал Д. Родрик, институты приходится создавать, опираясь на имеющийся реальный опыт, местные знания и неизбежные эксперименты²²².

Начало современного экономического роста в Европе, вызовы догоняющего развития ставят перед элитами неевропейских стран сложную задачу: имитировать институты, у которых в неевропейских странах не было исторической традиции, формировавшейся в Европе на протяжении более двух тысячелетий. В этом сущность характерных для большинства стран догоняющей индустриализации проблем: слабости отечественного предпринимательского класса, недостаточных гарантий собственности, отсутствия стимулов к долгосрочным вложениям, коррупции в государственном аппарате, стремления перераспределять административную ренту. Все это способно на десятилетия парализовать экономическое развитие.

К числу важных и устойчивых традиционных черт, которые влияют на эволюцию современных обществ, относятся нормы семейного поведения. В Западной Европе рано, еще в первой половине 2-го тысячелетия, укоренилась традиция малой семьи, в которой

²¹⁹ Nair K. *Blossoms in the Dust*. New York: Frederick A. Praeger, 1962. P. 192–193; Anstey V. *The Economic Development of India*. London: Longmans Green and Company, 1936. P. 47. Д. Лал обращает внимание на то, что кастовая система в Индии, обеспечивавшая долгосрочную стабильность, оказалась серьезным препятствием на пути адаптации Индии к условиям современного экономического роста. Несмотря на то что Индия на протяжении многих веков была вовлечена в широкую международную торговлю, кастовая система исключала влияние тех, кто был связан с торговлей, на государственное управление. Представители правящих каст были слабо осведомлены обо всем, что связано с торговлей (см.: Lal D. *Cultural Stability and Economic Stagnation: India*. C. 1500 BC – 1980 AD. Oxford, 1988. P. 309–314). О связи кастовой системы с медленным распространением массового образования в Индии см.: Roy T. *Economic History and Modern India: Redefining the Link* // *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 16. 3. Summer 2002. P. 109–130. Есть и исследователи, считающие, что представление о влиянии кастовой системы на социальную мобильность в индийском обществе преувеличено, на деле социальная структура является более гибкой, чем это следует из канонических текстов (см.: Morris M. D. *Values as an Obstacle to Economic Growth in South Asia: An Historical Survey* // *The Journal of Economic History*. Vol. 27. Issue 4. Dec. 1967. P. 600–607).

²²⁰ Hallpike C. R. *The Principles of Social Evolution*. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 293.

²²¹ “Страны, начавшие экономический рост в первое десятилетие XIX в., имели правительства, которые защищали частную собственность, гарантировали выполнение частных контрактов, были готовы устранять «узкие места» в развитии производства и рынка. Эти установления принципиально значимы для распространения промышленной революции и долгосрочного экономического роста, который она обеспечивала. Они составляли институциональное ядро современного капитализма” (см.: Adelman I. *The Genesis of the Current Global Economic System* // A. Levy-Livmore (ed.). *Handbook of the Globalization of the World Economy*. Cheltenham: Edward Elgar, 1998).

²²² Rodrik D. *Institutions for High-Quality Growth: What They Are and How to Acquire Them* // NBER. Working Paper 7540. P. 15.

регулировалось число рождений на одну женщину²²³. Специфика европейской нуклеарной семьи, сформировавшейся еще до начала современного экономического роста, ее отличие от широкой семьи, характерной для других регионов мира, давно привлекала внимание исследователей. Многие авторы давно связали ее с материальными интересами Католической церкви²²⁴.

Некоторые элементы подобной эволюции семейных отношений прослеживаются и в Японии эпохи Токугава. Здесь с началом современного экономического роста на протяжении 2–3 поколений происходит переход к нуклеарной семье, состоящей либо только из супругов, либо из родителей и детей²²⁵. Для большинства других аграрных цивилизаций характерна широкая семья, охватывающая большой круг близких и дальних родственников²²⁶, с установками на семейную взаимопомощь и отсутствием ограничения рождаемости. Столь противоположные традиции и приводят к различиям демографического перехода в европейских и неевропейских странах. В последних рождаемость в начале современного экономического роста выше, чем в Европе, период ее снижения более продолжителен, численность населения возрастает быстрее. Эти факторы, как и упомянутая выше тенденция к более быстрому снижению смертности на ранних этапах современного экономического роста, характерная для стран догоняющего развития, определяют высокие темпы прироста численности их населения (см. табл. 1.4) и долгосрочные перспективы структуры мирового населения. В XX в. доля Европы в мировом населении сокращалась и, по прогнозам, будет сокращаться в текущем столетии (табл. 3.11).

Характерное для многих неевропейских цивилизаций, хотя и находящихся на высоком уровне социально-экономического развития, сохранение широкой семьи приводит к важным последствиям. Л. Харрисон обращает внимание на связь традиций широкой семьи с тем, что большинство предприятий в Корее и на Тайване находятся в семейной собственности. В то время как на Западе отсутствие взаимопомощи в рамках широкой семьи подталкивает к формированию системы социальной поддержки, которая финансируется из налоговых источников, в неевропейских странах социальную функцию на протяжении столетий несет поддержка родственников, в том числе и не самых близких. Потребность в помощи, организуемой и финансируемой государством, возникает позднее²²⁷. Эти традиции оказывают влияние и на динамику нормы сбережений²²⁸.

²²³ Alexander W. *The History of Women From the Earliest Antiquity to the Present Time. Giving an Account of Almost Every Interesting Particular Concerning That Sex, Among All Nations, Ancient and Modern*. Bristol: Thoemmes Press, 1995. Об ограниченной роли связей в рамках большой семьи в Северо-Западной Европе по сравнению с другими аграрными обществами см.: Macfarlane A. *The Origins of English Individualism*. New York: Cambridge University Press, 1979. P. 3. Утверждение, что в Европе чем дальше мы продвигаемся на восток и юг от Северо-Западной Европы, тем более широкой является семья, — слишком сильное. Однако оно достаточно точно отражает общие тенденции доминирующих здесь взаимосвязей географического положения и структуры семьи (см.: *Family Forms in Historic Europe* / Wall R., Robin J., Laslett P. (eds.). Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1983. P. 51). О причинах такой эволюции семьи в Европе см. в гл. 10.

²²⁴ Bede's *Ecclesiastical History of the English People*. Oxford: Clarendon Press, 1969; Goody J. *The Development of the Family and Marriage in Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 34–47, 103–156.

²²⁵ Тихоцкая И. С. *Семья в Японии: традиции и современность* // Япония 2000–2001. Ежегодник. М., 2001. С. 70–71, 184.

²²⁶ Райсхауэр пишет: «Китайская семья была обширной, простираясь в каждом направлении вплоть до пятого поколения. В идеале предполагалось, что представители всех поколений совместно проживают в одном большом доме, разделенном внутренними дворами. В принципе это было доступно только богатым. Обычное домохозяйство насчитывало в среднем пять человек и на самом деле представляло собой семью скорее западного типа, а не идеал большой китайской семьи... Отец-патриарх был средоточием власти [в семье] и, по крайней мере теоретически, управлял семейной собственностью и организовывал браки своих детей и внуков» (см.: Reischauer E. O., Fairbank J. K. *China: Tradition & Transformation*. Boston: Houghton Mifflin, 1989. P. 15, 16).

²²⁷ По вопросу о том, насколько на высоких уровнях развития устойчивы механизмы взаимопомощи в рамках широкой семьи, мнения специалистов расходятся (см.: Lal D. *Unintended Consequences: the Impact of Factor Endowments, Culture and Politics on Long-Run Economic Performance*. Cambridge; Massachusetts; London: The MIT Press, 1998; Jones E. *The Record of Global Economic Development*. Cheltenham-Northampton: Edward Elgar, 2002).

Таблица 3.11. Доля Европы, Китая и Индии в мировом населении, %²²⁹

Регион, страна	1820 ¹	1913 ¹	2000 ²	Прогноз на 2050 ²
Европа	16 *	19 *	12	7
Китай	37	24	21	16
Индия	20	17	17	17

Источник: ¹ Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. P.: OECD. 2001. С. 243. ² *World Population Prospects*. UNPD, 2003. <http://esa.un.org/unpp>.

Еще одно направление, на котором традиция широкой семьи определяет специфику институциональной эволюции во многих неевропейских странах, – ее роль в экономической и общественной жизни. Западные эталоны политической и предпринимательской деятельности ориентированы на прозрачность, универсальность и обезличенность отношений. На практике личные и родственные связи играют роль в принятии деловых и кадровых решений, но, как правило, ограничены узким кругом ближайших родственников (дети, родители, братья, сестры) в малодетной семье. Само использование родственных связей – при поступлении на работу, выборе партнера по сделке – принято считать предосудительным, противоречащим этическим стандартам. Во многих неевропейских странах ситуация принципиально иная: здесь взаимопомощь в рамках широкой семьи опирается на историческую традицию, а отказ от семейной поддержки, нежелание поддержать родственника причисляются к нарушениям этики²³⁰. В коррумпированном государстве, не способном защитить собственность и обеспечить выполнение контрактов, связи, основанные на родстве и взаимопомощи в рамках широкой семьи, становятся инструментом, который делает экономическую деятельность возможной и результативной²³¹. У многих воспитанных в западной традиции

²²⁸ Об аномально высокой норме сбережения в Юго-Восточной Азии см.: Bosworth B. P. *Saving and Investment in a Global Economy*. Washington: The Brookings Institution, 1993; Мельянец В. А. «Восточноазиатская модель» экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны. М., 1998. С. 11, 12; Adelman I. *State and Market in Economic Development of Korea and Taiwan*. Berkley, California: University of California at Berkley, 1996. P. 47–50. При этом исследования норм сбережения иммигрантов в Северной Америке не подтверждают устойчивости влияния традиций на норму сбережения в условиях эмиграции (см.: Carroll C. D., Rhee B.-K., Rhee C. *Are There Cultural Effects on Saving? Some Cross-Sectional Evidence* // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. CIX. № 3. 1994. P. 698).

²²⁹ * Показатель указан без учета населения России. С учетом доли России он составит 21,6 и 27,7 % для 1820 и 1913 годов соответственно.

²³⁰ М. Вебер в работе «Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Band 1: Konfuzianismus und Taoismus» справедливо отмечал роль личных, в том числе семейных, отношений в функционировании китайского общества как существенно более важную, чем в Западной Европе (см.: Weber M. *The Religion of China Confucianism and Taoism*. London: Collier – Macmillan, 1964). О проблемах, возникающих при попытках ввести западные нормы поведения в отношении с членами широкой семьи, бороться в исламских странах с тем, что на Западе называют «капитализм по знакомству», см.: Lewis B. *Islam in History: Ideas, Men and Events in the Middle East*. Bradford; London: Alcove Press, 1973. P. 289–293.

²³¹ О роли отношений в широкой семье в развитии предпринимательства в Восточной Азии см.: *Ethnic Business: Chinese capitalism in Southeast Asia* / Jomo K. S., Folk Brian C. (eds.). London; New York: Routledge Curzon, 2003. P. 3, 9, 10, 15–17, 20, 21, 23, 32, 33, 52, 53, 71; Clayton D. W. *Industrialization and Institutional Change in Hong Kong 1842–1960* // Latham A. J. H., Kawakatsu H. (eds.). *Asia Pacific Dynamism: 1550–2000*. London; New York: Routledge, 2000. P. 149–168. «Гуаньси» (дословно – связи, отношения) – система неформальных социальных связей построена обычно по семейному, клановому принципу. Антрополог Э. Кипнис назвал их «отношениями социальной поддержки, укрепляемыми чувством взаимной приязни между участниками» (см.: Kipnis A. B. *Producing Guanxi: Sentiment, Self and Subculture in a North China Village*. Durham: Duke University Press, 1997; Адамс О. *Коррупция в КНР сквозь призму китайской политической культуры*. М.: МГУ, 2001. С. 5, 6). Другое название системы неформальных связей, основанной на взаимных обязательствах, описывает ее важность для китайца: ««бамбуковая сеть» должна быть надежной и одновременно гибкой. Только когда правильно скрепишь отдельные звенья воедино – не слишком сильно, чтобы не сломать бамбук, но не слишком слабо, чтобы не разрушить всю сеть, – она сослужит тебе хорошую службу» (см.: Rose-Ackerman S. *Corruption and Government*. 80

наблюдателей такая система отношений, получившая название “crony capitalism”, вызывает искреннее недоумение²³².

Существуют и специфические факторы адаптации к современному экономическому росту, которые присущи отдельным цивилизациям и поныне определяют развитие многих государств. Очевидный пример – специфика ислама, одной из ведущих мировых религий, возникшей в рамках аграрной цивилизации. Ислам в большей степени, чем любая другая мировая религия, совмещает веру и право, санкционирует и детально регламентирует нормы семейных, общественных и экономических отношений. Из мировых религий ислам в наибольшей степени связан с кочевыми установлениями, в том числе с широким распространением дальней караванной торговли. Ислам – это расписание социального порядка²³³. Он включает набор правил – комплексный, определенный Богом, регулирующий правильную организацию общества. Эта модель существует в письменном виде; она доступна всем грамотным людям и всем тем, кто готов слушать образованных людей.

Некоторые исследователи истории ислама связывают проникновение религиозных норм в регулирование гражданской, экономической и политической жизни с быстрым политическим успехом ислама, отсутствием необходимости длительного существования в условиях наличия власти, не разделяющей религиозные убеждения сторонников учения. У раннего христианства в отличие от ислама не было возможности уйти от тезиса “Богу – Богово, кесарю – кесарево”²³⁴.

Ислам твердо ориентирован на законопослушание. Роль Корана и законов шариата в исламских обществах обуславливает более жесткую, чем в других крупных цивилизациях, регламентацию человеческого поведения²³⁵. Это мировая религия, в наибольшей степени обращенная к житейским проблемам, как индивидуальным, так и социальным²³⁶. В этом и источник многих проблем, с которыми сталкиваются мусульманские страны в попытках адаптироваться к меняющимся условиям современного экономического роста. Жесткая конструкция норм, соответствующих реалиям общества кочевников-торговцев Ближнего Востока середины I тысячелетия н. э., не вписывается в реалии меняющегося мира. Отсутствие высшего авторитета организованной церкви делает особенно сложной адаптацию шариатского законодательства к новым условиям. Книгопечатание получает широкое распространение в мусульманском мире (который давно знал о его существовании в Китае и Европе) лишь в XVIII в. Для его внедрения потребовалось особое постановление богословских авторитетов о том, что книгопечатание не противоречит исламским нормам²³⁷. Действовавший в течение длительного времени в мусульманских странах запрет на использование

Causes, Consequences and Reform. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 12).

²³² Видимо, в силу того что подобные традиции не чужды и России, этот укоренившийся в английском языке термин так и не получил адекватного перевода на русский язык. *Crony capitalism* буквально означает “капитализм по знакомству”, “приятельский капитализм”.

²³³ “Это тотально объединенный стиль жизни, религиозный и светский; это набор верований и способ вести войну; это развернутая и целостная система законодательства; это культура и цивилизация; это экономическая система и способ предпринимательства; это политика и способ организации власти; это особый вид общества и способ руководства семьей; он регулирует наследование и разводы, одежду и этикет, еду и личную гигиену” (см.: Jansen G. H. *Militant Islam*. London: Pan Books, 1981. P. 17).

²³⁴ Gellner E. *Muslim Society*. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1981. P. 2–3.

²³⁵ “Коран – нечто большее, чем просто боговдохновенная книга (как Библия у христиан), это прямая речь Бога – предельно монолитная и однозначная” (см.: Тихонравов Ю. *Опыт комплементарности* // Отечественные записки. 2003. № 5 (14). С. 69).

²³⁶ См.: Малащенко А. *Мусульмане в начале века: надежды и угрозы*. М.: Московский центр Карнеги, Рабочие материалы. 2002. № 7. С. 4.

²³⁷ См.: Бартольд В. В. *Культура мусульманства*. М.: Ленон, 1998. С. 205.

печатного станка, рассматривавшийся как средство борьбы с ересями, сдержал распространение знаний и создание предпосылок к современному экономическому росту²³⁸. До настоящего времени объем переводной литературы на арабский язык остается аномально низким по сравнению со странами аналогичного уровня развития²³⁹.

Еще одна проблема адаптации к реальностям современного мира, характерная уже не для всех исламских стран, а только для арабских стран, – необычно глубокое расхождение письменного и разговорного языка. Это разные языки²⁴⁰.

Законы шариата не содержат идущей от римского права концепции юридического лица. Это осложняет формирование в исламских странах современных корпоративных институтов, лежащих в основе западного капитализма. Мир современного экономического роста динамичен, он радикально отличается от аграрных цивилизаций прошлого и требует от стран, пытающихся адаптироваться к его условиям, институциональной гибкости, способности быстро и радикально менять господствующие установления. В исламских государствах это приводит к постоянно возникающим противоречиям между религиозными догмами и потребностями экономического развития.

Характерная для аграрных цивилизаций неприязнь к ростовщичеству естественна, она основана на социально-экономических реалиях аграрного мира. Но в исламе она доведена до крайности – до прямого запрета кредитовать под проценты. Это мало совместимо с функционированием рынка капитала – важнейшим инструментом развития в условиях современного экономического роста. Исламские страны ищут и находят способы обойти религиозный запрет. Но для этого им приходится создавать необычные и не всегда эффективные финансовые механизмы²⁴¹.

Важнейший аспект общественной жизни, где установления ислама модифицируют траекторию развития в условиях современного экономического роста, – положение женщины. Коран твердо закрепляет господствующее положение мужчины в семье, обычай многоженства²⁴². Все это адекватно реалиям патриархального общества кочевников-торговцев, но трудно сочетать с жизнью в обществе, вступившем в процесс современного экономического роста. В Саудовской Аравии женщина не имеет права водить машину, управлять катером или самолетом, путешествовать без разрешения мужчины, под контролем которого она находится. До 1964 года девочки в Саудовской Аравии не могли посещать школу. Традиция, по которой женщине предписано играть исключительно семейную роль, а ее участие в производстве и общественной жизни ограничено, приводит к тому, что женское образование распространяется медленно. Даже в период экономического роста занятость женщин остается низкой, а число рождений на одну женщину снижается черепашьими темпами (табл. 3.12, 3.13). Сохранение в арабо-мусульманском мире едва ли не самых высоких среднегодовых темпов роста численности населения (в 1980–2001 годах – 2,4 %, в том числе в арабских странах – 2,5–2,6 %) вызвало рекордный рост доли арабских и мусульманских стран в мировом населении – с 12,5 % в 1913 году до 19,6 % в 2001 году²⁴³.

²³⁸ Landes D. *What Room for Accident in History? Explaining Big Changes by Small Events* // The Economic History Review. Vol. 47 (4). November 1994.

²³⁹ См.: Мирский Г. *Цивилизация бедных* // Отечественные записки. 2003. № 5 (14). С. 21.

²⁴⁰ Lewis B. *Islam in History: Ideas, Men and Events in the Middle East*. Bradford, London: Alcove Press, 1973. P. 300, 301.

²⁴¹ Сумма кредитов, выданных банками частному сектору в арабских и мусульманских странах по отношению к ВВП (46–48 % в 2001 г.), ниже, чем в среднем по развивающимся странам (52–54 %), и существенно ниже, чем в новых индустриальных странах Юго-Восточной Азии (120–130 %) (см.: *World Development Indicators*. 1998. P. 256–258; 2003. P. 258–260; Creane S., Goyal R., Mobarak M., Sab R. *Banking on Development* / Finance and Development. 2003. Vol. 40. № 1; Мельянцева В. *Экономика полумесяца* // Вестник Европы. 2004. Т. XII. С. 88–99).

²⁴² «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества» (см.: Коран. Сура 4: Женщины. Стих 38 (34) / Пер. И. Ю. Крачковского. М., 1986. С. 85).

²⁴³ См.: Мельянцева В. *Экономика полумесяца* / Вестник Европы. 2004. Т. XII. С. 89.

Таблица 3.12. Доля неграмотных женщин старше 15 лет в общей численности этой группы населения в странах, где численность мусульманского населения превышает 10 %, %

Страна	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000
Алжир	88,4	82,9	75,5	66,9	58,7	50,5	43,0
Египет	83,2	79,5	75,3	70,9	66,4	61,5	56,2
Иран	77,1	69,7	61,8	54,1	46,0	38,1	31,1
Ирак	87,4	85,7	83,9	82,1	80,3	78,6	76,7
Марокко	91,8	88,4	84,5	80,0	75,0	69,5	63,9
Пакистан	91,1	88,7	86,1	83,2	79,8	76,2	72,1
Саудовская Аравия	83,6	76,2	67,7	58,8	49,8	40,7	33,1

Источник: *World Development Indicators 2003*. The World Bank.

Таблица 3.13. Годовые темпы роста населения и коэффициент фертильности²⁴⁴ в некоторых исламских странах, 1950–2000 годы, %

Страна	Годовые темпы роста населения	Коэффициент фертильности
Алжир	1,8	3,3
Египет	1,8	3,4
Ирак	2,7	5,3
Марокко	1,9	3,4
Саудовская Аравия	3,5	6,2

Источник: *The Arab Human Development Report 2002*. New York: UNDP, 2002.

Многие авторы обращали внимание на более высокую рождаемость в мусульманских семьях Индии по сравнению с основной массой населения страны и связывали ее с влиянием исламских культурных традиций²⁴⁵. Есть и специалисты, отрицающие такую зависимость и доказывающие, что если учесть набор иных факторов, таких как регион проживания, уровень доходов, уровень грамотности, то показатели рождаемости, характерные для мусульманских и немусульманских семей в Индии, оказываются близкими²⁴⁶. Однако данные табл. 3.14, где приведены сведения об уровне рождаемости в Индии, Пакистане при сходных уровнях душевого ВВП, достаточно красноречивы.

Таблица 3.14. Рождаемость в Индии и Пакистане в годы со сходным размером ВВП на душу населения

²⁴⁴ Среднее число детей на одну женщину в возрасте от 15 до 49 лет.

²⁴⁵ Moulasha K., Rao G. R. *Religion-Specific Differentials in Fertility and Family Planning* // *Economic and Political Weekly*. Vol. 34 (42). 1999. P. 3047–3051.

²⁴⁶ Jeffery R., Jeffery P. *Religion and Fertility in India* // *Economic and Political Weekly*. Vol. XXXV. 2000. № 35, 36. P. 3253, 3254.

Страна	Год	ВВП на душу населения ¹ , международные доллары 1990 года	Рождаемость (на 1000 человек) ²	Коэффициент фертильности ¹
Индия	1983	1045	33,7	4,8 (1982)
Пакистан	1976	1013	47,4 (1975)	7,0 (1975)
		ВВП на душу населения, международные доллары 1990 года		
Индия	1992	1348	29,2	3,5
Пакистан	1988	1516	43,8 (1987)	6,2 (1987)

Источник: ¹ Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. P.: OECD, 1995; ² *World Development Indicators 2003*. The World Bank.

Правда, в оценке влияния традиционных установлений на семейное поведение надо быть осторожным – помнить о динамичности и трудной предсказуемости социально-экономических изменений, связанных с современным экономическим ростом. На протяжении последних 20 лет распространение образования среди женщин в мусульманских странах стимулирует снижение рождаемости (табл. 3.15).

Таблица 3.15. Снижение коэффициента рождаемости²⁴⁷ в некоторых мусульманских странах в последней трети XX в.

Страна	1970	1980	1990	2001
Египет	39,8	39,0	31,1	24,6
Саудовская Аравия	47,8	42,7	36,3	32,8
Алжир	48,7	42,4	31,1	22,7
Марокко	46,6	38,1	31,2	21,5

Источник: *World Development Indicators 2003*, World Bank.

Еще в 1970-х годах было принято связывать более высокую рождаемость в странах католической традиции по сравнению с протестантскими странами с влиянием религиозных установлений. Сегодня, когда католические Испания и Италия относятся к числу западноевропейских стран с самыми низкими показателями рождаемости, этот тезис вышел из моды.

Другую группу стран, которые испытывают серьезные трудности при адаптации к современным реалиям, населяют народы, не прошедшие стадии аграрных цивилизаций, столкнувшиеся с вызовами современного экономического роста на уровне присваивающего хозяйства. Сюда же относятся этносы, для которых период аграрных цивилизаций, или протоцивилизаций, был очень коротким²⁴⁸.

²⁴⁷ Число рождений на 1000 жителей.

²⁴⁸ Дж. Даймонд в работе 1997 года показывает, как на протяжении последних двух веков время перехода к оседлому сельскому хозяйству повлияло на специфику национальной траектории развития (см.: Diamond J. *Guns, Germs and Steel: The Fate of Human Societies*. New York: W. W. Norton & Co., 1997). С. Сандерсон обращает внимание на трудности адаптации к условиям индустриального общества тех стран, население которых не прошло стадию аграрных цивилизаций и не вышло к началу современного экономического роста за пределы уровня развития, для которого характерны охота, собирательство и раннее сельское хозяйство (см.: Sanderson S. *Social Transformations: a General Theory of Historical Development*. Oxford-Cambridge: Blackwell, 1995).

Великим аграрным цивилизациям – Китаю и Индии – потребовалось примерно полтора века, чтобы адаптироваться к условиям современного экономического роста, радикально перестроить устойчивую на протяжении столетий систему национальных институтов. Во второй половине XX – начале XXI в. их экономический подъем становится фактором, меняющим всю систему мировой экономики и политики, и, по всей вероятности, останется таковым и в первой половине текущего столетия²⁴⁹.

Сейчас для многих стран Африки к югу от Сахары, которые населены народами, не прошедшими исторического периода аграрных цивилизаций, тоже пришло время адаптироваться к современным реалиям²⁵⁰. Они столкнулись с проблемами политической нестабильности, связанными среди прочего с эгоизмом и коррумпированностью правящих элит. Нередко это закрывает дорогу к ускоренным темпам развития, повышению уровня жизни (табл. 3.16).

Сегодня невозможно сказать, преодолимы ли подобные преграды, сколько времени понадобится, чтобы их устранить. Однако очевидно, что способность развивающейся страны адаптироваться к вызовам современного экономического роста напрямую зависит от длительности периода, в течение которого она жила в условиях аграрной цивилизации.

Еще один ключевой фактор, влияющий на траекторию национального развития в эпоху современного экономического роста, – унаследованная от аграрной стадии структура земельной собственности, степень ее концентрации²⁵¹. Крайне неравномерное распределение земельной собственности в Латинской Америке, отсутствие здесь традиций европейского фермерства стали существенным фактором, ослаблявшим позиции среднего класса, а контраст непомерного богатства и вопиющей бедности приводит к нестабильности латиноамериканских правительств²⁵².

Таблица 3.16. Темпы роста ВВП на душу населения в африканских странах южнее Сахары, в Китае, Индии в 1961–2000 годах, %

²⁴⁹ Многие из тех, кто занимается долгосрочными перспективами экономического развития, считают, что увеличение доли Китая, Индии, Бразилии и России в мировой экономике станет одним из важнейших факторов долгосрочного развития в первой половине XXI в. (см.: Wilson D., Purushothaman R. *Dreaming With BRICs: The Path to 2050* // Global Economics Paper No. 99. October 2003).

²⁵⁰ О необходимости введения специального параметра, связанного с принадлежностью страны к региону Африки к югу от Сахары, для определения причин более медленных темпов экономического роста см.: Grossman G. M. (ed.). *Economic Growth: Theory and Evidence*. Vol. 1. Cheltenham, UK Brookfield, US: An Elgar Reference Collection. 1996. P. 435, 436.

²⁵¹ Anderson E., Anderson P. *Political Institutions and Social Change in Continental Europe in the Nineteenth Century*. Berkley Los Angeles: University of California Press, 1967.

²⁵² О формировании системы концентрированной земельной собственности в Латинской Америке и ее влиянии на проблемы последующего экономического развития, адаптацию к условиям современного экономического роста см.: Engerman S. L., Sokoloff K. L. *Factor Endowments: Institutions and Differential Paths of Growth Among New World Economies: A View from Economic Historians of the United States* // NBER. Working Paper No. H0066, December 1994; а также: Huber E., Safford F. (eds.). *Agrarian Structure and Political Power*. Pittsburgh; London: University of Pittsburgh Press, 1995; Moore B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press, 1996. Возможно, в этом наследии причина того, что подавляющее большинство стран Латинской Америки в отличие, например, от Тайваня и Южной Кореи не смогли провести эффективные земельные реформы. Р. Барро отмечает необходимость учета принадлежности страны к региону Латинской Америки как фактора, негативно влияющего на темпы экономического роста (см.: Barro R. J. *Economic Growth in a Cross Section of Countries* // Quarterly Journal of Economics. CVI (2). May 1991. P. 407–443).

	1961–1970	1971–1980	1981–1990	1991–2000
Камерун	–0,20	–3,61	–0,41	–1,11
Эфиопия	...	...	–1,71	–1,33
Кения	–1,17	–4,09	–0,59	–0,86
Нигер	–0,09	–1,75	–3,22	–1,62
Нигерия	–1,69	–1,74	–1,94	–0,19
ЮАР	–3,77	–1,20	–1,16	–0,23
Судан	–0,76	–0,56	–0,05	–3,32
Китай	–1,49	–4,31	–7,71	–8,94
Индия	–1,50	–0,68	–3,58	–3,57

Источник: Расчеты на основе данных World Development Indicators 2003. The World Bank.

Современный экономический рост вызывает глубокие и взаимосвязанные изменения важнейших характеристик общественной жизни – душевого производства и потребления, занятости, способа расселения, уровня образования, показателей рождаемости и смертности, средней продолжительности жизни, здоровья нации, государственного влияния на экономику, политической системы. Для каждого уровня душевого ВВП характерны определенные средние мировые показатели по каждому из перечисленных параметров. Однако необходимо помнить, что развитие любой страны не линейно и не одномерно. Более развитая страна своим опытом, своим примером демонстрирует менее развитой не будущее последней, а общие направления вероятных перемен. Национальные траектории зависят от множества факторов, которые, впрочем, поддаются и описанию, и анализу (с той или иной степенью точности).

Опыт XX в. показал, что представления о фундаментальной роли экономического развития, развития производительных сил в трансформации общественной жизни по существу верны. Чтобы разумно использовать эти представления на практике, необходимо видеть мир таким, какой он есть, – многомерным.

Раздел II

Аграрные общества и капитализм

Глава 4

Традиционное аграрное общество

На своей работе земледельцы изнашивались так же быстро, как их орудия. Их били и нещадно эксплуатировали хозяева и сборщики налогов, их обкрадывали соседи и грабили мародеры, на них ополчались все враги рода человеческого – такова была доля земледельца... Земледелец являл собой законченный образ несчастного человека.

Монте П.²⁵³ Египет Рамзесов

Если дворец роскошен, то поля покрыты сорняками и хлебохранилища совершенно пусты.

Дао Дэ Цзин²⁵⁴. Древнекитайская философия

Уверяю вас, единственный способ избавиться от драконов – это иметь своего собственного.

Шварц Е.²⁵⁵ Дракон

Радикальные перемены, происшедшие за последние два века, порождают интерес к причинам многовековой устойчивости, неизменности прежней жизни. Почему ее организация, уклад не изменялись тысячелетиями? Почему перемены не возникли раньше? В чем причины их начала именно в Западной Европе?

Современников, свидетелей стартовавшего в Европе экономического роста интересовали и исторические прецеденты – прежние периоды масштабных и взаимосвязанных изменений в экономике и обществе. Но в XIX в. историки были зашорены европоцентризмом – исторический процесс отождествлялся в первую очередь с европейскими событиями, такими как крушение Римской империи. Вот почему Маркс и Энгельс, объясняя наблюдаемые ими исторические события – формирование капиталистической системы производственных отношений, ее влияние на производственный процесс, – ищут аналогии в крахе римских институтов, в формировании специфических установлений раннеевропейского периода, получивших название “феодализм”.

Если взглянуть на историю человечества шире, становится ясно, что при всей значимости краха Западной Римской империи это событие по своему влиянию на взаимосвязанные черты общественной жизни несопоставимо с процессами, которые мы наблюдаем на протяжении двух последних веков. Рим не был центром Вселенной. Большая часть населения мира жила там, куда сведения о великой империи и ее крахе просто не доходили, доходили с большим опозданием либо были доступны лишь узкому кругу. Случившееся в Западной Европе в V в. н. э. не повлияло на жизнь китайской, индийской или иранской деревни.

²⁵³ Монте Пьер – французский египтолог.

²⁵⁴ Дао Дэ Цзин – “Книга пути и благодати”, выдающийся памятник китайской мысли, оказавший большое влияние на китайскую и мировую культуру. Традиционно авторство приписывается Лао-цзы (VI–V век до н. э.), хотя это не бесспорно.

²⁵⁵ Шварц Евгений Львович (1896–1958) – советский писатель, драматург.

Европоцентризм Маркса и Энгельса сыграл с ними злую шутку. Метод целостного изучения истории с упором на взаимосвязанные изменения технологии и институтов (по их определению – производительных сил и производственных отношений) оказался применительно к докапиталистическим структурам общественных отношений некорректным. Уже в то время, когда основоположники писали свои ставшие классическими работы, невозможно было игнорировать непреложный факт: формы организации производства и общества в мире за пределами Западной Европы многие века существенно отличались от специфически европейских, а периодизация “рабовладение – феодализм”, с большой натяжкой применимая для описания западноевропейской истории, никак не соотносится с историческими реалиями Китая, Индии и Японии. Но признание этого факта – вызов самой концепции “железных законов” истории. От “железа” практически ничего не останется, если принять, что историческая эволюция на протяжении длительных периодов допускает возможность существования принципиально разных по своей организации социальных и экономических систем в обществах, которые находятся на сходном уровне развития. Отсюда необычная для Маркса и Энгельса неопределенность в подходе к докапиталистическим формациям.

Азиатский способ производства у них то появляется, то исчезает. Его место в, казалось бы, стройной Марксовой картине исторического развития видится плохо. И это не случайно. Если азиатский способ производства – исторический предшественник рабовладения, то как, оставаясь в рамках представлений о производительных силах, которые определяют структуру производственных отношений, объяснить многовековое сосуществование столь различных формаций – азиатской и присущих более высоким стадиям развития? Если эта альтернативная форма организации способна существовать наряду с западноевропейскими, что остается от целостности всей истории человеческого общества?²⁵⁶

Доступная основоположникам марксизма информация не позволяла им осознать значимость исторического процесса, который по своему влиянию на взаимосвязанные изменения в организации жизни сопоставим с современным экономическим ростом. Речь идет о неолитической революции²⁵⁷.

§ 1. Неолитическая революция

Десять тысячелетий назад люди занимались охотой, рыболовством и собирательством, вели присваивающее хозяйство. Постоянных поселений было мало, для тех времен характерен полукочевой и кочевой образ жизни. Еще не зародились такие элементы цивилизации, как организованное накопление знаний, грамотность. Но именно с этого исторического момента начинаются перемены в организации общественной жизни, в результате которых большая часть человечества переходит к производящему хозяйству – организованному земледелию, одомашниванию скота. Люди оседают на земле, растет население, появляются города. Как особый вид деятельности выделяются ремесла, позднее зарождается письменность, формируется стратифицированное государство. В жизни общества происходят масштабные и взаимосвязанные изменения, обусловленные развитием производительных сил – распространением земледелия и скотоводства. В ходе этих изменений и складываются специфические, устойчивые черты аграрной цивилизации как способа организации жизни на тысячелетия: от перехода к оседлому земледелию до начала индустриализации и современного экономического роста.

²⁵⁶ О влиянии на современную историческую науку представлений об общих закономерностях человеческого развития см.: Васильев Л. С. *История Востока*: В 2 т. Т. 2. М.: Высшая школа, 2003. С. 47.

²⁵⁷ Понятие “неолитическая революция” ввел Г. Чайлд (см.: Childe V. G. *Man Makes Himself*. London: Watts & Co, 1941).

В историко-экономической литературе идет оживленная дискуссия: увеличивался душевой ВВП (и вместе с ним уровень жизни) за тысячелетия аграрного общества или нет? Некоторые исследователи считают, что рост был и можно выделить относительно длительные периоды, когда этот показатель в аграрных обществах увеличивался²⁵⁸. Но даже если их предположения верны, бесспорно, что темпы роста были низкими, несопоставимыми с теми, что наблюдаются последние два века (см. табл. 1.2 в гл. 1).

Основа экономики традиционного общества – земледелие и скотоводство, доминирующее место расселения – деревня, базовая общественная ячейка – крестьянская семья со своим хозяйством. В сельском хозяйстве занято более 85 % населения. На периферии оседлых цивилизаций разбросаны доцивилизационные общества, которые состоят из охотников и собирателей.

В разных странах формы общественной организации на протяжении аграрного периода различаются, иногда существенно, но занятость подавляющего большинства населения в сельском хозяйстве, ограниченное распространение городов, грамотности, демографические характеристики, уровень жизни, преобладание натурального хозяйства – все это черты аграрных цивилизаций.

Неолитическая революция, переход к новым формам организации производства и общественной жизни были временем радикальных, хотя и растянутых на тысячелетия, перемен и масштабных инноваций. Однако стоило основным институтам аграрной цивилизации окончательно сформироваться, как эти инновационные процессы замедлились²⁵⁹. И уже несколько десятилетий исследователи задают себе резонные вопросы: в чем причины этого замедления, почему те формы организации экономики и общества, тот уровень жизни, которые были присущи ранним аграрным цивилизациям, оказались столь устойчивыми, что продержались без существенных перемен длительный, охватывающий десятки поколений период развития человечества? Чтобы найти ответы на эти вопросы, надо понять отличия общества, сложившегося в ходе неолитической революции, как от предшествовавшего ему общества охотников-собирателей, так и от нынешней городской цивилизации.

Общество охотников-собирателей, как показывают антропологические исследования, было эгалитарным²⁶⁰. В то время люди жили группами численностью от 20 до 60 человек. В поисках диких животных и съедобных растений они часто меняли место обитания²⁶¹. Для успешной охоты необходим лидер. Сообщество выбирает его из числа самых опытных и авторитетных своих членов. Сила, ловкость, охотничий опыт – залог престижа и авторитета. Статус лидера, как правило, не наследовался, не передавался из поколения в поколение. Успех на охоте давал дополнительные права на добычу, но они были ограничены нормами обмена дарами²⁶², традициями, которые диктовали правила распределе-

²⁵⁸ Jones E. L. *The Record of Global Economic Development*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2002; Idem. *Growth Recurring: Economic Change in World History*. Oxford: Clarendon Press, 1988. P. 69; Bairoch P. *Cities and Economic Development: From the Dawn of History to the Present*. Chicago: The University of Chicago Press, 1988.

²⁵⁹ О замедлении процесса создания новых технологий после становления цивилизаций см.: McNeill W. H. *The Rise of the West. A History of the Human Community with a Retrospective Essay*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1991. P. 40.

²⁶⁰ О социальной организации охотников-собирателей см., например: Lee R. B., Daly R. *The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

²⁶¹ Степень мобильности и стационарности поселений обществ охотников-собирателей менялась под влиянием динамики окружающей среды: их стоянки во времена массовой охоты на крупных животных (носорогов, овцебыков, мамонтов) были более стационарными. С переходом к охоте на мелкую дичь образ жизни становится мобильным (см.: *История СССР*. Первая серия. Т. I: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1966. С. 34–37).

²⁶² О роли реципрокных отношений в доаграрном и раннеаграрном обществах см.: Thurnwald R. *Banaro Society: Social Organization and Kinship System of a Tribe in the Interior of New Guinea* // American Anthropological Association. Memoirs.

ния добытого²⁶³. При кочевом образе жизни возможности накапливать имущество ограничены²⁶⁴. Определенные имущественные отношения, которые в современных терминах с большой натяжкой можно назвать отношениями собственности (например, закрепление охотничьих угодий за отдельными семьями), все же возникали. Впрочем, некоторые исследователи полагают, что говорить о собственности в данном случае не приходится – просто на семью или группу охотников сообщество возлагало ответственность за участок леса и поручало отслеживать добычу²⁶⁵. Собираательство было главным образом женским занятием, охота – мужским. Охотником становился каждый взрослый мужчина. Охотничьи навыки те же, что и военные, по крайней мере, в доаграрную эпоху. И сражались с неприятелем, как правило, тем же оружием, с которым охотились. Специальное военное снаряжение появилось позже, на более высоких стадиях развития. Племена охотников-собираателей отличались друг от друга: одни – агрессивные, воинственные, другие – миролюбивые, избегающие насилия. Это убедительно демонстрирует антропология. Характерно, что столкновения и межплеменные войны редко вспыхивали по экономическим мотивам. В обществах охотников-собираателей военные походы за добычей распространены мало. Основные причины вооруженных столкновений – кровная месть, похищения женщин, защита и передел территорий, но не присвоение чужой добычи²⁶⁶. Это понятно. Каждый мужчина – воин. Накопленного имущества мало. Племя легко может сменить место обитания, переселиться подальше от назойливых воинственных соседей. Соотношение стимулов к вооруженным столкновениям и их негативных последствий лишает войны и грабеж привлекательности.

Примеры влияния освоения новых знаний и навыков на изменение системы социальных отношений известны и до масштабных изменений, связанных с распространением земледелия и одомашниванием скота. Это изобретение огня²⁶⁷. До него почти нет сохранившихся примеров захоронения людей в возрасте старше 60 лет. Обычай убивать или оставлять умирать стариков широко распространен в раннем палеолите. После изобретения огня, когда его поддержание становится самостоятельной функцией, впервые появляются захоронения стариков²⁶⁸. Еще одно крупное нововведение, существенно изменившее образ жизни человечества в период, предшествующий неолитической революции, – изобретение лука. Он появляется в период верхнего палеолита. Наиболее раннее свидетельство его использования найдено при раскопках поселений периодов палеолита в Старом Свете, на территории

Vol. 3. No. 4. 1916; Idem. *Economics in Primitive Communities*. London: Oxford University Press, 1932; Malinowski B. *Crime and Custom in Savage Society*. Paterson New Jersey: Littlefield, Adams and Co., 1959; Benedict R. *Patterns of Culture*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1959; Mead M. (ed.) *Cooperation and Competition among Primitive Peoples*. New York; London: McGraw-Hill Book Co., 1937.

²⁶³ Охотник, чья стрела первой попала в животное, получает половину шкуры и внутренности и сверх того имеет право любую половину шкуры отдать любому сотоварищу по охоте. Тот, чья стрела была второй, имеет право на пузырь. Мясо разделяется между всеми, принимавшими участие в охоте (см.: Островитянов К. В. *Политическая экономия досоциалистических формаций*: Избр. произв. Т. 1. М.: Наука, 1972. С. 161).

²⁶⁴ “Всеобщая бедность утверждает и всеобщее равенство; превосходство возраста или личных качеств является слабым, но единственным основанием власти и подчинения” (см.: Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Т. 2. М.; Л.: Соцэкиз, 1931. С. 304–305).

²⁶⁵ Herskovits M. J. *Economic Anthropology. A Study in Comparative Economics*. New York: Alfred A. Knopf, 1952. P. 319, 320, 322, 340, 341.

²⁶⁶ См.: Шнирельман В. А. *У истоков войны и мира* // Першиц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А. *Война и мир в ранней истории человечества*. Т.1. М.: РАН, Институт этнологии и антропологии, 1994. С. 99, 100.

²⁶⁷ Дж. Бернал в своей классической работе “Наука в истории человечества” писал: “Почти каждое из ранних механических достижений человека... уже были предвосхищены отдельными видами животных, птиц или даже насекомых. Но одно изобретение – употребление огня... совершенно недостижимо для любого животного. Еще предстоит открыть, каким образом человек пришел к использованию огня и почему он решил обуздать и поддерживать его... Его сохранение и распространение в первую очередь должно было быть устрашающим, опасным и трудным делом, о чем свидетельствуют все мифы и легенды об огне” (см.: Бернал Д. Д. *Наука в истории общества*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. С. 45).

²⁶⁸ Россет Э. *Продолжительность человеческой жизни*. М.: Прогресс, 1981. С. 171–181.

современной Франции, относящихся к перигорской и салютрейской культурам (28–17 тыс. лет до н. э.)²⁶⁹. Но по масштабу взаимосвязанных изменений в социальной структуре, экономике, демографии неолитическая революция является уникальным периодом в истории человечества²⁷⁰.

К. Киполла определяет неолитическую (сельскохозяйственную) революцию как процесс, в результате которого человек пришел к управлению, росту и совершенствованию имевшихся в его распоряжении растительных и животных ресурсов²⁷¹. Дискуссия о том, что проложило ей дорогу, идет давно и вряд ли когда-нибудь завершится. Г. Чайлд, который, как упоминалось, ввел в научный оборот этот термин, связывал неолитическую революцию с окончанием ледникового периода и климатическими изменениями²⁷². Эта гипотеза до сих пор не подтверждена, но и не опровергнута. В экономико-исторической литературе наибольшее распространение получила другая точка зрения: рост населения и его плотности уже не позволял вести присваивающее хозяйство; это объективно подталкивало к инновациям, которые позволяли прокормить на той же территории больше людей²⁷³. Между 100#м и 10#м тысячелетиями до н. э. население планеты росло, но не достигало предела, за которым охотники и собиратели уже не могли обеспечить свое существование. Затем возможности такой организации общества были исчерпаны. Дальнейший рост населения потребовал новых способов хозяйствования, которые могли бы повысить продуктивность использования земли.

§ 2. Переход к оседлости и начало имущественного расслоения общества

Истории перехода к оседлости и формирования аграрных цивилизаций посвящен огромный массив литературы. Детальное обсуждение этих процессов – за пределами нашей

²⁶⁹ Луки и арбалеты / Под ред. Л. И. Рославлева. М.: Майор, 2002. С. 356.

²⁷⁰ Термин “неолитическая революция” не должен вводить в заблуждение. Процесс перехода от присваивающего хозяйства к производящему был длительным, на Переднем Востоке он проходит в течение 2–3 тысячелетий, в Новом Свете – 3–4 тыс. лет (см.: Андрианов В. Б. *Хозяйственно-культурные типы и исторические процессы* // Советская этнография. 1968. № 2. С. 19). “Я использую термин «неолитическая, или сельскохозяйственная, революция» не в связи с темпами, но в связи с революционным характером изменения, которое, вне зависимости от ее темпов, превратило охотников и собирателей в пастухов и фермеров” (см.: Cipolla C. M. *The Economic History of World Population*. New York: Penguin Books, 1978. P. 34).

²⁷¹ Cipolla C. M. *The Economic History of World Population*. P. 44.

²⁷² См., например: Child V. G. *The Dawn of European Civilization*. New York: Knop, 1958. P. 1–13. Эту же точку зрения впоследствии отстаивали и другие авторы (см.: Heizer R. F. *Primitive Man as an Ecologic Factor*. Kroeber Anthropological Society Papers № 13 Berkley Univ. California Press, 1955; Martin P. S., Guilday J. E. *A Bestiary for Pleistocene Biologists* / Pleistocene Extinctions edited by P. S. Martin, H. E. Wright, Jr. New Haven, Conn., Yale University, 1967; Martin P. S. *Prehistoric Overkill* / Pleistocene Extinctions edited by P. S. Martin, H. E. Wright, Jr. New Haven, Conn., Yale University, 1967; Issar A. S. *Climate Changes During the Holocene and Their Impact on Hydrological Systems*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003). В своих работах 1968 года Л. Бинфорд и М. Кoen продемонстрировали близость по времени трех протекавших процессов – исчезновения крупных животных – объекта охоты в эпоху мезолита, появления деревень, освоения навыков, связанных с земледелием и скотоводством (см.: Binford L. *Post Pleistocene Adaptations* / Leane M. (ed.). *New Perspectives in Archeology*. Chicago: Aldine Publishers, 1968. Ch. 21; Cohen M. *The Food Crisis in Prehistory*. New Haven: Yale University Press, 1977). О связи окончания ледникового периода (20–10#е тысячелетие до н. э.) и неолитической революции см.: Mithen S. *After the Ice: A Global Human History, 20,000–5000BC*. London: Wiedenfeld & Nicolson, 2003.

²⁷³ Л. Бинфорд и К. Фланери обращают внимание на рост плотности населения как важнейший фактор перехода к оседлому сельскому хозяйству (см.: Binford L. R. *Post-Pleistocene Adaptations* // Binford S. R., Binford L. R. (eds.). *New Perspective in Archaeology*. Chicago: Aldine Press, 1968; Flannery K. *The Origins and Ecological Effects of Early Domestication in Iran and the Near East* // Veko P. S., Dimbley G. W. (eds.). *The Domestication of Plants and Animals*. Chicago: Aldine Press, 1969). О связи образования стратифицированного государства и перехода к оседлому образу жизни с плотностью населения см.: Carneiro R. L. *Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion* // Cohen R., Service E. R. (eds.). *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues. 1978. P. 205–208; Pryor F. L. *The Adoption of Agriculture: Some Theoretical and Empirical Evidence* // *American Anthropologist*. Vol. 88. № 4. December 1986. P. 879.

темы. Для нас важны те систематические изменения, которые происходят в организации общественной жизни на этом этапе.

Переход к сельскому хозяйству ведет к оседлой жизни не сразу. Первый шаг – подсечно-огневое земледелие – оставляет возможность для миграции сообщества. Однако по мере роста плотности населения таких возможностей становится все меньше. Приходится возделывать одни и те же земельные участки. Это стимулирует оседлость, постоянную жизнь всего сообщества и каждой семьи в деревне, которая остается на одном и том же месте в течение многих поколений²⁷⁴.

Общество охотников-собирателей мобильно. Закрепление охотничьих угодий если и происходит, то не связано с жесткой технологической необходимостью. Обитающие в этих угодьях дикие животные и птицы лишь потенциальная добыча, но не собственность. В оседлом сельском хозяйстве все иначе. Возделывающая землю семья должна до начала пахоты и сева знать границы своего надела, на урожай с которого она может рассчитывать. Отсюда необходимость в определенных отношениях земельной собственности: земля – ключевой производственный фактор аграрной цивилизации. Эта собственность может перераспределяться в пределах общины, закрепляться за большими семьями, наследоваться или не наследоваться, но в любом случае должны существовать закрепленные обычаями земельные отношения, порядок разрешения споров. Это подталкивает аграрное общество к созданию более развитых, чем в предшествующую эпоху, форм общественной организации²⁷⁵. Проблемы, связанные с отношениями земельной собственности, усугубляются с приходом земледелия в долины больших рек. Здесь поселения земледельцев не отделены друг от друга крупными массивами необрабатываемых земель, расположены рядом. Их жители общаются с соседями. Возникают новые отношения, в том числе связанные с координацией совместной деятельности.

Технологии орошаемого земледелия трудоемки. Для мелиорации, орошения и полива полей, организации водопользования необходимо множество рабочих рук, которых в одной деревне может просто не найтись. Но соседям-земледельцам тоже нужна вода, и они объединяют и координируют свои усилия, всем миром внедряя передовые по тем временам сельскохозяйственные технологии. Неудивительно, что развитые цивилизации – не просто оседлые сельскохозяйственные общины, а именно цивилизации, – зарождаются в районах орошаемого земледелия – в Шумере, Египте.

Еще Ш. Монтескье отмечал, что усиление центральной власти связано с орошаемым земледелием. Этой же точки зрения придерживаются многие современные исследователи²⁷⁶. К. Витфогель, рассматривая специфические черты восточной деспотии, свел все к мелиорации и орошению²⁷⁷. Однако основы китайской централизованной бюрократии сформировались еще тогда, когда подавляющая часть населения Китая жила на неорошаемых землях. Лишь многие века спустя центр китайской цивилизации смещается на юг, в районы ороша-

²⁷⁴ Уже на ранних стадиях перехода к земледелию возникает тенденция перехода к оседлости, растет длительность проживания на базовых стоянках (см.: Шнирельман В. А. *Возникновение производящего хозяйства*. М.: Наука, 1989. С. 370).

²⁷⁵ О связи перехода к оседлому земледелию с формированием упорядоченных отношений собственности см.: North D. C. *Economic Growth: What Have We Learned from the Past?* // Brunner K., Meltzer A. H. (eds.). *International Organization, National Policies and Economic Development* // *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*. Vol. 6. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1977. P. 158, 159.

²⁷⁶ «Возле больших рек контроль за средствами пропитания неизбежно переходит к тем, кто контролирует саму реку. Здесь централизованное правительство возникает рано, потому что контролирующей воду контролирует людей» (см.: Landes D. S. *The Wealth and Poverty of Nations. Why Some Are So Rich and Some So Poor*. New York; London: W. W. Norton & Company, 1999. P. 18).

²⁷⁷ См., например: Wittfogel K. A. *Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press, 1957. P. 2, 3.

емого земледелия. Бесспорно, технологии орошаемого земледелия способствовали становлению централизованной бюрократии в аграрных обществах, но не были главной и единственной его причиной.

Авторы некоторых работ, посвященных последствиям неолитической революции, отмечают, что формирование аграрного общества с характерными для него проблемами, связанными с регулированием отношений собственности, в первую очередь собственности на землю, предполагает усиление стратификации, выделение специализированных функций, мало совместимых с регулярным трудом в сельском хозяйстве. Отсюда необходимость в редистрибуции, т. е. мобилизации части ресурсов сельского сообщества на выполнение этих общих функций, на обеспечение круга тех, кто контролирует этот поток ресурсов, его распределение. Затраты на содержание тех, кто осуществляет общее руководство хозяйством – хозяйственное, административное, идеологическое, – так или иначе институционализируются, становятся привычными²⁷⁸.

Для оседлого земледелия важно точно знать время, когда следует приступать к посевной и уборке урожая. Особенно это важно для ближневосточного центра цивилизации, где нет задаваемой муссонным циклом смены сезонов. Отсюда необходимость накопления и систематизации астрономических знаний, подготовки людей, способных выполнять эту функцию. Такая деятельность была связана с религиозными обрядами. Первые привилегированные группы, которые мы обнаруживаем в истории аграрных цивилизаций, – элиты религиозные. Характерная черта многих ранних цивилизаций – расположение храмов в речных долинах.

Первоначально административная иерархия в оседлых сельских сообществах не очень заметна, схожа с установлениями, характерными для эпохи охоты и собирательства. Принято считать вождество первой формой социальной организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией, где существуют имущественное и социальное неравенства, однако нет формального репрессивного аппарата²⁷⁹.

Первые зафиксированные в дошедших до нас источниках случаи, когда ресурсы земледельческих сообществ объединялись для выполнения специфических задач, стоящих перед оседлыми храмовыми хозяйствами, встречаются у шумеров. Они выделяли земли для совместной обработки. Урожай шел на нужды священнослужителей. Примеры протогосударств (вожеств)²⁸⁰, где еще не существует регулярного налогообложения, а общественные функции выполняются за счет даров правителям, не носят фиксированного и регулярного характера, – это Шумер периода Лагаша²⁸¹, Китай периода Шань²⁸², Индия Ведического периода²⁸³.

²⁷⁸ См.: Куббель Л. Е. *Возникновение частной собственности, классов и государства. История первобытного общества. Эпоха классового образования* / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1988. С. 140–146.

²⁷⁹ См.: Service E. *Origins of the State and Civilization*. New York, 1975. P. 15, 16.

²⁸⁰ Характерная черта протогосударства – отсутствие упорядоченной системы налогообложения (см.: Васильев Л. С. *Проблемы генезиса китайского государства*. М.: Наука, 1983. С. 32–49). Некоторые исследователи определяют вождества как стратифицированные политические общности с численностью населения, исчисляемой тысячами человек (см.: Carneiro R. L. *The Chieftdom as Precursor of the State* // Jones G., Kautz R. (eds.). *The Transition to statehood in the New World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 37–79). О дискуссии по вопросу о целесообразности выделения вождества в качестве государственного образования см.: Earle T. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford: Stanford University Press, 1997.

²⁸¹ *Лагаш* – древний город#государство шумеров на юго-востоке нынешнего Ирака. Поселение возникло, по-видимому, на рубеже 5–4 тысячелетий до н. э. Усиление и расцвет в 25–22 вв. до н. э. в период правления 1-й династии Лагаша.

²⁸² *Китай периода Шань* – государство Шан-Инь – первое государственное образование бронзового века в Китае, возникшее в конце 14 в. до н. э. на основе общины в среднем течении реки Хуанхэ в районе г. Аньян. Расцвет к 11 в. до н. э.

²⁸³ *Индия Ведического периода* – Ведическая цивилизация в древней Индии связывается с Ведами – священным текстом индусов и самым древним источником по истории Индии. Западная наука датирует этот период между первой половиной 1 тысячелетия до н. э. и 7–6 вв. до н. э. Некоторые индийские ученые относят его начало к 7 тысячелетию до н. э.

Общественные работы на принадлежащих всему сообществу полях воспринимаются здесь еще не как повинность, а как часть религиозного обряда²⁸⁴. Со временем появляется возможность изымать и перераспределять часть урожая, который превышает минимум, необходимый для пропитания семьи земледельца. А раз так – кто-то попытается специализироваться на изъятии и перераспределении, используя для этого насилие²⁸⁵.

Таким образом, переход к оседлому земледелию вносит в организацию общества важный для последующей истории аспект: изменяется баланс стимулов к применению насилия. Если есть многочисленное невоинственное оседлое население, которое производит значительные по масштабам времени объемы сельскохозяйственной продукции, рано или поздно появится организованная группа, желающая и способная перераспределить часть этих ресурсов в свою пользу – отнять, ограбить, обложить нерегулярной данью или упорядоченным налогом. Это явление неплохо исследовано, и не о нем сейчас речь. Для нас важно, к чему это приводит. Возникает пропасть неравенства между большинством крестьянского населения и привилегированной верхушкой, готовой насильственно присваивать часть произведенной крестьянами продукции. Это важная черта аграрного общества.

Именно во время его становления получают распространение грабительские набеги за добычей²⁸⁶.

В отличие от охоты, где навыки производственной деятельности мужчин близки к военным навыкам, земледелие по своей природе – занятие мирное. Первоначально, как уже говорилось, оно вообще было женским²⁸⁷. На ранних стадиях перехода к земледелию мужчины охотятся. Женщины, традиционно занимавшиеся собирательством, начинают осваивать мотыжное земледелие. Лишь постепенно, по мере роста роли земледелия в производстве продуктов питания, с появлением орудий, требующих больших усилий, в первую очередь плуга, в земледелии возрастает роль мужского труда.

Если для коллективной охоты необходимо организационное взаимодействие, то оседлое земледелие ничего подобного не требует. Оно позволяет значительно увеличить ресурсы питания, получаемые с той же территории. Сезонный характер земледелия вызывает необходимость накапливать запасы пищи. Чем дальше развивается сельское хозяйство, тем больше средств требуется на улучшение земли, ирригацию, хозяйственные постройки, инвентарь, жилища, домашний скот²⁸⁸. У крестьянина есть что отнять. Переселение для него сопряжено с серьезными издержками, ему проще откупиться от воинственного соседа, чем бежать с насиженного места. Применение насилия для присвоения результатов крестьянского труда становится выгодным, а потому получает широкое распространение²⁸⁹.

²⁸⁴ Об общественных работах как обряде в раннем Китае см.: Васильев Л. С. *Древний Китай*. Т. 1: Предыстория, Шань-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 183–186.

²⁸⁵ С. Сандерсон определяет *государство* как форму социально-политической организации, которая устанавливает монополию на средства принуждения в пределах определенной территории (см.: Sanderson S. K. *Social Transformations: a General Theory of Historical Development*. Oxford Cambridge: Blackwell, 1995. P. 56).

²⁸⁶ У. Ньюком обращает внимание на то, что масштабные войны были следствием перехода от присваивающего хозяйства к производящему. Именно на этом этапе война становится способом приобретения экономических выгод (см.: Newcomb W. W. *Toward an Understanding of War* // Dole G. E., Carneiro R. L. (eds.). *Essays in the Science of Culture*. In Honor of L. A. White. New York: Thomas Y. Cromwell Company, 1960. P. 329).

²⁸⁷ “Если топор, одно из важнейших орудий подсечного земледелия, – обычная принадлежность мужских погребений, то столь же обычной принадлежностью женских погребений являющиеся мотыга и серп” (см.: *История первобытного общества*. Ч. 2 / Под ред. В. И. Равдоникас. Л.: Изд-во ЛГУ, 1947. С. 79).

²⁸⁸ “Земледелие даже на самой низкой ступени развития предполагает поселение, некоторый род постоянного обиталища, которое не может быть оставлено без большой потери” (см.: Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Т. 2. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. С. 287).

²⁸⁹ “Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный

С этого начинается переход от характерных для ранних цивилизаций храмовых хозяйств в речных долинах к царствам и деспотиям. Механизмы этого перехода – завоевание либо противодействие завоевателям. Любая жесткая схема, применяемая для описания процесса социально-экономической эволюции, плохо совместима с реалиями исторического процесса. По Ф. Энгельсу, возникновению государства непременно предшествует расслоение общества²⁹⁰. По К. Каутскому, сначала в войнах и завоеваниях возникает государство и лишь потом начинается общественное расслоение²⁹¹. В реальности эти процессы переплетаются. Развивается аграрное производство, оседает на земле и концентрируется земледельческое население, возникает необходимость регулировать права собственности на землю, организовывать общественные работы, создаются предпосылки присвоения и перераспределения прибавочного продукта, складываются группы, специализирующиеся на насилии, и привилегированные, не занятые в сельском хозяйстве элиты, образуются государства. Все это происходит отнюдь не поочередно, в какой-то заданной последовательности, а одновременно, параллельно²⁹². Специализация на насилии, связанное с ней право иметь оружие – обычно прерогатива элит²⁹³.

В аграрных цивилизациях нередко практиковалась конфискация оружия у крестьян²⁹⁴.

Насилие и его формы, перераспределение материальных ресурсов – предмет специальных исторических исследований. Иногда сформировавшиеся протогосударственные структуры раннеаграрного периода вступают в стычки с соседями. Это приносит им военную добычу, рабов, дань. Случается, что вступающее в конфликт с соседями агрессивное протогосударство порождает эффект снежного кома: у других сообществ остается единственный выбор – подчиниться и платить дань или стать столь же сильными и агрессивными. Нередко в роли племен, специализирующихся на организованном насилии, выступают скотоводы-кочевники²⁹⁵. В отличие от оседлых земледельцев у них производственные и военные навыки практически неразделимы, поэтому кочевое племя может выставить больше подготовленных, привыкших к совместным боевым действиям воинов, чем (при том же количестве) племя земледельцев. Набеги кочевников стали едва ли не важнейшим элементом в формировании аграрных государств²⁹⁶.

труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом” (см.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-й изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 164).

²⁹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 21. С. 119.

²⁹¹ См.: Каутский К. *О материалистическом понимании истории*. Иваново-Вознесенск: Основа, 1923. С. 42.

²⁹² О путях образования стратифицированного государства в аграрных обществах см.: Douglas P., Feinman G. *Foundations of Social Inequality*. New York: Plenum Press, 1995; Johnson A., Earle T. *The Evolution of Human Societies*. Stanford: Stanford University Press, 1987.

²⁹³ Е. Гелнер отмечает, что для населения всех оседлых аграрных цивилизаций характерно расслоение – на тех, кто сражается, тех, кто молится, и тех, кто работает (см.: Gelner E. P. *Book and Sword: The Structure of Human History*. London: Collins Harvill, 1988. P. 277). Дж. Хикс пишет: “Почему, спрашивается, невозможна самозащита на основе кооперации самих крестьян? Иногда возможна, но обычно неэффективна, потому что и здесь, как это часто бывает, преимущество дает разделение труда. Хотя бы зачатки постоянной армии в виде наемников делают оборону наиболее эффективной” (см.: Hicks J. A. *Theory of Economic History*. London etc.: Oxford University Press, 1969. P. 102). О попытках объединить функции крестьянина и воина в Китае времени династии Суй и в Византии периода Ираклейской династии см.: Elvin M. *The Pattern of the Chinese Past*. Stanford, California: Stanford University Press, 1973. P. 54.

²⁹⁴ Об изъятии оружия см.: *История древнего мира* / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Т. 2: Расцвет древних обществ. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 501.

²⁹⁵ В. Алексин связывает начало войн именно со скотоводческим хозяйством, поскольку у ранних земледельцев насилие встречалось крайне редко (см.: Алексин В. А. *Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ*. Л.: Наука, 1986. С. 172).

²⁹⁶ О роли пастушеских племен в формировании иерархии аграрных обществ см.: Thurnwald R. *L' économie primitive*.

Показателен пример варваров, обитавших вблизи центров аграрных цивилизаций. Они могли заимствовать технические новшества, прежде всего в области военного дела, у более развитых соседей; у них были стимулы к завоеваниям (богатства тех же соседей) и преимущества старого, нецивилизационного устройства жизни, где каждый мужчина – воин. Речь идет о первой цивилизации, известной нам из достоверных исторических источников, – шумерской. В отличие от Египта Месопотамия не имела естественных, легкообороняемых границ, была открыта для набегов. Расцвет городов Междуречья создавал варварам стимулы к насильственному отъему богатств, грабежам. В то же время весь социальный порядок шумерских поселений формировался духовенством, а не ориентированными на насилие структурами государства. Это препятствовало полноценной обороне от варварских набегов.

Возникшее в Междуречье царство как организационная форма отличалось от складывающегося эволюционным путем земледельческого общества, которым управляло духовенство. Это связано и с влиянием соседствующих пастухов-семитов, и с семитским завоеванием оседлых шумеров. Основатель Аккадской империи Саргон²⁹⁷ – один из известных нам по письменным источникам создатель древнего государства, который воспользовался удачным географическим расположением земель и этнокультурными особенностями их жителей и соседей²⁹⁸.

Завоеватели, установив контроль над оседлыми земледельцами, становились новой элитой, спланировали вокруг власти, способствовали ее усилению. Будучи для местных чужаками, они облагали население высокими налогами²⁹⁹. Без чужеземной элиты формирование государства шло медленнее: в складывающихся социальных структурах долго сохраняются элементы племенного родства, власти в своих действиях ограничены представлениями о правах и свободах соплеменников.

§ 3. Становление аграрных государств

Итак, аграрные государства, как правило, формировались благодаря завоеванию оседлых земледельцев воинственными пришельцами, представителями чужих этносов. Недавно имя народа-завоевателя, будь то персы или лангобарды, нередко автоматически переносилось на всех привилегированных людей, освобожденных от уплаты налогов, например на воинов, к какому бы этносу они ни принадлежали. Впрочем, история знает и исключения. Япония – характерный пример государства, сформированного без завоевания чужими этносами. По крайней мере, следов такого завоевания историки не обнаружили.

В тех случаях, когда государство с оседлым населением завоевывают воинственные пастушьи племена, перемены испытывают и завоеватели. Покончив с кочевой жизнью, они становятся привилегированной элитой и живут за счет изымаемого у крестьян прибавочного сельскохозяйственного продукта либо сами превращаются в оседлых земледельцев, рано или поздно утрачивают связанные с происхождением и воинской службой привилегии

Р.: Payot, 1937. Р. 123, 124.

²⁹⁷ Аккадская империя – древнее государство, существовавшее в 24–22 вв. до н. э. на территории нынешнего Ирака со столицей в г. Аккаде и ставшее предшественником более поздних империй Вавилонии и Ассирии. Саргон правил ориентировочно в период 2316–2261 гг. до н. э.

²⁹⁸ История формирования централизованного государства в Египте известна нам по источникам гораздо хуже, чем история формирования подобного государства в Междуречье. И все же имеющиеся данные позволяют предположить, что этот процесс был связан с завоеванием страны кочевниками, пришедшими с юга (см.: McNeill W. H. *The Rise of the West. A History of the Human Community with a Retrospective Essay*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1991. Р. 32).

²⁹⁹ Пример налоговой политики, проводимой иноэтнической элитой на завоеванных территориях, – дань, которой облагали покоренные народы монголы.

и наравне с остальным населением платят подати в пользу привилегированных сословий³⁰⁰. Как бы ни формировалась система насильственного изъятия сельскохозяйственных ресурсов у аграрного населения, ее существование в аграрных обществах было повсеместным. Представление о платящих налоги как о зависимых, несвободных людях – характерная черта аграрных государств. Даже в Индии с ее кастовой системой, закреплявшей этническую разнородность общества после завоевания страны индоариями, происходит постепенное сближение статуса вайшьев (обязанных платить налоги ариев) и шудров (неприкасаемых, находящихся вне общества ариев). В Индии в I тысячелетии н. э. запрет тем, кто не принадлежал к касте воинов, иметь оружие был широко распространенной практикой.

Еще одна характерная черта периода становления стратифицированных аграрных государств – борьба царей за выгодный им порядок престолонаследия с представляющими этнос завоевателей народными собраниями. История Мидии, новохеттского царства³⁰¹, – иллюстрация этого процесса. Распространена ситуация, когда лидер протогосударства-завоевателя остается для своих соплеменников признанным вождем, но с ограниченными полномочиями, как это было с энси³⁰² в Шумере, а для завоеванных становится всемогущим повелителем.

Когда рядом расположено государство со специализированным аппаратом насилия и организованной регулярной армией, соседи вынуждены либо организовать свое общество подобным же образом, либо стать подданными, данниками. Цивилизованные аграрные империи своим примером давали образцы соседям. В истории Израиля очевидно влияние опыта Египта и других ближневосточных государств на формирование государственности, централизованной власти и налоговой системы. Об этом красноречиво свидетельствует Библия³⁰³.

Характерный пример того, как эволюционировала социальная иерархия в аграрных обществах, – постепенное стирание различий между свободными общинниками и неполноправным, платящим налоги населением (“держатели царских земель”) в Среднем Вавилонском царстве. Подавляющая часть населения начинает платить налоги. Привилегированная элита налоги не платит и получает земельные наделы за несение воинской службы.

Формирование стратифицированного общества – от появления первых оседлых земледельческих поселений на Ближнем Востоке до создания развитых государств с упорядоченной налоговой системой – растягивается на тысячелетия. Начавшись, этот процесс распространяется с исторической неизбежностью, охватывая все новые и новые регионы.

С. Сандерсон так определяет аграрные государства: “Независимо от межстрановых различий аграрным государствам присущи по крайней мере пять фундаментальных характеристик. Во-первых, для них характерно деление на классы: небольшая группа знатных лиц, владеющих или по крайней мере контролирующими земельные наделы, и мно-

³⁰⁰ В Хеттском царстве люди делятся на свободных – тех, кто не платит налоги, но несет воинскую службу, и несвободных – платящих налоги. В классических аграрных цивилизациях обязанность платить прямые налоги и неравноправный статус несвободного, как правило, взаимосвязаны. В хеттских памятниках “свободный” – это свободный от государственных повинностей в пользу царя и храмов. В Ассирии понятие “свободный” также предполагает освобождение от налогов и повинностей (см.: *История Востока. Восток в древности*. Т. 1 / Под ред. Р. Б. Рыбакова. М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1997. С. 123, 124, 242). В древнеегипетском языке понятия “труд” и “налоги” – синонимы (см.: Webber C., Wildavsky A. *A History of Taxation and Expenditure in the Western World*. New York: Simon and Schuster, 1986. P. 68).

³⁰¹ Хеттское государство существовало на территории Малой Азии (Анатолии, в основном, нынешней Турции). Его историю принято делить на древнее (1650–1500 гг. до н. э.), среднее (1500–1400 гг. до н. э.) и новое (1400–1200 до н. э.) царства. При новом царстве завоевания обеспечили наибольшие масштабы государства.

³⁰² Энси – правитель в Шумере.

³⁰³ “И мы будем, как прочие народы: будет судить царь наш, и ходить перед нами, и вести войны наши” (см.: *Библия. Ветхий Завет. Первая книга Царств*. Гл. 8. Ст. 20; “От мелкого скота вашего возьмет десятую часть; и сами вы будете ему рабами”; см. там же. С. 17).

гочисленное крестьянство. Последние под угрозой насилия вынуждены платить знати дань в форме ренты, налогообложения, трудовых услуг или некоего сочетания вышесказанного к экономической выгоде последних. Эти взаимоотношения – пример чистой эксплуатации, подкрепленной военной силой. Во-вторых, отношения между знатью и крестьянством – основная экономическая ось общества... В-третьих, несмотря на разделение на классы знати и крестьян, между ними не существовало открытой классовой борьбы... В-четвертых, силой, цементирующей аграрные общества, выступает не какой-либо идеологический консенсус или общие представления о мире, а военная сила... Аграрные общества – это буквально всегда высоко милитаризованные общества, и подобная милитаризация неотъемлема от целей и стремлений доминирующих групп. Военная мощь подчинена двойной цели – внутренние репрессии и внешние завоевания. Наконец, в период между 3000 годом до н. э. и примерно 1500 годом н. э. аграрные государства оставались относительно статичными обществами. Ключевое слово здесь “относительно”, а мерилom для сравнения служит период социальной эволюции в течение нескольких тысячелетий до 3000 года до н. э. и современный период, начавшийся примерно в 1500 году н. э.”³⁰⁴.

К тому времени, когда европейские исследователи начали изучать организацию земельных отношений в восточных аграрных государствах, в Европе укоренилось унаследованное от античности представление о частной собственности на землю. В этом причина путаницы во взглядах на земельную собственность в иных по типу организации обществах. Исследователи часто смешивают номинальную собственность верховного правителя на землю, которая гарантирует ему право взимать земельные налоги и в определенных случаях перераспределять наделы; собственность правящей элиты, дававшую право присваивать часть налогов с принадлежащих ей земельных угодий; права крестьян жить и кормиться на земле. И права элиты, и права крестьян в зависимости от ситуации могли быть предметом купли-продажи, которую государство санкционировало или просто не замечало³⁰⁵.

§ 4. Эволюция неупорядоченного изъятия ресурсов в налоговые системы

Для функционирования аграрного общества важно, как группы, специализирующиеся на насилии, организуют и осуществляют изъятие ресурсов крестьянского населения. Самая тяжелая ситуация складывается, когда территория, на которой происходят поборы, не закреплена за определенной структурой. В этом случае у тех, кто может обирать крестьян, нет стимула что-то оставить им для выживания.

И отбирают все. Когда крах организованного государства открывает путь подобному стихийному насилию, происходит массовое разорение и уничтожение крестьянства, подрывается и рушится налоговая база. Неопределенность права изымать то, что Маркс называл прибавочным продуктом, подрывает государственность; в мире аграрных цивилизаций такие режимы скорее исключение, чем правило.

³⁰⁴ Sanderson S. K. *Social Transformations: a General Theory of Historical Development*. Oxford Cambridge: Blackwell, 1995. P. 96.

³⁰⁵ О неразрывной связи крестьянских прав на землю, их повинностей, обязанностей перед правящей элитой, о совмещении в условиях аграрного общества прав на землю и обязанностей по уплате налогов, связанных с этой землей, говорится в первых дошедших до нас развернутых сводах законов аграрного общества – Законах Хаммурапи: “Если редум или баирум из-за бремени своей повинности бросит свое поле, сад и дом и будет отсутствовать и после него другой возьмет его поле, сад и дом и будет нести его повинность в течение трех лет, то, если он вернется и потребует свое поле, сад и дом, не должно отдавать их ему. Тот, кто взял их и нес его повинность, сам будет нести ее. Если же он будет отсутствовать только один год и вернется, то должно отдать ему его поле, сад и дом, и он сам будет нести свою повинность” (см.: Дьяконов И. М. *Законы Хаммурапи, царя Вавилона* // Вестник древней истории. 1952. № 3 (40). С. 231).

В стабильных аграрных обществах действует порядок, который М. Олсон называл “системой стационарного бандитизма”: четко определено, кто имеет право и возможность выжать из крестьянского населения максимум ресурсов, сохраняя при этом возможность для последующих изъятий³⁰⁶. По М. Олсону, это “вторая невидимая рука” – режим, способный для спасения экономики потеснить неупорядоченный бандитизм.

Если отбросить детали, характерные для аграрных цивилизаций, системы регулярного изъятия прибавочного продукта у крестьянских хозяйств можно подразделить на две группы. Первая в силу европоцентризма исторической науки получила название “феодализм”³⁰⁷, вторая – “централизованная империя”.

Появление тяжеловооруженной конницы, потребовавшей значительных расходов на вооружение и содержание рыцарей, а также децентрализация насилия, связанная в первую очередь с норманнскими набегами в Европе, положили основу формированию здесь классической системы характерных для аграрного общества феодальных отношений³⁰⁸. Однако феодализм вовсе не европейское изобретение. Подобного рода структуры в аграрных обществах регулярно возникают при ослаблении центральной власти, ее неэффективности. Примеры институтов, которые формируют сходные с европейскими своды этических норм, мы находим в Китае эпохи троецарствия³⁰⁹, в Японии во времена правления клана Фудзивара³¹⁰, во многих других аграрных цивилизациях.

Как справедливо отмечал Дж. Хикс, отношения “лорд – слуга” – важнейший элемент всей структуры аграрных цивилизаций³¹¹. Преимущество этой системы в ее простоте, не требующей сложной организации и администрирования, превосходящих возможности аграрных обществ. Крестьяне и господа живут рядом. При угрозе нападения замок господина – место, где крестьяне могут укрыться. Укоренившиеся на протяжении поколений связи воспринимаются как естественное положение вещей, приобретают силу традиции, становятся легитимными.

В отношениях “господин – слуга” всегда есть элемент сделки и торга. В условиях хаоса и норманнских набегов VIII–X вв. крестьянину нужен лорд-защитник с его замком. Но в эти отношения заложено заведомое неравенство. Господин при желании может отнять у крестьянина все, что посчитает нужным. Когда торговая составляющая в сделке сюзерена и вассала оказывается недостаточной для сохранения норм присвоения прибавочного продукта,

³⁰⁶ Olson M. *Power and Prosperity: Outgrowing Communism and Capitalist Dictatorships*. New York: Basic books, 2000. P. 12, 13.

³⁰⁷ Термин “феодализм” появился сравнительно поздно. Современникам Вильгельма Завоевателя он не сказал бы ничего. Это изобретение мыслителей XVIII в., пытавшихся осмыслить социально-политическую структуру, сложившуюся в Европе в первые века после краха Римской империи (см.: Coulborn R. (ed.). *Feudalism in History*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1956. P. 3–7). Ф. Бродель пишет: “Могу ли я сразу же и до того, как двигаться далее, сказать, что я испытываю к столь часто употребляемому слову *феодализм* такую же аллергию, какую испытывали Марк Блок и Люсьен Февр? Этот неологизм, ведущий свое происхождение из вульгарной латыни (*feodum* – фео́д), для них, как и для меня, относится лишь к ленному владению и к тому, что от него зависит, – и ничего более. Помещать все общество Европы с XI по XV в. под этой вокабулой не более логично, чем обозначать словом *капитализм* всю совокупность этого же общества между XVI и XX вв. Но оставим этот спор. Согласимся даже, что так называемое феодальное общество – еще одна расхожая формула – могло бы обозначать большой этап социальной истории Европы” (см.: Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.* Т. 2: Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. С. 466).

³⁰⁸ Ф. Энгельс, экстраполировавший в глубину истории европейские реалии XVII–XVIII вв., писал, что отделение крестьян от земли должно было стать предпосылкой феодализации. На деле события развивались иначе. После периода переселения народов быстро выясняется, что осевшим на землю переселенцам не удастся сохранить одновременно функции крестьянина и воина. Начинается массовый переход под покровительство феодала, обмен собственными правами и привилегиями на предоставляемую господином защиту.

³⁰⁹ Эпоха троецарствия в Китае продолжалась с 220 по 280 г. (после правления династии Хань) и вошла в историю как период междоусобиц и борьбы между тремя государствами Китая Вэй, У и Шу. В 280 г. новой династии Цзинь (265–420) удалось объединить на некоторое время весь Китай.

³¹⁰ Фудзивара – могущественный придворный клан регентов в Японии в период Хейан (794–1185).

³¹¹ Hicks J. *A Theory of Economic History*. London; Oxford; New-York: Oxford University Press, 1969. P. 101, 102.

вступает в действие другой сценарий – прямое насилие и закрепощение крестьянина, как это происходило в Восточной Европе начиная с XV в.

Подобная организация насилия порождает в аграрном обществе две главные проблемы. Первая из них – децентрализация власти. По соседству с поместьем одного барона расположены владения другого. Кто-то из них сильнее. У сильного есть стимул прогнать “стационарного бандита” послабее, захватить подконтрольное ему имущество, подчинить себе крестьян, которые раньше были обязаны платить соседу. При слабости центральной власти, характерной для феодальной организации аграрного общества, естественный результат такого способа присвоения прибавочного продукта – череда набегов, грабежей, междоусобных войн и те же риски, что характерны для ситуации “мобильного бандитизма”: падение численности населения, бегство с земли, переход крестьян к бродяжничеству, разбою и грабежу, дезорганизация общества, снижение возможностей для мобилизации прибавочного продукта³¹².

Другая проблема – слабость самого государства, института, который обеспечивает возможность применять координированное насилие по отношению к другим сообществам. Феодал в своем замке может отразить нападение шайки грабителей или соседнего барона. С иноплеменным войском, готовым вырезать местную элиту и занять ее место, он не справится. Отсутствие у феодальной власти эффективно действующего налогового аппарата и, как следствие, ограниченность ее финансовых ресурсов – причины ее внешней слабости по отношению к окружающему миру. Феодальная армия – это рыхлая коалиция войск, наскоро сколоченных феодалами разного уровня, а не слаженный, управляемый единой волей воинский организм. Вот почему сохраняется риск быть завоеванным извне, что неминуемо повлечет за собой опустошение деревни, массовые грабежи, разорение.

На выбор между централизованным или децентрализованным управлением аграрным государством влияет характер доминирующей военной угрозы. Там, где на первом месте стоит угроза децентрализованного внешнего насилия, например набеги морских разбойников на Западную Европу VIII–X вв., больше стимулов к организации децентрализованной защиты; опасность массированных вторжений степных кочевников, нависшая над Китаем, требует создания централизованного государства.

Альтернатива феодальному способу изъятия прибавочного продукта в условиях аграрных обществ – централизованная империя³¹³. Функции сбора государственных доходов и военные функции, централизованное финансирование государственных потребностей, в первую очередь армии, в ней разделены³¹⁴. Феодальные отношения “господин – слуга” здесь отходят на второй план. Существует единая централизованная бюрократия, забирающая у крестьян прибавочный продукт. Большая часть его идет на содержание армии, остальное – на гражданскую бюрократию и двор, иногда – на организацию помощи крестьянам в случае голода³¹⁵.

³¹² Р. Грабовски полемизирует с Д. Нортон, доказывавшим экономическую эффективность системы отношений “лорд – слуга” в условиях средневековой Европы. Он убедительно показывает, какие преграды создают такие отношения для повышения эффективности сельского хозяйства (см.: Grabowski R. *Economic Development and Feudalism* // The Journal of Developing Areas. Vol. 25. № 2. January 1991. P. 179–196).

³¹³ Империя Хаммурапи – первый дошедший до нас в документированных источниках пример хорошо организованной централизованной бюрократии, позволяющей мобилизовывать ресурсы для снабжения армии. История дает примеры совмещения двух моделей – централизованной империи и феодальной организации. Например, в Китае Ханьской династии центральные районы находятся под управлением имперской бюрократии. В отдаленных районах, которые трудно контролировать, действуют феодальные структуры.

³¹⁴ Дарий, реструктурировавший систему управления Персидской империей, не только вводит упорядоченную централизованную систему налогообложения, но и отделяет гражданскую службу (сатрапов) от военной организации.

³¹⁵ По древнеиндийскому трактату о государственном управлении половину доходов следует тратить на армию, по одной двенадцатой – на дары, оплату чиновников низших рангов и оплату чиновников высших рангов, одну двадцатую – на личные расходы монарха, шестую часть направлять в резерв, расходующийся при чрезвычайных обстоятельствах (см.: 100

Иногда в централизованных аграрных империях армия формируется на основе всеобщей воинской повинности. Классический пример – организация военного дела в Китае во времена Ханьской и Танской³¹⁶ династий. Но это скорее исключение, чем правило. Для овладения воинскими навыками требуется время, совмещать земледельческий труд и службу в армии трудно. Подобная система малоэффективна. Поэтому, как правило, организация насилия строится на основе профессиональной армии, отделенной от крестьянского труда.

Чтобы налоговая служба была хорошо организована, необходима достоверная информация об уплаченных налогах и налогоплательщиках. Это невозможно без письменности. В иерархически организованных государствах с развитой налоговой системой быстро распространяется грамотность, в первую очередь среди государственных служащих.

Для длительного и эффективного функционирования централизованной империи требуется налаженный бюрократический аппарат с четко организованными процедурами рекрутирования чиновников, их продвижения по службе, контроля за ними. На этом основывалась многовековая устойчивость китайской аграрной цивилизации – и это при всех перипетиях, связанных с династическими циклами и агрессией извне³¹⁷. В Японии, где, как отмечалось выше, с VII в. китайская модель управления была образцом для подражания, именно слабость централизованной бюрократии порождала тенденции к феодализации.

У налоговых систем аграрных государств много общих черт. Отличия определяются уровнем развития, технологическими возможностями. В XVI в. испанские завоеватели обнаружили в Мексике налоговую систему, предполагающую использование принудительного труда, схожую с существовавшей в Китае времен империи Хань.

Хранящийся в Берлине иероглифический папирус эпохи Второй династии свидетельствует, что каждый египетский крестьянин должен был указать свое место жительства, общину, к которой он приписан и где он может быть в случае надобности привлечен к исполнению государственных натуральных повинностей. В противном случае его имущество и семья попадают в руки фараона, который может распоряжаться ими, как и им самим, по своему усмотрению³¹⁸.

Для налогообложения в аграрных цивилизациях характерно сочетание в различных пропорциях подушевого и поземельного налогов. Такие налоговые системы диктуют необходимость регулярно проводить перепись налогоплательщиков³¹⁹, требуют круговой поруки – солидарной ответственности сельского сообщества за уплату налогов. Налоговой администрации централизованных империй аграрного периода трудно дойти до крестьянского двора. Удобнее иметь дело с сообществами, объединенными общей ответственностью

Webber C., Wildavsky A. *A History of Taxation and Expenditure in the Western World*. New York: Simon and Schuster, 1986. P. 80).

³¹⁶ Танская династия (618–907) – императорская династия, эпоха которой считается периодом наивысшего расцвета и могущества Китая, опережавшего в развитии все страны мира.

³¹⁷ По мнению блестящего знатока истории Востока Н. Конрада: “Нелепо предполагать, что Конфуция в древности прельщала родовой строй. Его прельщала та предполагаемая устойчивость, стабильность всех общественных отношений, обеспеченная непрерываемой по своей внутренней правоте и истине, по своему авторитету для всего населения властью государя. Коротко говоря, Конфуций мечтал не о родовом строе, а о централизованном государстве с твердой верховной властью. Объективно его обращение к древности имело именно этот смысл. Идеал для Конфуция воплощался в облике мудрого монарха, твердо ведущего народ по пути мира и благополучия. Конфуций затратил немало усилий, чтобы такой облик создать” (см.: Конрад Н. И. *Избр. труды. История*. М., 1974. С. 65).

³¹⁸ Вебер М. *Аграрная история Древнего мира*. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1923. С. 94.

³¹⁹ “И сказал царь Иоаву, военачальнику, который был при нем: пройди по всем коленам Израилевым от Дана до Вирсавии, и исчислите народ, чтобы мне знать число народа. И сказал Иоав царю: Господь, Бог твой, да умножит столько народа, сколько есть, и еще во сто раз столько, а очи господина моего царя да увидят *это*; но для чего господин мой царь желает этого дела? Но слово царя Иоаву и военачальникам превозмогло; и пошел Иоав с военачальниками от царя, считать народ Израильский” (см.: *Библия. Ветхий Завет. Вторая книга Царств*. Гл. 24. Ст. 2–4).

за уплату налогов³²⁰. По дошедшим до нас источникам в Китае такая система впервые возникает во времена Шан Яна³²¹. Вероятно, именно ее эффективность обусловила победу государства Лу³²² в борьбе за гегемонию в Китае. Впоследствии основанная на круговой поруке система получает широкое распространение и в других аграрных цивилизациях.

В Египте, Междуречье, Китае, Японии, Индии переписи населения, земельной собственности, продуктивности вели чиновники. Цензы и кадастры позволяли устанавливать налоговые обязательства для сельского поселения. Связь изобретения письменности в Междуречье с организацией упорядоченного налогообложения хорошо известна историкам.

В условиях аграрных обществ обязательства по прямым налогам, как правило, не могут быть четко фиксированными. Само право представителей центральной администрации или феодального господина определять размеры крестьянских обязательств – фактор неопределенности в положении земледельца, его зависимости от произвола. А. Смит отмечает, что не только сами размеры налога, но и то, как он взимается, насколько плательщик оказывается во власти налоговой администрации, делают прямое налогообложение препятствием эффективной организации экономики³²³. Централизованная бюрократия позволяет избавиться от проблем, порождаемых междоусобными войнами, содержать постоянное войско, способное защитить страну от внешней угрозы. Отсюда характерные для периода аграрных цивилизаций представления о благотворности единого централизованного государства, об угрозах, связанных с феодализацией и междоусобицами. Именно централизованную империю принято считать идеальной моделью государственного устройства для аграрных обществ.

На протяжении двух тысячелетий, предшествовавших началу современного экономического роста, Китай по численности населения, объему экономической деятельности либо занимал место лидера, либо входил в число двух-трех ведущих по этим показателям мировых держав. Еще в XVIII в. многие европейские мыслители рассматривали его как образец для подражания в организации общества³²⁴. Характерные черты китайской модели –

³²⁰ Введенная в Китае в 485 г. система налогового администрирования предполагала, что каждые пять соседних дворов образуют первичную административную единицу – соседскую общину; каждые пять соседских общин образуют среднюю административную единицу – деревенскую общину; каждые пять деревенских общин образуют самую крупную крестьянскую административную единицу – сельскую общину. Во главе каждой из этих трех административных единиц ставили старосту, в обязанности которого входило не только общее управление делами своей общины, но и наделение земель, а также сбор налогов и податей, наблюдение за нравами и т. д. Иными словами, этот аппарат выполнял и контрольно-полицийские функции (см.: Конрад Н. И. *Избр. труды. История*. С. 132). В Японии контроль за налогообложением и сбором налогов в деревне осуществлялся в пятидворках – низшей административной единице. Это была система круговой ответственности за уплату налогов. Кроме того, члены пятидворок были обязаны следить друг за другом, не допуская бегства крестьян из деревни (см.: Подпалова Г. И. *Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII – начале XVIII в.* М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 57, 58).

³²¹ Шан Ян (390–338 до н. э.) – правитель области Шан, выдающийся государственный деятель, реформатор, мыслитель древнего Китая, один из основоположников легизма – учения о тоталитарном государстве, противоположного даосизму и конфуцианству.

³²² Лу – древнекитайское государство эпохи Чжоу 11–3 в. до н. э.; родина Конфуция.

³²³ А. Смит о взимании налогов в развитой, по стандартам традиционного общества, аграрной Франции XVIII в.: «Порция, в которой эта сумма раскладывается между этими провинциями, изменяется из года в год в соответствии с отчетами, представляемыми королевскому совету о хорошем или плохом состоянии хлебов, также и о других обстоятельствах, которые могут увеличивать или уменьшать их платежеспособность. Каждый округ разделен на известное число участков, и разверстка между этими участками суммы, наложенной на весь округ, тоже изменяется из года в год в зависимости от отчетов, представляемых совету относительно платежеспособности каждого... Как утверждают, не только неведение и неправильная осведомленность, но и дружба, партийная вражда и личное неудовольствие часто ведут к неправильным действиям этих чиновников. Ни один человек, подлежащий налогу, никогда, очевидно, не может до получения раскладки точно знать, сколько ему придется уплатить. Он не может даже знать это и после получения раскладки... Подушные подати, если пытаются их устанавливать в соответствии с состоянием или доходом каждого плательщика, приобретают совершенно произвольный характер» (см.: Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Т. 2. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. С. 447, 448, 462).

³²⁴ Восхищение Вольтера опытом Китая, его социальными институтами некоторые исследователи связывают с харак-

охватывающая всю страну централизованная бюрократия и меритократическая система, открывавшая при успешной сдаче экзаменов возможность войти в элиту, снижавшая роль происхождения, повышавшая социальную мобильность – способствовали ее долгосрочной устойчивости.

Важная особенность Китая, которая позволила сохранить на протяжении тысячелетий централизованное государство, – специфика китайской письменности. Когда изобретенный в Передней Азии алфавит достиг Поднебесной, иероглифическая система уже крепко укоренилась в структурах китайской цивилизации. Специфика иероглифики – отделение письма от устного языка – позволяет связать единой культурной и бюрократической традицией говорящие на разных диалектах народы, представители которых нередко не способны понять друг друга при устном общении. Нивелировавшая этнические различия китайская письменность стала важнейшим инструментом объединения страны в единое культурное целое.

Построенное на алфавите письмо, которое воспроизводит устную речь, объективно закрепляет этнические различия, облегчает формирование наций, препятствует сохранению единой империи. История Западной Европы после краха Западной Римской империи, расходящиеся траектории развития ее и Китая после заката империи Хань убедительно подтверждают роль письменности в судьбах государств³²⁵.

§ 5. Династический цикл в аграрных обществах

Стабильность аграрных обществ во многом зависит от того, насколько их организация отвечает интересам элиты. Это хорошо иллюстрируют и тенденции к наследованию высокого социального статуса, и такое явление, как династический цикл. Элиты аграрных обществ стремятся сделать свой статус наследственным. Мало того, что они принадлежат к присваивающему прибавочный продукт меньшинству, им нужно передать это социальное положение потомкам. Аграрные общества пронизаны тенденцией к приватизации власти. Получив высокие должности от верховных правителей, присвоив права на связанные с должностями доходы и привилегии, элиты добиваются последнего недостающего им права – передавать эти блага по наследству.

На этом основана логика династического цикла – одна из движущих сил аграрных обществ, едва ли не важнейший механизм их функционирования. После завоевания извне, крестьянских восстаний и краха прежнего режима создается новая центральная власть с присущим ей организованным финансовым администрированием. Она еще продолжает крепнуть, но в ее недрах назревают приватизационные процессы – земля и должности закрепляются за новой элитой. У государства сокращаются возможности собирать доходы и финансировать армию. Приходится увеличивать налогообложение там, куда могут дотянуться руки центрального правительства. Налоговый гнет нарастает. Вспыхивают крестьянские беспорядки. Затем – крах династии, порой новое завоевание извне. Династический цикл замкнулся.

Централизация власти, повышение эффективности бюрократии, жесткие репрессии против пытающейся своевольничать элиты – это начало цикла. Приватизация, уход налогоплательщиков под покровительство сильных людей, эрозия налоговой базы, сокращение доходов казны – характерные черты его завершающей фазы. Основатели династии, нередко иноэтничные завоеватели, иногда вожди крестьянского восстания, держат тех, кого они при-

терным для него отрицанием культурного превосходства христианских стран над нехристианскими (см.: Levenson J. R. *Confucian China and Its Modern Fate*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1958. P. XIV–XV).

³²⁵ О связи иероглифики с потребностями государственного управления и налогообложения в аграрных обществах см.: Петров М. К. *Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность*. М.: РОССПЭН, 1995. С. 181.

вели к кормушке, в жесткой узде³²⁶. При их потомках энергетика власти слабеет, должности становятся наследственными, доходы правительства сокращаются.

Характерное проявление приватизационных процессов в конце династического цикла – недовольство в обществе, вызываемое дифференциацией богатства и бедности и ростом роли денег: они становятся важнее положения на государственной службе³²⁷. Инициативным людям удастся перераспределить в свою пользу доходы, которые предназначались для государственной казны³²⁸. В Китае начала XIX в., стране развитой аграрной цивилизации, реальные объемы налогообложения вчетверо превышали официально установленные ставки. Три четверти присваиваемого шло местному чиновничеству³²⁹.

Финансовый кризис затрудняет содержание и армии, и центральной бюрократии. Крушение империи, новое иноэтничное завоевание или крестьянское восстание подводят черту под очередным династическим циклом. Таковы черты династического цикла – важнейшего механизма функционирования китайского государства на протяжении тысячелетий.

Другой пример, иллюстрирующий династический цикл в условиях аграрной цивилизации, – эволюция Египта времени Древнего царства. В середине этого периода гробницы номархов³³⁰ становятся роскошнее, гробницы царей – скромнее. Затем – распад страны, хаос, упадок периода 10–12#й династий. Потом – новая централизация власти. После формирования Среднего царства, при Сенусерте III, – исчезновение богатых гробниц номархов. История гробниц фараонов-номархов – история централизации и приватизации власти в Египте³³¹. Папирус Ипувера, повествующий о бедствиях, связанных с ослаблением централизованного государства, хаосом и запустением, – один из первых документов, фиксирующих развертывание династического цикла в аграрных цивилизациях³³². Степень государственного вмешательства в организацию хозяйственной жизни в крестьянском сообществе в аграрных цивилизациях неодинакова. В Древнем Египте государство ликвидировало общины, взяло организацию производственной деятельности на себя. В Индии на протяжении всей ее истории сохраняется мощная, обладающая значительной автономией община. Эти крайние случаи объединяет то, что основная цель правящей элиты – изъять максимально возможное количество прибавочного продукта, создаваемого в крестьянском хозяйстве. Различны лишь формы такого изъятия.

Еще одна проблема централизованных империй, пытавшихся регулировать объемы налоговых изъятий, – контроль за собственным аппаратом. В отличие от самого государства,

³²⁶ Джу Юань Джань, пришедший к власти в Китае на гребне крестьянского восстания против монгольской династии в 1380 году, казнил 15 тыс. крупных феодалов. В 1390 году было перебито вдвое больше. В 1393-м – еще 15 тыс. В числе казненных оказались многие сподвижники Джу Юань Джаня, те, кому он был обязан своим возвышением. Источники повествуют, что сановники, направляясь во дворец, прощались с семьями, не надеясь вернуться. Фактически император снял весь верхний слой китайской феодальной знати. Оставшиеся в живых превращались в холопов, которые падали перед ним ниц, как рабы (см.: Конрад Н. И. *Избр. труды. История*. М.: Наука, 1974. С. 432).

³²⁷ Twitchett D., Loewe M. (eds.) *The Cambridge History of China*. V o l. 1: The China and Han Empires, 221 B. C. – A. D. 220. Cambridge; London; New York: Cambridge University Press, 1986. P. 625.

³²⁸ «Поскольку земля считалась государственной, постольку по закону ее нельзя было ни продавать, ни закладывать. Но следить за соблюдением этого закона призваны были местные чиновники, они часто были заинтересованы как раз в том, чтобы этот запрет не действовал. Но самым эффективным был, по-видимому, упоминаемый в указе 752 года способ захвата земли путем сокрытия от государственного контроля государственных дворов и дальнейшего присвоения крестьянских участков» (см.: Конрад Н. И. *Избр. труды. История*. С. 381).

³²⁹ См.: Меликсетов А. В. *История Китая*. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 280.

³³⁰ Номарх – правитель нома (области), наместник фараона в древнем Египте, возглавлявший административный аппарат, суд, войско нома, ведавший ирригацией и сбором налогов.

³³¹ См.: Васильев Л. С. *История Востока*. Т. 1. М.: Высшая школа, 2003. С. 105, 106.

³³² *История Востока*. Т. 1: Восток в древности / Под ред. Р. Б. Рыбакова. М.: Восточная литература РАН, 1997. С. 163–166. В одном из китайских текстов XIV в. н. э. династический цикл описывается так: «Мир должен объединиться, когда он разделен. И должен разъединиться, когда он объединен» (см.: Twitchett D., Loewe M. (eds.). *The Cambridge History of China*. Vol. 1. The China and Han Empires, 221 BC – AD 220. P. 357).

налоговый чиновник не заинтересован в сохранении налоговой базы. Проконтролировать его работу при технологических возможностях, характерных для аграрных цивилизаций, сложно. Следствие – вымогательства, избыточное обложение, жалобы на произвол сборщиков налогов. “...Выгода государя в том, чтобы иметь заслуженных [подданных] и назначать их на должности, а выгода чиновников в том, чтобы, не имея способностей, распоряжаться делами; выгода государя в том, чтобы иметь заслуженных [подданных] и вознаграждать их; выгода чиновников в том, чтобы, не имея заслуг, быть богатыми и знатными; выгода государя в том, чтобы выдающиеся люди служили ему по своим способностям; выгода чиновников в том, чтобы использовать в личных целях своих друзей и сторонников. Поэтому территория государства все урезается, а частные дома все богатеют; государь падает все ниже, а крупные чиновники становятся все могущественнее. Таким образом, государь теряет силу, а чиновники завладевают государством”³³³.

Еще раз подчеркнем: независимо от того, на какой стадии династического цикла находится империя, сложилась феодальная иерархия или нет, важнейшим для аграрной цивилизации остается вопрос об организованном изъятии у крестьянского населения ресурсов в пользу правящей, специализирующейся на войне и государственном управлении элиты³³⁴. Здесь централизованное имперское государство сталкивается с неприятной альтернативой. Когда оно изымает прибавочный продукт в объеме, меньшем максимально возможного, на содержание армии может не хватить средств. Появляется риск, что соседнее агрессивное государство или кочевые племена сломят сопротивление войск и захватят страну. Это приведет к смене элиты. Если, напротив, изъятия запредельны, несовместимы с возможностью воспроизводить крестьянские хозяйства, возникают другие опасности: эрозия налоговой базы, бегство крестьян с земли, рост бродяжничества и разбоя, крестьянские восстания³³⁵. Один из классических документов Древнего Китая содержит слова: “Народ голодает оттого, что власти берут слишком много налогов... Трудно управлять народом оттого, что власти слишком деятельны”³³⁶.

Поиск хрупкого равновесия между этими рисками – когда у крестьян отбирают максимум возможного, но не доводят их до полного разорения – стержень экономической политики аграрных цивилизаций³³⁷. История донесла до нас полемику по этому вопросу, разные позиции в ней. Ближайший советник Токугава Иэясу Хонда Масанобу говорил, что “кре-

³³³ Хань Фэй. *Древнекитайская философия* / Сост. Ян Хин-Шун. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 231.

³³⁴ Роль прибавочного продукта – объема ресурсов, который превышает необходимый для удовлетворения минимальных потребностей основной массы сельского населения, – хорошо понимали французские физиократы, жившие в эпоху, когда аграрное общество уже шло к закату. Тюрго пишет: “То, что труд земледельца извлекает из земли сверх необходимого для удовлетворения его разумных потребностей, образует единый фонд, которым пользуются все другие члены общества в обмен на свой труд” (см.: Тюрго А. Р. *Размышления о создании и распределении богатств. Ценности и деньги*. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1905. С. 4).

³³⁵ О мотивах, побуждающих правящую элиту ограничивать масштабы налоговых изъятий, см., например: Boyle J. A. *The Cambridge History of Iran. Vol. 5. The Saljuq and Mongol periods*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 494. О чрезмерном налоговом бремени, следствием которого становится бегство крестьян к сильному покровителю и дальнейшее снижение государственных доходов, см.: Elvin M. *The Pattern of the Chinese Past*. Stanford: Stanford University Press, 1973. P. 19, 20, 27, 28. В Китае позднего Ханьского периода число податного населения, платящего налоги казне, сокращается с 49,5 млн человек в середине II в. до 7,5 млн в середине III в. Целые общины переходят под покровительство “сильных домов” (см.: *История Востока*. Т. 1: Восток в древности / Под ред. Р. Б. Рыбакова. М.: Восточная литература РАН, 1997. С. 459). Об осознании государством рисков, связанных с переобложением крестьян в Древнем Египте, см. там же. *Эдикты фараона Хармхаба* (Harmhab) (18-я династия), направленные против избыточного изъятия ресурсов у крестьян, см.: Webber C., Wildavsky A. *A History of Taxation and Expenditure in the Western World*. New York: Simon and Schuster, 1986. P. 74, 75.

³³⁶ Дао Дэ Цзин. *Древнекитайская философия* / Сост. Ян Хин-Шун. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 136, 137.

³³⁷ “Обычная дилемма для правителей аграрного государства: низкие налоги – бедное государство, высокие налоги – обнищание подданных” (см.: Webber C., Wildavsky A. *A History of Taxation and Expenditure in the Western World*. New York: Simon and Schuster, 1986. P. 76).

стьянину надо оставлять столько зерна, чтобы он только не умер”³³⁸. Поднявший налоговое бремя до предела китайский император Ханьского периода У-ди осознавал опасность этого шага, предостерегая против дальнейшего роста налогов³³⁹.

Количество прибавочного продукта, которое элита аграрных обществ изымала у крестьян, определялось спецификой сельскохозяйственного производства. Больше всего можно было изъять в районах высокопродуктивного земледелия – в долинах крупных рек, на орошаемых землях. По библейским свидетельствам, египетские крестьяне отдавали фараонам пятую часть урожая. Правители Индии при Маурьях забирали у своих подданных четверть. По некоторым источникам, в других местах изъятия достигали половины собранного урожая. На бедных, малопродуктивных, засушливых землях у крестьян отбирали меньше. История донесла до нас представление о правильной, “справедливой” норме изъятия – 10 % урожая, знаменитая десятина.

Крестьяне не спешили делиться информацией о собранном урожае с теми, кто его у них отбирал. Упомянутое выше равновесие, грань, за которой налогообложение становилось невозможным, государство вынуждено было искать испытанным методом проб и ошибок³⁴⁰. Именно потому, что крестьянству и элите так нелегко найти эту тонкую грань, пусть даже неустойчивое равновесие высоко ценится и закрепляется традициями. Если прежде налогообложение достигало определенного уровня и не приводило к катастрофическим последствиям, элита аграрного общества воспринимала это как аргумент в пользу сохранения объема изъятий, считая его посильным для крестьян. Даже в высокоразвитой Франции XVIII в. распределение налогового бремени по провинциям, распределение их обязательств по взносам в казну – тальи – происходило на основе оценки опыта предшествующих лет: легко или трудно собирались тогда налоги.

Как указывалось, для централизованных аграрных государств систематизация сведений о налоговых обязательствах и налоговых платежах подданных, о том, сколько удалось изъять в той или другой области и на деревне, – важнейшая функция гражданской власти. Такая информация становится базой для определения текущих налоговых обязательств. Медленные изменения численности населения и объема хозяйственной деятельности позволяют лишь изредка вносить коррективы. Не нужно считать, сколько крестьянин может заплатить сегодня. Важно знать, сколько брали в предшествующие годы, не подрывая доходной базы. Иногда в хорошо организованных аграрных империях при этом учитывались различия, связанные с урожайными и неурожайными годами.

В централизованных империях эти принципы воплощаются в налоговых переписях, закрепляющих сложившиеся размеры обязательств. В феодальных системах обязательства низшего сословия закрепляются традицией.

Устойчивые отношения зависимого крестьянского населения и правящей элиты в рамках централизованного государства или феодальной иерархии – залог жизни аграрного общества без социальных взрывов и потрясений. Недаром китайская народная мудрость гласит: “Не дай Бог жить в эпоху перемен”. Ей вторит европейское присловье “долгих лет жизни королю”. В аграрном обществе периоды стабильности без внешних и внутренних войн, времена упорядоченных обязательств крестьян перед властью, закрепленных либо налоговым аппаратом централизованной империи, либо традицией феодальных установлений, воспринимались потомками как золотой век.

³³⁸ Лещенко Н. Ф. *Япония в эпоху Токугава*. М.: Институт востоковедения РАН, 1999. С. 67.

³³⁹ Twitchett D. (ed.). *The Cambridge History of China*. Vol.3. Sui and Tang China, 589–906. Cambridge; London; New York: Cambridge University Press, 1979. P. 166.

³⁴⁰ Сборщики налогов в Японии говорили: “Крестьянин – что мокрое полотенце: чем больше жмешь, тем больше выжимаешь” (см.: Подпалова Г. И. *Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII – начале XVIII в.* М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 98).

Характерное проявление роли традиции в условиях аграрных обществ – трехполье с разделением крестьянских участков на полосы. Известно, что такая организация земледелия менее продуктивна, чем та, которая возможна при консолидации участков, обрабатываемых крестьянским хозяйством. Однако она и более надежна, в меньшей степени зависит от колебаний продуктивности. В условиях, когда урожая едва хватает, чтобы прокормить семью, выполнить неизбежные обязанности перед государством или феодалом, выбор в пользу надежности – разумная стратегия³⁴¹.

Перемены – это новые династии, войны, эксперименты с налогами, увеличивающие их бремя, феодальные смуты и новые господа, не связанные традициями, действующие методом проб и ошибок. При долгосрочной стабильности способов производства и его структуры, неизменных системе расселения, образе жизни и других важнейших составных частях социально-политической структуры устойчивые традиции – элемент социальной организации, который обеспечивает ее приемлемое функционирование.

Представления о том, что богатые крестьяне государству не нужны, что все, кроме необходимого для поддержания жизни, должно быть у них изъято, а если не изымается – это признак плохого управления, широко распространены в аграрных обществах. Вот что пишет Ф. Бернье о реалиях Индии XVII в.: “...Все живут в постоянном трепете перед этим сортом людей, особенно перед губернаторами: их боятся больше, чем раб своего господина. Поэтому жители обычно стараются казаться нищими, лишенными денег; соблюдают чрезвычайную простоту в одежде, жилище и обстановке, а еще более в еде и питье. Они нередко даже боятся слишком далеко заходить в торговле из опасения, что их будут считать богатыми и придумают какой-нибудь способ разорить их”³⁴². Сама суть аграрной цивилизации не только не стимулирует инновации, повышающие эффективность экономики, но и препятствует им³⁴³. Когда крестьянская семья, используя новые технологии, повышает урожайность, это привлекает внимание налогового агента централизованной бюрократии, или феодального лорда, или “мобильного бандита” – они видят возможность изъять у крестьянина что-то еще. Понятно, каким должно быть отношение земледельца к сельскохозяйственным инновациям. Человеческое знание, мысль продолжают порождать новое. И неизвестные прежде технологии все-таки получают широкое распространение. Но в саму структуру аграрной цивилизации с ее хищнической элитой, которая стремится выжать из крестьянства все до последнего, встроены механизмы, тормозящие внедрение любых инноваций³⁴⁴.

Как справедливо отмечает В. Бартольд: “Сравнение Китая с Западной Европой лучше всего показывает, что успехи техники сами по себе не вызывают прогресса общественной

³⁴¹ О стимулах к сохранению традиционного трехполья с разделением полей на полосы см.: Moon D. *The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasant Made*. London; New York: Longman, 1999. P. 126–139.

³⁴² Бернье Ф. *История последних политических переворотов в государстве Великого Могола* / Под ред. А. Пронина; пер. с фр. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 201. Ф. Бернье – один из первых европейских наблюдателей, имевший возможность с позиции реалий европейского общества XVII в. подробно наблюдать механизм функционирования традиционных аграрных цивилизаций. Пытаясь понять причины их отсталости по сравнению с Западной Европой, он связывает это с отсутствием частной собственности на землю, ведущим к стагнации экономического развития.

³⁴³ “Когда мы иной раз слышим о будто бы новых порядках в землевладении, то речь идет, несомненно, о новых порядках обложения повинностями” (см.: Вебер М. *Аграрная история древнего мира*. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1923. С. 106).

³⁴⁴ А. Смит пишет: “Налог с дохода (талля), как он до сих пор существует во Франции, может служить примером этой стрижки былых времен. Это налог с предполагаемого дохода арендатора, который исчисляется в соответствии с капиталом, вложенным им в свое хозяйство. Арендатор поэтому заинтересован представить себя малоимущим и, следовательно, затрачивать возможно меньше на обработку своего участка и совсем ничего не затрачивать на его улучшение. Если бы в руках французского крестьянина даже накапливались какие-либо средства, «талля» почти равносильна полному запрету вложить их в землю. Помимо того налог этот считается обесценивающим того, кто подлежит ему, и ставящим его в более низкое положение сравнительно не только с дворянином, но и с мещанином, а всякий снимающий землю в аренду подлежит этому налогу. И ни один дворянин, ни один горожанин, обладающий капиталом, не захотят подвергнуться такому унижению” (см.: Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Т. 1. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. С. 405, 406).

жизни. Из примера Китая видно, что можно знать порох и не создать сильной армии, знать компас и не создать мореплавания, знать книгопечатание и не создать общественного мнения”³⁴⁵.

В какой степени в аграрных обществах крестьянин закреплен на своем наделе, зависит от обстоятельств, в первую очередь от качества земли. Если это редкий по своим качествам и дефицитный ресурс, нет нужды силой государственной власти закрепощать крестьянина — он сам никуда не денется³⁴⁶. Если кругом много удобных для возделывания земельных угодий, крестьянин может перебраться на свободные земли к другому господину. В этом случае логика организации стратифицированного аграрного общества стимулирует жесткие формы прикрепления крестьян к земле. Но и в том и в другом случае о частной собственности в современном смысле этого слова говорить трудно. Земля — и важнейший ресурс производства, средство существования, и база для разнообразных поборов в пользу привилегированной элиты.

§ 6. Торговля в аграрном мире

Мы живем в мире, где подавляющее большинство товаров и услуг производят для продажи на рынке, у потребителя большая свобода выбора. Чтобы бизнес был успешным, производителю необходимо продать свой товар. И цена (с учетом качества) не может быть выше, чем у конкурентов. Если затраты выше, чем у других участников рынка, неизбежны финансовые проблемы, возможен крах предприятия. Для снижения издержек производства необходимы наилучшие с экономической точки зрения технологии. Предприниматель не может позволить себе роскошь ими не пользоваться. Сегодня все это настолько очевидно, что порой представляется неким всеобщим экономическим законом, действующим для всех форм организации производства.

Однако это не так. В эпоху аграрных цивилизаций подавляющая часть производства не ориентирована на рынок — она обеспечивает личное потребление плюс выплаты правящей элите. Вплоть до XIX в. большинство крестьянских семей вело производство для собственного потребления, обменивался и продавался на рынке лишь небольшой излишек произведенных продуктов. Если крестьянин применил новшество, позволяющее повысить продуктивность земли, это ни в малой степени не побуждает соседа следовать его примеру. Во-первых, натуральное хозяйство можно вести традиционными способами. А во-вторых, прогрессивного земледельца с помощью механизма круговой поруки понудят к дополнительным выплатам. Ориентация на земледельческие традиции, технологии, которые без изменений переходят из поколения в поколение, — разумная реакция на систему стимулов, сформированную государством и обществом.

Конечно, и экономика аграрной эпохи не обходится без рынка. Как отмечают антропологи, торговля в различных формах зарождается уже у доаграрных народов, в обществах охотников и собирателей. При этом, как правило, торговля носит межплеменной характер, а внутри племени доминирует обмен дарами³⁴⁷. Для торговли доаграрного периода харак-

³⁴⁵ Бартольд В. В. *Культура мусульманства*. М.: Ленон, 1998. С. 106.

³⁴⁶ Недостаток пригодной для сельскохозяйственной обработки земли по отношению к численности аграрного населения — один из факторов отсутствия крепостничества в мусульманских странах. Проницательный исследователь истории Ближнего Востока В. Бартольд пишет: “Крепостного права, в смысле прикрепления крестьян к земле и ее владельцам, не было, по-видимому, ни в одной из мусульманских стран; никто не мешал земледельцам покидать возделывавшиеся ими участки, но никто не мешал и землевладельцам отнимать землю у одних крестьян и передавать ее другим, предлагавшим более высокую плату” (см.: Бартольд В. В. *Культура мусульманства*. С. 53).

³⁴⁷ “В отличие от реципрокных отношений, где главное — социальный престиж, в торговле между племенами всегда есть подспудное чувство вражды и настороженности, хотя и прикрываемое внешним дружелюбием, молчаливой торговлей, исключаяющей встречи торгующих” (см.: Hershkovits M. J. *Economic Anthropology. A Study in Comparative Economics*.

терно то, что ею движет не солидарность обменивающихся дарами, а равновесие сил, способность и готовность применить насилие. Если бы не это равновесие, можно было бы не торговаться, а просто отнять³⁴⁸.

Более сложная структура общества аграрных цивилизаций повышает роль торговли. Крестьянам нужны не столь примитивные, как прежде, орудия труда. Материалы для их изготовления не всегда можно найти в районах орошаемого земледелия. Необходимость более совершенных инструментов насилия подталкивает к техническим нововведениям в военном деле. Для них часто требуются материальные ресурсы, отсутствующие в местах, где сконцентрировано оседлое сельское население. Усложнение технологий приводит к появлению новых занятий – не связанных с сельским хозяйством. Возникают гончарное, кузнечное и другие ремесла. Месопотамия, крупнейший центр цивилизации, не богата камнем и металлическими рудами. Это стало серьезным фактором развития торговли. Разумеется, можно было удовлетворить потребности в металле, организовав военные походы за пределы Междуречья. Порой так и поступали, но оказалось, что торговля, особый тип отношений между сообществами, сулит взаимные выгоды. Обмен основан на равноправии сторон в сделке. Это отмечал еще Аристотель³⁴⁹. Но в аграрных обществах к этому пришли не сразу. Немало исторических примеров, когда обмен, торговые сделки заключались под угрозой применения силы³⁵⁰. Из классических работ антропологов мы узнаем, что на некоторых африканских рынках представителям воинственных горских племен товары отпускали дешевле, чем другим покупателям³⁵¹. Это еще не торговля в нынешнем понимании, над участниками обмена витает дух насилия, цены, условия сделки порой определяет право сильного, но это уже не отъем, не конфискация. Налицо радикальное отличие от типичных для аграрных цивилизаций отношений: изъятие прибавочного продукта, полное неравенство производящего и отбирающего.

Широкое распространение получает межгосударственная торговля, которая начиналась с обмена дарами. Складываются устойчивые, организованные самими инициативными людьми своего времени – купцами – международные торговые связи, такие, например, как Великий шелковый путь. Становится привычной мелкая розничная торговля на базарах.

Торговля предполагает равноправные контрактные отношения. Это влечет появление новых правовых форм, необходимых для регулирования хозяйственных споров, выполнения контрактов. Аграрному государству эта функция чужда. Его главнейшая забота – облагать налогами подданных, а не создавать условия для их коммерческой деятельности. Торговцы сами создают кодексы, собственные правила. Здесь у групп, объединенных по этническим признакам, есть преимущества – им легче договориться между собой о нормах торгового оборота и обеспечивать их соблюдение³⁵². У этнических меньшинств высокий уровень взаимодействия и взаимопомощи. Они не всегда следуют правилам поведения, которые элиты

New York: Alfred A. Knopf, 1952. P. 180). “Обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин” (см.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 97). О торговле как процессе, протекающем не в единой этнической группе, а между различными группами, см. также: Weber M. *General Economic History*. New Brunswick, London: Transaction Publishers, 1995. P. 195.

³⁴⁸ О “молчаливой торговле” в доаграрных и аграрных обществах см.: Thurnwald R. C. *Economics in Primitive Communities*. London: Oxford University Press, 1932. P. 149.

³⁴⁹ “Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства” (см.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 23. С. 70).

³⁵⁰ У. Шмит, один из первых, кто посетил индейцев Рио-плато, писал, что мог бы выменять у туземцев побольше, но не рискнул, так как его отряд был слишком мал (см.: Hoyt E. E. *Primitive Trade. Its Psychology and Economics*. London: Paul Trench etc., 1926. P. 146).

³⁵¹ О влиянии интереса и страха на пропорции обмена см.: Herskovits M. J. *Economic Anthropology. A Study in Comparative Economics*. New York: Alfred A. Knopf, 1952. P. 206, 207.

³⁵² О преимуществах моноэтнических групп в соблюдении торговых контрактов см.: Hicks J. A. *Theory of Economic History*. London, Oxford; New York: Oxford University Press, 1969. P. 38.

аграрных обществ навязывают большинству населения. Это одна из причин, почему меньшинства так часто специализируются на торговой деятельности. Они пришлые, не имеют земли для занятий сельским хозяйством, иногда власти прямо запрещают им заниматься сельским хозяйством и владеть землей.

Занятие торговлей, как правило, воспринимается с подозрением, считается неблагоприятным и потенциально опасным³⁵³. На то есть причины. В обществе, разделенном на управляющую элиту и крестьянскую массу, купец – инородное тело. Он нужен и полезен, но всегда вызывает подозрения. Его зажиточность, богатство не соответствуют его социальному статусу³⁵⁴. Традиционная китайская конфуцианская этика считает торговлю неизбежным злом³⁵⁵ и требует тщательного контроля за ней со стороны власти³⁵⁶. Аграрное государство нередко вводило ограничения для торговцев на престижное потребление³⁵⁷. Имущество купца мобильнее крестьянского, его труднее отнять³⁵⁸. А стремление элиты отнять все, что можно, – органическая часть традиций аграрной цивилизации³⁵⁹. К тому же развитие торговли идет рука об руку с кредитными отношениями. В аграрном обществе кредит означает ростовщичество. Как правило, к ростовщикам крестьянские семьи обращаются в неурожайные годы, когда налоговая база и без того под угрозой. Это вызывает беспокойство правящей элиты, которая регулирует налогообложение, не допуская полного разорения крестьянских хозяйств, но не может помешать ростовщику разорить земледельца. Отсюда постоянные попытки властей запретить или ограничить ростовщичество, регулировать размер процента. Широко распространенные в религиях традиционных аграрных обществ запреты на ростов-

³⁵³ «В отличие от западноевропейских китайские цехи с самого начала оказались под жестким контролем государства и наряду с функциями защиты своих членов, взаимопомощи, определения цен на производимые изделия, организации различных торжеств и ритуалов были вынуждены заниматься организацией круговой поруки, раскладкой налогов и повинностей среди своих членов и следить за их своевременным исполнением. Через цехи производились также принудительные закупки властями у ремесленников части произведенной последними продукции по ценам ниже рыночных» (см.: Илюшечкин В. П. *Сословно-классовое общество в истории Китая*. М.: Наука, 1986. С. 200).

³⁵⁴ Характерный пример – история семьи Тацугоро в Осаке. Она сыграла ключевую роль в превращении этого города в коммерческий центр Японии и разбогатела. Многие аристократы задолжали этой семье. Конфуцианская мораль требовала привести имущественное положение семьи в соответствие с ее статусом. В 1705 г. местный правитель конфисковал имение Тацугоро и отменил все его права на предоставленные в заем средства, сославшись на то, что он живет не по статусу (см.: Sakudo Y. *The Management Practices of Family Business* // Nakane C., Oishi S. (eds.). *Tokugawa Japan: The Social and Economic Antecedents of Modern Japan*. Tokyo: University of Tokyo Press, 1990. P. 150, 151, 154).

³⁵⁵ У Конфуция торговля в иерархии профессий стояла на последнем месте. Она связана с наживой и рассматривается как малоприличное занятие.

³⁵⁶ «Рыночная экономика была чем-то вроде выпущенного из бутылки джинна. С ней следовало держать ухо востро. Она грозила подрывом устоявшихся норм консервативной стабильности, а ведь именно стабильность является наибольшей гарантией существования традиционных восточных структур. Неудивительно поэтому, что повсюду, где товарно-денежные рыночные отношения и частнособственническая активность приобретали заметные размеры и начинали активно воздействовать на общество, государство рано или поздно вмешивалось в сложившуюся ситуацию и решительными административными мерами изменяло ее в свою пользу» (см.: Васильев Л. С. *История Востока*. Т. 1. М.: Высшая школа, 2003. С. 233).

³⁵⁷ В Китае широко распространено, начиная с эпохи воюющих царств, жесткое ограничение статуса торговцев, их потребления и норм поведения. В период правления императора У-ди торговцам запретили носить шелк, ездить на лошади, а их потомкам – поступать на государственную службу. Торговцам также запрещалось владеть землей (см.: Twitchett D., Loewe M. (eds.) *The Cambridge History of China*. Vol. 1. *The Chin and Han Empires*, 221 B. C. – A. D. 220. Cambridge; London etc.: Cambridge University Press, 1986. P. 577).

³⁵⁸ Впрочем, отсюда не следует, что аграрные государства не предпринимают таких попыток. Конфискация собственности и отказ платить долги евреям в Англии при Эдуарде I, во Франции при Филиппе I V, те же действия по отношению к тамплиерам во Франции Филиппа I V, конфискация имущества итальянских торговцев в Англии периода Эдуарда I, Эдуарда II и Эдуарда III – типичные примеры таких попыток, предпринимаемых властями аграрного общества (см.: Veith J. M. *Reputations and Confiscations by the Medieval State* // *The Journal of Economic History*. Vol. XLVI. № 1. March 1986. P. 31–36).

³⁵⁹ В Японии принцип круговой поруки распространяется и на городских жителей. «Жители каждого квартала в городе составляли общину во главе со старостой, отвечавшим за поведение и выполнение всех повинностей членами общины. Старостой являлся обыкновенно наиболее влиятельный и богатый купец, состояние которого было настолько значительно, что позволяло покрыть все недоимки. Однако ответственность общины за старосту также существовала, и в случае какой-нибудь провинности старосты отвечали перед бакуфу все члены общины» (см.: Жуков Е. М. *История Японии: Краткий очерк*. М.: Соцэкгиз, 1939. С. 67).

щество и ограничение ставки процента имеют разумные основания. Соплеменник не должен попадать в долговое рабство, иначе с него нельзя будет брать налоги.

Негативное отношение аграрных империй к торговле переносится и на морские границы, прибрежные районы. К этим местам относятся с опаской, без желания их контролировать. Прибрежная полоса считается опасной для жизни зоной, местом ссылки нежелательных элементов. Причина понятна: отсюда исходит угроза децентрализованного насилия, пиратских набегов, обороняться от которых аграрным империям непросто. Власти предпочитают оставлять прибрежные территории ничьей землей и ограничивают торговое судоходство из-за пиратов.

Торговля приносит в мир аграрных цивилизаций динамизм, перемены, но по-прежнему остается на периферии общественной и экономической жизни. И в конце XVIII в. большая часть мирового населения вела натуральное хозяйство. А вот где конкуренция и связанное с ней быстрое распространение инноваций стало реальностью аграрного общества – это военное дело. Производственные, технологические новшества для большей части земледельческого населения означают лишь новые обязательства перед правящей элитой. От инноваций в организации армии прямо зависят судьбы самих элит. Революция в военном деле, обусловленная изобретением колесницы, поразительно быстро по стандартам эпохи охватывает государства Евразии. Не меньшее влияние на создание массовых армий оказала технология выплавки железа, сделавшая войны более доступными и демократичными, а заодно затронувшая и другие процессы социальной трансформации. Изобретение стрелы позволило создать тяжеловооруженную конницу, во многом определившую социальную организацию Европы на грани 1-го и 2-го тысячелетий. Тяжелый арбалет, лук, потом порох – все это усиливает государственную власть, ведет к закату феодализма. Через военное дело, соперничество армий и вооруженных групп технологические инновации в эпоху аграрных цивилизаций начинают трансформировать и общественную жизнь. Не так обстоят дела с гражданскими изобретениями. Даже самые важные из них – ветряная и водяная мельницы, хомут, троеполье, компас – распространяются по миру медленно. И это понятно: здесь, в отличие от военного дела, нет жесткого механизма, который настоятельно требует следовать лучшим образцам, заставляет использовать прогрессивные технологии.

Подведем итоги. Сформировавшиеся аграрные цивилизации резко расширили возможности увеличивать объемы производства и численность населения. Однако они разделили общество на массу работающего на земле крестьянства и относительно немногочисленную привилегированную элиту, которая занята военным делом и государственным управлением. Внутри военной элиты идет непрерывная конкуренция – верх одерживают те, кто сильнее и кто успешнее прибегает к насилию. Эта часть элиты отнимает у крестьян максимум возможного. Стимулы повышать продуктивность сельского хозяйства слабы, практически они отсутствуют, поскольку результаты крестьянского труда присваивают те, кто не причастен к производству³⁶⁰. Таковы основы малодинамичного, по крупицам накапливающего технологический опыт общества, которое сохраняет обретенные на заре цивилизации черты на протяжении тысячелетий³⁶¹.

³⁶⁰ О негативном влиянии изъятия прибавочного продукта на стимулы к повышению эффективности сельского хозяйства, инновациям, порожденным зависимостью основной массы населения аграрного мира, см.: Blum J. *The End of the Old Order in Rural Europe*. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1978. P. 116, 117. Те, кто имел возможность наблюдать этот мир не через призму исторических текстов, а в реальности, считали, что труд наемных рабочих в 2–4 раза продуктивнее, чем труд тех, кто работает из-под палки (см.: Blum J. *The End of the Old Order in Rural Europe*. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1978. P. 117). В относительно развитой, обладающей европейскими институтами Баварии XVIII в. крестьянин в ответ на вопрос инспектора: «Почему твой дом так убог?» – отвечает: «Зачем мне лучший дом? Чтобы мой сеньор мог набить свои карманы за счет большего платежа за передачу наследства моим детям?» (см.: Lütge F. *Die Bayerische Grundherrschaft*. Stuttgart, 1949. S. 15).

³⁶¹ «В районе 2500 года до н. э. технологический прогресс почти остановился и в течение следующих 3 тыс. лет был

Неудивительно, что в таком обществе средние душевые доходы веками и тысячелетиями сохраняются на относительно стабильном уровне. Бывают периоды, благоприятные для общественной жизни и не очень благоприятные: времена долгого мира и стабильности, когда численность населения, а иногда и душевые доходы несколько повышаются, и времена войн, смут, всеобщего разорения. Но в целом для эпохи аграрной цивилизации характерны незначительные и несистематические колебания душевых доходов крестьянского большинства у черты его выживания и возможности воспроизводства населения. В этой общественной модели крестьян можно заставить отдать элите часть производимого продукта, но нельзя надеяться, что они сами будут стремиться увеличить объем изымаемого. Население мира растет, но мировой душевой ВВП лишь колеблется у постоянной черты, не проявляя видимой тенденции к повышению³⁶².

На фоне характерной для аграрного общества многовековой стабильности душевых доходов интересы исследователей привлекают редкие случаи, когда наблюдаются признаки растущего благосостояния. К таким эпизодам обычно причисляют расцвет античной цивилизации, период халифата Аббасидов³⁶³, Китай эпохи Сун, Японию эпохи сегуната Токугава³⁶⁴. Характерные черты этих эпох – длительные периоды существования общества без больших войн и внутренних смут, стабильность организации налогообложения³⁶⁵, необычно широкое по стандартам традиционного аграрного общества развитие торговли и связанной с ней специализации.

При Аббасидах исламские завоевания на два века объединили торговый мир Средиземноморья и Индийского океана единым языком и общей культурой. Постоянные конфликты Византии с Персией сменились гегемонией ислама, обеспечившей рост торговли, ускорение развития экономики в Арабском халифате.

Между 1600 и 1850 годами производство сельскохозяйственной продукции в Японии почти удвоилось при росте населения на 45 %. Рост душевого потребления очевиден. Эпоха Токугава была временем урбанизации. Ей способствовали объединение страны, прекращение внутренних войн, развитие торговли и сельской экономики. К концу XVI в. Осака и Киото почти сравнялись по численности населения с Парижем и Лондоном. К этому времени 5–7 % японцев жили в крупных городах. Сто лет спустя Япония стала одной из самых урбанизированных стран мира, высокая доля городского населения, более высокая, чем в Японии, была только в Нидерландах и Англии. Э. Кемпфер, побывавший в Японии в конце XVII в., пишет: “Киото представляет собой огромный магазин всех японских товаров, это главный торговый город страны. За редким исключением, здесь нет дома, где что-

крайне ограничен... Если сопоставить его с предшествующей революцией (неолитической. – Е. Г.), эти три тысячелетия являются технологической стагнацией” (см.: Lilley S. *Technological Progress and Industrial Revolution in the Fontana Economic History of Europe*. Vol. 3. London, 1973. P. 188). О том же писал Гоулд (см.: Gould J. D. *Economic Growth in History*. London: Methuen, 1972. P. 327).

³⁶² “Со времен перераспределительных обществ древнеегипетских династий через период рабства в Греции и Риме, переходя к миру средневековой маноральной системы, постоянно сохранялось противоречие между структурой собственности, ориентированной на максимизацию ренты, извлекаемой правителем (или правителями), и предпосылками создания эффективной системы, позволяющей сократить транзакционные издержки и стимулировать экономический рост. Это фундаментальная дихотомия – фундаментальная причина неспособности этих обществ обеспечить устойчивый экономический рост” (см.: North D. C. *Structure and Change in Economic History*. New York; London: W. W. Norton & Company, 1981. P. 25).

³⁶³ *Халифат Аббасидов* – вторая (после Омейядов) династия арабских халифов (750–1258). В период расцвета была самой крупной империей своего времени, простиравшейся от Атлантического океана (по Северной Африке) до Китая.

³⁶⁴ О примерах интенсивного роста в аграрных обществах см.: Anderson P. *Lineages of the Absolutist State*. London: New Left Books, 1974. P. 508, а также: North D. C. *Structure and Change in Economic History*. New York; London: W. W. Norton & Company, 1981. P. 22, 23.

³⁶⁵ О стабильности уровня налогов в Японии в эпоху Токугава см.: Jones E. L. *Growth Recurring: Economic Change in World History*. Oxford Clarendon Press, 1988. P. 165.

нибудь не изготавливали и не продавали”³⁶⁶. По оценкам Л. Гришелевой, к концу XVIII в. грамотными были почти все самураи-мужчины, половина женщин из самурайских семей, 50–80 % торговцев и ростовщиков, 40–60 % ремесленников. Грамотой владела едва ли не вся деревенская верхушка, среди крестьян со средними доходами грамотность достигала 50–60 %, а среди деревенской бедноты – 30–40 %. Правда, надо иметь в виду, что в Японии того времени к грамотным относили всех, кто способен был написать свое имя и прочесть простейший текст³⁶⁷.

Оценивая явное экономическое и социальное ускорение развития Японии эпохи Токугава, нельзя не учитывать влияние развивающейся Западной Европы и накопленных в ней инноваций при всей изоляционистской политике Страны восходящего солнца. В японской литературе начиная с XVII в. ощущается сильное голландское влияние³⁶⁸.

Из всех известных исторических эпизодов, когда в аграрных обществах отмечалось ускорение экономического роста, наиболее документирован период династии Сун в Китае. Для аграрной цивилизации необычно, если крестьяне производят продукцию на продажу, а не для удовлетворения собственных нужд; натуральное хозяйство здесь – правило, производство на рынок – исключение. В Китае этого периода сельское хозяйство, ориентированное на рынок, приобретает массовый характер. В XI–XII вв. здесь широко развита торговля, в том числе доставка товаров на большие расстояния, усиливаются освободившиеся из-под конфуцианского контроля торговые сословия. Цеховые объединения в Китае приобретают форму корпоративной производственной организации, их роль как инструмента государственного контроля за ремеслом падает, возрастает значение самоуправления³⁶⁹. Увеличивается потребность в деньгах. Налоговая система из натуральной, характерной для эпохи династии Тан, трансформируется в денежную. Еще в 749–750 годах денежные поступления составляли в объеме доходов китайской казны лишь 3,9 %, в 1065–1066 годах их доля достигает 51,6 %³⁷⁰. Это подталкивает крестьянское хозяйство к рыночной экономике. Широкое распространение получает и внешняя торговля – сухопутная и морская – с Японией, странами Юго-Восточной Азии.

Мировые достижения Китая эпохи Сун в производстве шелковых тканей, фарфора, в судостроении общеизвестны. Быстро растет производство металла на душу населения, достигая в XII в. уровня, характерного для Западной Европы рубежа XVII и XVIII вв.³⁷¹. В XI в. ВВП Китая в ценах 1980 года и паритетах покупательной способности оценивается в 1200–1400 долл. на человека. В это время Европа отстает от Китая по душевому ВВП примерно вдвое³⁷². При династии Сун в Китае начинает выходить первая в мире официальная

³⁶⁶ Kaempfer E. *History of Japan*. Vol. III. Glasgow, 1906. P. 20–24.

³⁶⁷ См.: Гришелева Л. Д. *Формирование японской национальной культуры*. М.: Институт востоковедения, 1986. С. 143. Вероятно, эти оценки завышены. В противном случае разрыв между Японией и ведущими странами Западной Европы по показателям грамотности был бы нереалистично большим. Но само по себе широкое распространение навыков чтения и письма не вызывает сомнения.

³⁶⁸ Японский поэт этого времени писал: “Не голландские ли вытянулись письмена? – в небе строй гусей” (см.: Завадская Е. В. *Японское искусство книги. VII – XIX века*. М.: Книга, 1986. С. 105).

³⁶⁹ *История Востока*. Т. 2: Восток в Средние века / Под ред. Р. Б. Рыбакова. М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 310.

³⁷⁰ См.: Илюшечкин В. П. *Сословно-классовое общество в истории Китая*. М.: Наука, 1986. С. 204.

³⁷¹ Использование угля в китайской металлургии в это время происходит в масштабах, которых Европа достигла лишь в XVIII в. Выпуск железа растет с 32,5 тыс. т в год в 998 году до 125 тыс. т в 1078 году. О сопоставимости душевого производства железа в Китае в 1078 году с западноевропейским в 1700 г. см.: Hartwell R. *Markets, Technology and the Structure of Enterprise in the Development of the Eleventh-century Chinese Iron and Steel Industries* // *Journal of Economic History*. 1966. № 26. P. 29–58; Hartwell R. *A Revolution in the Chinese Iron and Coal Industries During the Northern Sung 960–1126 A. D.* // *Journal of Asian Studies*. 1962. № 21. P. 153–162.

³⁷² См.: Мельянцев В. *Экономический рост стран Востока и Запада в долгосрочной ретроспективе*: Автореф. дис. д-ра экон. наук. М., 1995. С. 101–104.

газета. Годовой выпуск монет возрастает в 8 раз по сравнению с периодом позднего Тан. В этот период Китай становится самым урбанизированным обществом в мире³⁷³.

Интересны и другие специфические черты династии Сун, необычные для Китая, хотя основные институты сохраняют преемственность традициям периодов Хань и Тан. К этим чертам следует отнести подчеркнутый антимилитаризм государства и общества³⁷⁴, связанный с уроками танских войн, которые привели к перенапряжению сил империи и ее краху; менее жесткую регламентацию частной хозяйственной деятельности, в том числе торговой; большую вовлеченность в международный обмен; долгосрочную устойчивость господствующей элиты.

Отброшенная кочевниками к югу, расположенная у морского побережья империя покровительствует торговле и частной хозяйственной деятельности. Это необычно для норм аграрного общества. Во времена Сун формируется обширное торговое сословие со своей субкультурой. Китайская экономика освобождается от традиционного жесткого бюрократического регулирования.

Но период Сун вскрывает и многие проблемы развития по сценарию интенсивного экономического роста, характерные для аграрных обществ. Чем дольше длится период мира и стабильности, больше накапливает богатств ориентированная на мирную жизнь и обогащение при ней правящая элита, тем соблазнительнее для соседей использовать организованное насилие для присвоения этих богатств.

Несимметричность экономического процветания и военной мощи, характерная для аграрных обществ, проявляется здесь особенно очевидно. Валовой внутренний продукт созданного Чингисханом кочевого объединения вряд ли превышал 1 % ВВП империи Сун, готовой дорого заплатить за сохранение мира. Императоры стремились избежать ошибок своих предшественников времен позднего Тан и откупались от потенциальных завоевателей³⁷⁵. Для отражения набегов монголов-кочевников требовались оборонные расходы, необходимость финансировать которые вела к росту налогового бремени, возложенного на крестьянство. Когда война стала неизбежной, империя мобилизовала беспрецедентные для аграрных обществ оборонительные ресурсы и тем не менее не смогла остановить монгольское нашествие, сопровождавшееся разрушением созданного богатства, экспроприацией, ломкой общественных структур общества. Путь Сун был прерван, он оказался тупиковым. Империя не смогла противостоять давлению кочевников³⁷⁶. Комбинация мобильности и ударной мощи степной кавалерии в сочетании с заимствованными у аграрных цивилизаций организацией и военной техникой оказалась столь эффективной, что перевесила многократное превосходство империи Сун в людских и финансовых ресурсах. Монголы не отбросили Китай в варварство, они лишь восстановили на юге страны характерные для китайской традиции и доминировавшие на севере институты³⁷⁷.

Один из самых интересных вопросов в истории аграрных цивилизаций: почему после крушения империи Сун и возвращения к прежним порядкам, восстановления регулярной китайской административно-налоговой системы, характерный для периода Сун интенсивный экономический рост при династии Юань³⁷⁸ не восстановился? Это одна из тех проблем

³⁷³ Elvin M. *The Pattern of the Chinese Past*. Stanford, California: Stanford University Press, 1973. P. 167.

³⁷⁴ Во времена режима эпохи Сун постоянная армия сокращается вдвое по сравнению с периодом Тан (см.: Haeger J. W. *Introduction: Crisis and Prosperity in Sung China*. Arizona: The University of Arizona Press, 1975. P. 3).

³⁷⁵ Haeger J. W. *Introduction: Crisis and Prosperity in Sung China*. P. 6.

³⁷⁶ Ibid. P. 12.

³⁷⁷ Hymes R. P. *Statesmen and Gentlemen. The Elite of Fu-Chou, Chiang-Hsi, in Northern and Southern Sung*. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1986. P. 28.

³⁷⁸ Династия Юань — монгольское государство, одной из частей которого был Китай (1271–1368). Основано внуком

экономической истории, о которой будут спорить бесконечно. Однако сам факт прекращения быстрого экономического подъема после монгольского завоевания и смены элиты демонстрирует неустойчивость экономического роста в условиях аграрных цивилизаций.

Подавляющее большинство населения аграрного мира – крестьяне, которые хотят улучшить свое положение. Это подталкивает общество к инновациям, повышающим продуктивность труда и уровень жизни. Но правящая элита – своя или иноземная – присваивает плоды технологических новшеств. А раз так – для инноваций остается открытой узкая тропа, а никак не широкая дорога.

В конце XVIII в. в Китай отправился английский посол лорд Макартни. Он должен был установить с далекой страной дипломатические отношения и проинформировать тамошнюю администрацию о европейских технических достижениях. Вот что отметил в своих записках его секретарь Д. Стаунтон: “В этой стране считают, что все и так отлично и любые усовершенствования излишни или вредны”³⁷⁹.

Чингисхана монгольским ханом Хубилаем, который завершил завоевание Китая в 1279 г.

³⁷⁹ Staunton G. L. *An Authentic Account of Embassy from the King of Great Britain to the Emperor of China (...). Including the Manners and Customs of the Inhabitants and preceded by An Account of the Causes of the Embassy and Voyage to China. Abridged Principally from the Papers of Earl Macartney*. London: J. Stockdale, 1797. XVI, 475.

Глава 5 Иной путь

*Ветер раздует пламя в жаркой крови
аргамака,
Травы сгорят под нами – пыль
и копытный цок.
Твой аргамак узнает, что такое атака!
Бросим робким тропам грохот копыт
в лицо!..*

Олжас Сулейменов³⁸⁰

После зарождения оседлых аграрных цивилизаций в Междуречье и Египте, а затем в Индии, Китае, других частях Евразии в мире на протяжении тысячелетий господствовали характерные для них социальные и экономические формы организации жизни. В мировой экономике преобладало высокопродуктивное для того времени земледелие, обеспечивающее высокую плотность населения и рост его численности.

Однако и в период истории, следующий за неолитическими революциями и предвещающий начало экономического роста, такая форма социальной организации была не единственной. Речь идет не только о сохранявшихся на периферии аграрного мира сообществах охотников, рыбаков и собирателей (специфику их жизненного уклада можно объяснить низким уровнем развития, трудностями освоения передовых аграрных технологий). Интересно другое: длительное и устойчивое сохранение обществ, которые находились в тесном контакте с оседлыми цивилизациями, заимствовали у них технические новшества, в первую очередь в военной сфере, были неотъемлемой частью евразийского мира и вместе с тем по своей социальной организации существенно отличались от соседствующих с ними аграрных цивилизаций. Их социальная структура представляла собой своеобразную аномалию.

§ 1. Специфика горских цивилизаций

Одна из таких форм общественного устройства получила распространение в горных районах. Как правило, там малопродуктивные почвы не давали возможности удовлетворить потребности специализирующейся на насилии, присваивающей прибавочный продукт элиты. Но природные условия позволяли вести кочевое или полукочевое скотоводческое хозяйство³⁸¹. У горцев, как правило, есть постоянное место проживания, но часть года они кочуют со скотом.

Типичный пример установлений горских народов – социально-экономические традиции, сохранившиеся в горных районах Кавказа до конца XIX в. и поэтому хорошо исследованные и документированные. Здесь сочетаются яйлажное скотоводство, составляющее

³⁸⁰ Сулейменов Олжас Омарович (род. в 1936) – поэт, писатель, общественно-политический деятель Казахстана, дипломат. Пишет на русском языке.

³⁸¹ В горных районах охота вытесняется не столько земледелием, сколько перегонным скотоводством (см.: *Северный Кавказ в древности и в Средние века* / Ред. В. И. Марковин. М.: Наука, 1980. С. 12). Преобладание скотоводства над другими видами хозяйства отмечалось, например, всеми наблюдателями, побывавшими в горном Карачае. «Они большей частью занимаются скотоводством, имеют значительные табуны превосходной породы лошадей. Хлебопашество у них неважно, но достаточно для их нужд», – свидетельствует П. Зубов. «Но зато скотоводство развито довольно хорошо и составляет все их богатство», – сообщалось о карачаевцах в Военно-статистическом описании Ставропольской губернии (см.: Невская В. П. *Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период)*. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1960. С. 24).

основу экономической деятельности и доходов³⁸², ограниченное, но дополняющее скотоводческую деятельность земледелие, полуоседлый способ проживания; кочуют со стадами только пастухи, основная же масса населения остается в местах постоянного проживания³⁸³, отсутствует четкая социальная иерархия, характерная для оседлых аграрных обществ³⁸⁴; широко распространены грабежи живущих в предгорье и на равнинах народов³⁸⁵. Они дают доходы, дополняющие хозяйственную деятельность.

Даже освоив земледелие и одомашнив скот, жители гор сохраняют многие характерные для охотничьих народов черты. Сама специфика их занятий заставляет каждого взрослого мужчину, как и в охотничьем сообществе, владеть боевыми навыками³⁸⁶. Здесь нет характерных для земледельческих сообществ стимулов, которые побуждали бы специализироваться на насилии, создавать структуры для изъятия и перераспределения прибавочного продукта в пользу элиты. У горцев трудно что-нибудь отнять, да и отнимать почти нечего. Отсюда эгалитарный, малостратифицированный характер горских сообществ³⁸⁷.

Перечисленные установления горских народов (сочетание яйлажного скотоводства³⁸⁸ с ограниченным использованием земледелия, полуоседлый образ жизни и т. д.), а также сохранение некоторых демократических институтов, отсутствие упорядоченного налогообложения, воинственность никак не могут быть объяснены этническими особенностями народов, живущих в горах. Эти характерные черты четко прослеживаются в литературе, посвященной социально-экономической структуре очень разных в этническом отношении народов: шотландцев, черногорцев, чеченцев, афганских племен высокогорья³⁸⁹.

³⁸² «Кочевники после зимы, проведенной в... степях, где в это время года их стада находят себе пропитание в изобилии, в первые дни мая поднимаются в горы и взбираются выше и выше в зависимости от увеличения летней температуры. Они находят в горах свежую траву для своих стад, прозрачную воду для питья и наслаждаются приятным климатом. К концу августа, когда в высокогорных долинах начинает чувствоваться холод, кочевники начинают движение назад, они начинают спускаться вниз, чтобы к октябрю, когда горы покрываются снегом, вернуться в свои степи, где они зимуют. Эти наблюдения показывают, что закавказских кочевников невозможно приучить к оседлой жизни и что местные условия заставляют их жить в горах летом, когда невозможно жить на равнине, а зимой, когда равнины превращаются в отличные пастбища, они занимают берега Куры и западное побережье Каспийского моря. Кроме того, в этих местах слишком мало пахотных земель для того, чтобы прокормить то количество кочевников, которое здесь обитает» (см.: Бларамберг И. *Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа*. Нальчик, 1999. С. 25).

³⁸³ О сочетании оседлой жизни большей части населения с сезонной миграцией пастухов см.: *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* / Под ред. Б. Б. Пиотровского. М.: Наука, 1988. С. 158–159. Эти формы производственной подвижности пастушеских групп сохраняются и теперь среди обитателей многих горных областей (на Пиренейском полуострове, в Альпах, в Карпатах, на Кавказе) (см.: Чебоксаров Н. Н. *Традиционные культуры народов мира. Страны и народы, Земля и человечество: Общий обзор*. М., 1978. С. 289).

³⁸⁴ О преобладании вольных крестьян-горцев в составе населения Черкесии см. свидетельство Хан-Гирея 40-х годов XIX в. (см.: Покровский М. В. *Адыгейские племена в конце XVIII – первой половине XIX в.* // Кавказский этнографический сборник II. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 140). Об отсутствии сословной стратификации в горных районах Чечни в середине XIX в. см.: Ипполитов А. П. *Этнографические очерки Аргунского округа (с тремя рисунками): Сборник сведений о кавказских горцах*. Вып. 1. Тифлис, 1869. С. 5, 43, 44.

³⁸⁵ О роли грабежей в качестве источника дополнительных доходов афганских горцев см.: Logan J. *The Scottish Gael, or Celtic Manners, as Preserved Among the Highlanders*. Vol. 2. Edinburgh: John Donald Publishers Ltd., 1976. P. 48–50; О широком распространении грабежа как источника доходов у швейцарских горцев см.: Vincent J. M. *Switzerland: At the Beginning of the Sixteenth Century*. New York: AMS Press, 1971. P. 16, 17.

³⁸⁶ О связи традиций воинственных пастухов-горцев с успешным сопротивлением басков арабским завоеваниям см.: Goody J. *The Development of the Family and Marriage in Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 15, 16.

³⁸⁷ Швейцарская конфедерация возникает как содружество трех кантонов, населенных горцами-полукочевниками. Здесь сохраняется малостратифицированное демократическое общество со значительной ролью народного собрания (см.: Vincent J. M. *Switzerland: At the Beginning of the Sixteenth Century*. New York: AMS Press, 1971. P. 7, 8; Sauter M. R. *Switzerland from Earliest Times to the Roman Conquest*. London: Thames and Hudson, 1976). Об отсутствии развитой иерархии у горских народов разных регионов мира см.: Массон В. М., Ромодин В. А. *История Афганистана*. Т. 1. М.: Наука, 1964. С. 19.

³⁸⁸ *Яйлажное скотоводство* – полукочевое отгонное скотоводство со сменой летних и зимних пастбищ. В горных районах летние пастбища высокогорные, зимние – долинные.

³⁸⁹ О характерных чертах социально-экономической организации черногорского общества см.: История южных и западных славян. М., 1979. С. 130, 131, 240, 241; Петрович Р. *Племя кучи 1684–1796*. Белград, 1981. С. 32–37. П. Ровинский,

В обществе охотников предводителем становится тот, кто пользуется авторитетом и может лучше других организовать охоту, у горцев – тот, кто способен возглавить сезонную миграцию, организовать взаимодействие людей, обеспечить сохранность скота. У такого предводителя нет права собирать с соплеменников постоянные налоги. Он, как и все, кормится от своих стад, время от времени получает нерегламентированные дары. Перед живущими на равнине оседлыми народами у горцев есть важное преимущество: они защищены горами и потому малоуязвимы. Поэтому, специализируясь на полукочевом скотоводстве и частично на земледелии, они “подрабатывают” разбоем, грабят живущих в долине крестьян³⁹⁰.

Сложный рельеф местности и полиэтнический характер горского населения затрудняют создание объединений, способных совершать масштабные завоевательные походы³⁹¹. Поэтому горцам редко удавалось завоевывать земледельческие народы. Но регулярные набеги горских племен и грабежи характерны для всей истории аграрных цивилизаций со времен Шумера³⁹².

§ 2. Историческая судьба кочевого скотоводства

Уклад полукочевников#горцев – существенный элемент в истории евразийских сообществ, но все же частность, своеобразное исключение. А вот многовековое существование особой социально-экономической структуры, связанной со степным кочевым скотоводством, стало важнейшим фактором, повлиявшим на развитие цивилизаций Евразии в течение последних трех тысячелетий³⁹³.

автор фундаментальной работы по истории Черногории, цитирует один из дошедших до нас документов, характеризующий отношение черногорцев к свободе: “Мы не желаем поступать в подданные отношения и будем защищать свободу, завещанную нам в наследство нашими предками, до последней крайности, готовые скорее умереть с саблем в руке, чем сделаться низкими рабами какого бы то ни было государства...” Он же обращает внимание на сходство борьбы за независимость черногорцев и швейцарских горцев (см.: Ровинский П. *Черногория в ее прошлом и настоящем*. СПб., 1888. С. 333). Наблюдатели обращали внимание на отсутствие государственности на Северном Кавказе, привычку северокавказских народов к свободе, необычную для аграрного мира (см.: Бэрзедж Н. *Изгнания черкесов (причины и последствия)*. Майкоп, 1996. С. 84–86). О пастушеском полукочевом образе жизни горных племен Афганистана, их свободолобии и воинской доблести см.: Wilber D. N. *Afghanistan: Its People, Its Society, Its Culture*. New Hawen: Hraf Press, 1962.

³⁹⁰ “...Горные хребты – это естественные крепости, каменная почва которых дает мало средств к существованию, но которые взамен предоставляют все возможности для сокрытия добычи и спасения от преследователей, всегда были и будут пристанищем воинственных племен... Горцы отправляются в поход, как на охоту, и добыча, которую он захватывает с риском для жизни, есть плата за его усилия и является предметом его гордости и стимулом к дальнейшим действиям. Намерение убедить горца, который наподобие орла видит в девственной природе лишь добычу и врагов, что разбой – это постыдный порок, равноценно желанию укунить Луну” (см.: Бларамберг И. *Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа*. С. 27, 28).

³⁹¹ Еще ученый античного периода Страбон обращал внимание на полиэтничность горцев Кавказа: “Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости” (см.: Страбон. *География*. М.: Ладомир, 1994. С. 472 (XI. Гл. II, 16)). Султан Бабур, сообщая о своих впечатлениях от общения с афганскими горцами, говорит, что “такого разнообразия племен и различия языков не известно ни в одном другом вилайете” (см.: *Бабернамэ, или Записки Султана Бабера*. Казань, 1857. С. 161). (Вилайет – основная административно-территориальная единица в некоторых странах Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока. – *Прим. ред.*)

³⁹² О набегах кочевников#горцев в истории Ближнего Востока см.: Першиц А. И., Шнирельман В. А. *Война и мир в ранней истории человечества*. Т. 2. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. С. 152; Twitchett D., Loewe M. (eds.). *The Cambridge History of China*. Vol. 1. The Chin and Han Empires, 221 B. C. – A. D. 220. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 335. О грабителях по призванию – горцах острова Хайнань см.: Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Т. 3: *Время мира*. М.: Прогресс, 1992. С. 34.

³⁹³ Впрочем, горский уклад жизни и степное, кочевое скотоводство иногда тесно переплетались. В отличие от арабов, которые не сумели освоить яллагное скотоводство и потому не освоили предгорья и горы, турки сумели сочетать скотоводство в степях и полупустынях с горским образом жизни (см.: Holt P. M., coll_1, Lewis B. (eds.). *The Cambridge History of Islam*. Vol. 2B. Islamic Society and Civilization. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 448–452).

На Евразийском континенте и в Северной Африке начиная с шумерского периода шел, по современным представлениям, медленный, но постоянный обмен институтами, технологиями, инновациями. Остальная Африка, Америка, Австралия, удаленные от центра аграрного мира, существенно отставали в своем развитии. Именно поэтому происходящее в Евразии столь важно для понимания аграрной истории³⁹⁴.

Переход к земледелию на первых порах неблагоприятно воздействовал на здоровье людей. Палеоантропологические данные показывают, что в это время средняя продолжительность жизни нередко падала³⁹⁵. Растительная пища, которая стала основой ежедневного рациона, была бедна белками, не содержала некоторых витаминов, необходимых для нормального развития человека. Все это создавало неблагоприятную эпидемиологическую обстановку, повышало уровень смертности. Поэтому во многих районах мира охота и рыболовство сохраняли значение и в раннеземледельческий период. Но стратегическое решение проблемы недостатка белков животного происхождения требовало перехода к domestikации животных и развитию скотоводства, последовательного отказа от образа жизни, основанного на присваивающем хозяйстве³⁹⁶.

Широкое распространение получило представление о том, что индоарии с самого начала были пастушеским народом, что специализированное кочевое скотоводство является естественной стадией между охотой и собирательством и оседлым земледелием³⁹⁷. Оно характерно для европейской традиции еще со времен античности³⁹⁸.

Работы, выполненные во второй половине XX в., показали, что специализированное кочевое скотоводство возникает лишь постепенно из симбиоза земледельческой и скотоводческой деятельности, присущих раннему неолиту³⁹⁹. В начале неолитической революции, в период подсечно-огневого земледелия еще нет четкого разделения народов на оседлые, занятые земледелием, и кочевые, специализирующиеся на скотоводстве. И те и другие мигрируют, ведут жизнь полукочевников. Со временем – по мере развития оседлого земледелия в крупных центрах цивилизации и становления кочевого скотоводства – эти пути расходятся⁴⁰⁰.

В широкой зоне евразийских степей распространение подвижных форм скотоводства относят к эпохе бронзы, 3-му – началу 2-го тысячелетия до н. э. В это время идет процесс разделения на более оседлых и более подвижных скотоводов. Собственно кочевое скотоводство развивается из характерного для бронзового века горно-степного образа жизни, для которого свойственно оседлое комплексное хозяйство, сочетающее мотыжное земледелие и скотоводство. На рубеже 2-го и 1-го тысячелетий до н. э., в конце эпохи бронзы –

³⁹⁴ Diamond J. M. *Guns, Germs and Steel: The Fates of Human Societies*. New York; London: W. W. Norton & Company, 1997.

³⁹⁵ Cohen M. N., Armelagos G. I. (eds.). *Paleopathology at the Origins of Agriculture*. New York: Academic Press, 1984.

³⁹⁶ См.: Шнирельман В. А. *Возникновение производящего хозяйства*. М.: Наука, 1989. С. 395.

³⁹⁷ Слово “конь” индоевропейского происхождения. Это относится к древнеиндийскому, древнеиранскому, греческому, фракийскому, латинскому, кельтскому и другим индоевропейским языкам. Среди всех индоариев был распространен культ коня (см.: Ковалевская В. Б. *Конь и всадник. Пути и судьбы*. М.: Наука, 1977. С. 29; Абаев В. И. *К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов* // Древний Восток и античный мир. М., 1972; Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. *От Скифии до Индии*. М., 1974). Связь передвижения индоариев с навыками управления лошадьми и колесницами впервые была отмечена Б. Грозны в работе: Hrozny B. *L'entraînement des chevaux chez les anciens Indo-Européens d'après un texte mitannien-hittite provenant du 14 siècle av. J. Ch.* // Archiv orientální, Journal of the Czechoslovak Oriental Institute. Prague. Vol. III. № 2. 1931.

³⁹⁸ См.: Варрон, Катон, Колумелла, Плиний. *О сельском хозяйстве*. М.; Л.: Сельхозиздат, 1957. С. 120–125.

³⁹⁹ См.: Жданко Г. А. *Проблемы полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана* // Советская этнография. 1961. № 2; Шнирельман В. А. *Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема)*. М.: Наука, 1980. С. 216.

⁴⁰⁰ В целом в Евразии переход к производящему хозяйству шел через создание комплексных сообществ, включающих земледелие и разведение скота и оседлый образ жизни. Лишь постепенно в ряде приспособленных для интенсивного образа жизни регионов усиливается специализация на скотоводстве, происходит переход к кочевничеству (см.: Cosmo N. *Ancient China and its Enemies. The Rise of Nomadic Power in East Asian History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 22–24).

начале железного века, хозяйства многих племен горно-степной полосы становятся более подвижными, приобретают кочевой скотоводческий облик⁴⁰¹. Открытие железа к концу 2#го тысячелетия до н. э., его применение при изготовлении пахотных орудий расширили в Европе зону пашенного земледелия и в то же время способствовали дальнейшей специализации на скотоводстве в зоне полупустынь и степей Евразии, увеличили диапазон перекочевков и повысили подвижность скотоводческого неоседлого населения⁴⁰². С этого времени социальная организация кочевников радикально отличается от установлений оседлых народов.

Приручение лошади и верблюда⁴⁰³, овладение навыками верховой езды открывают дорогу формированию своеобразного хозяйственного уклада, получившего широкое распространение в полосе евразийских степей, на Аравийском полуострове, в Северной Африке, – степного, кочевого скотоводства⁴⁰⁴. Наряду с верблюдом и лошадей овца – животное, приспособленное к дальним перекочевкам, одомашнивание которого создает предпосылки для массового распространения специализированного кочевого скотоводства⁴⁰⁵. Масовое разведение домашних животных в азиатских степях и предгорьях начинается в первые столетия 1#го тысячелетия до н. э., в так называемое позднеандроновское и предскифское время. Большинство скотоводческих племен степей Евразии вело полукочевой образ жизни. Кочевые племена, в течение круглого года передвигавшиеся с места на место и не имевшие постоянной оседлости, являлись исключением⁴⁰⁶. Как и у кочевников#горцев, здесь производственные и военные навыки совпадают, каждый мужчина – воин. Принципиальное отличие заключено в том, что степные просторы позволяют прокормить больше людей, чем горные территории. Степное кочевое скотоводство в меньшей степени, чем горное, может сочетаться с земледелием, даже если последнее культивируется в ограниченных масштабах⁴⁰⁷. Степняки-кочевники неизбежно вступают в контакты с земледельческими народами

⁴⁰¹ См.: Марков Г. Е. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественная организация*. М., 1976. С. 14–18, 30.

⁴⁰² Андрианов Б. В. *Неоседлое население мира*. М., 1985. С. 15. О процессе дифференциации производящего хозяйства на оседлые группы, специализирующиеся на земледелии, и подвижные, специализирующиеся на скотоводстве, см. также: Массон В. М. *Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии)*. Л., 1976. С. 61.

⁴⁰³ Наиболее ранние документы, сообщающие о верховой езде на лошадях, происходят из Передней Азии и относятся к первой половине 2#го тысячелетия н. э. (см.: Ковалевская В. *Конь и всадник. Пути и судьбы*. М., 1977. С. 35, 36). Классические работы, посвященные истории одомашнивания лошади, принадлежат перу В. О. Ковалевского (см.: Ковалевский В. О. *Палеонтология лошадей*. М., 1948; Он же. *Собрание научных трудов*. Т. 1. М., 1950; Т. 2. М., 1956). Транспортное использование верблюдов, по дошедшим до нас данным, начинается с конца 3#го тысячелетия до н. э. (см.: Bulliet R. W. *The Camel and the Wheel*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1975. P. 66, 67).

⁴⁰⁴ О распространении кочевой животноводческой культуры в Евразии от Маньчжурии до Дуная со 2#го тысячелетия н. э. см.: Cosmo N. *Ancient China and its Enemies. The Rise of Nomadic Power in East Asian History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 14. Историки делают различие между народами, ведущими собственно кочевое хозяйство, где со стадами мигрирует все население, и пастушескими народами, в которых со стадами мигрируют пастухи, а остальная часть сообщества живет оседло. С точки зрения характеристик кочевого общества это различие не имеет принципиального значения. И там, и там основные производственные и военные функции слиты воедино (см.: Першиц А. И. *Война и мир в ранней истории человечества*. Т. 2. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. С. 132).

⁴⁰⁵ “Свинья никогда и ни при каких обстоятельствах не была животным, разводимым кочевником. Последнее объясняется неспособностью к передвижению поросят в течение долгого времени после появления их на свет” (см.: Руденко С. И. *Материалы по отделению этнографии*. Ч. 1: Доклады за 1958–1961 гг. Л., 1961. С. 4). Возможно, в этом основа жесткого табуирования потребления мяса свиньи в пищу у пастушеских народов.

⁴⁰⁶ См.: Руденко С. И. *Материалы по отделению этнографии*. Ч. 1: Доклады за 1958–1961 гг. С. 5, 10.

⁴⁰⁷ Еще А. Марцеллин, последний из классических историков Рима, отмечает, что гунны не занимаются хлебопашеством. Он пишет: “Никто из них не пашет и никогда не коснулся сохи” (см.: Марцеллин А. *Римская история*. СПб.: Алетей, 2000. С. 492). Представление о занятии земледелием как признаке несвободы, рабства – база распространения во многих кочевых обществах табуирования занятия растениеводством. Следы этого влияния мы видим в России на Дону в ранний период его освоения русскими переселенцами. Занятие земледелием считалось несовместимым со статусом казака. “Казаки брались за плуг лишь в том случае, когда хозяйство лишалось скота. Полученный урожай немедленно выменивался на скот, а земледелие забрасывалось” (см.: Марков Г. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 139, 140). Важнейшими направлениями хозяйственной деятельности казаков было рыболовство

для обмена продукцией. Степь облегчает коммуникации и образование широких племенных союзов, способных защитить торговые пути от разбоя⁴⁰⁸. Столетиями торговые связи между удаленными друг от друга сообществами прокладывались через пустыни и степи⁴⁰⁹. Для оседлого земледельческого населения дальняя торговля мало совместима с основным занятием. У кочевников это естественная часть жизни. Великий шелковый путь, связавший Китай с миром Средиземноморья, становится одним из важнейших средств торгового и культурного обмена в евразийском мире⁴¹⁰. С начала 1-го тысячелетия н. э. арабская караванная торговля – органичная составная часть международных связей: Индии – с Ближним Востоком и Европой. Не случайно столь позитивно относится к торговле ислам – мировая религия, с которой тесно связана история сообщества кочевников-скотоводов⁴¹¹.

Мекка была торговой республикой, управляемой синдикатом богатых предпринимателей. Ее институты не были заимствованы у античного мира. Курьяши, составлявшие основу торговой элиты Мекки, лишь недавно оставили кочевничество, и их идеалы были кочевыми – максимум индивидуальной свободы, минимум публичной власти. Та власть, которая существовала, была городским эквивалентом племенных собраний, состоящих из глав семей, избранных по принципу богатства и репутации. Власть была чисто моральной⁴¹².

Дальние торговые связи через степи и пустыни возможны не всегда. Иногда на эти пути накатывают волны межплеменных столкновений. Но стимулы к торговле сильнее войн. Караванам нужна охрана, а за нее надо платить. Доходы от торговли увеличивают не слишком богатые ресурсы степных кочевников. Дальняя торговля органически дополняет обмен между ними и оседлыми народами⁴¹³.

Регулярные войны Византии с Ираном, попытки последнего контролировать торговлю Византии с Китаем были фактором, стимулирующим развитие дальней караванной торговли через Аравийский полуостров, связывавший Индию и Византию⁴¹⁴. То, что торговля была

и коневодство (см.: Вернадский Г. В. *Московское царство*. Ч. 1. М.; Тверь: Леан Аграф, 1997. С. 15, 16).

⁴⁰⁸ Плата за охрану караванов была элементом системы доходов горских народов (см.: Искандаров Б. И. *Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств (X – первая половина XIX в.)*. Душанбе: Дониш, 1983. С. 156). Но роль ее была существенно меньше, чем у степных кочевников.

⁴⁰⁹ О сочетании широкого развития торговли на дальние расстояния, кочевого скотоводства и пренебрежения к оседлому земледелию см.: Holt P. M., Lambton A. K. S., Lewis B. (eds.). *The Cambridge History of Islam*. Vol. 2B. *Islamic Society and Civilization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 445–447.

⁴¹⁰ Термин “шелковый путь” был введен в научный оборот немецким географом Фердинандом фон Рихтгофеном в его работе, опубликованной в 1877 году. Так автор назвал связи Востока и Запада, шедшие через степи Евразии (см.: Richthofen F. von. *China. Ergebnisse Eigener Reisen Und Darauf Gegründeter Studien. Bd 1–5*. Berlin, 1877–1912). Современные исследователи время начала торговли по “шелковому пути” относят к 1-му тысячелетию до н. э. (см.: Лубо-Лесниченко Е. *Китай на “шелковом пути”*. М., 1994. С. 5).

⁴¹¹ “О, вы, которые уверовали! Не указывайте ли вам мне на торговлю, которая спасет вас от мучительного наказания?” (см.: *Коран* / Пер. с араб. акад. И. Ю. Крачковского. М.: Раритет, 1990. Сура 61. Стих 10. С. 444). Сура 83 специально посвящена торговцам, обвешивающим покупателей, и вредоносности такой практики (см.: *Коран* / Пер. с араб. акад. И. Ю. Крачковского. Сура 83. С. 480–482). Мухаммед, уже выступая вероучителем, продолжает заниматься торговлей. “Курейшиты, подвергая сомнению его пророческую миссию, с насмешкой говорили ему: «Какой же ты пророк! Ты ходишь по рынкам, как самый последний из нас»”. Как полагают, ответом на это является стих Корана, в котором Аллах говорит: “И до тебя мы не посылали посланников, которые бы не ели пищи и не ходили по рынкам” (см.: Беляев Е. А. *Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее Средневековье*. М.: Наука, 1966. С. 106). “Некоторые взгляды Пророка на экономические проблемы... позволили бы ему стать членом общества Монпелерин. Когда его попросили в трудные времена зафиксировать цены на зерно, он ответил: «Только Бог может фиксировать цены»” (см.: Hicks J. *A Theory of Economic History*. London; Oxford; New York: Oxford University Press, 1969. P. 72). 60 % мусульманских теологов были купцами. Треть из них специализировалась на торговле текстильными изделиями (см.: Lal D. *Unintended Consequences: the Impact of Factor Endowments, Culture and Politics on Long-Run Economic Performance*. Cambridge, Massachusetts; London: The MIT Press, 1998. P. 56).

⁴¹² Lewis B. *The Arabs in History*. London: Hutchinson's University Library, 1950. P. 34–35.

⁴¹³ После монгольских завоеваний в Китае, Средней Азии, на Ближнем Востоке, в России караванная торговля между Передней Азией и Китаем получила развитие, которого никогда не имела – ни раньше, ни после этого периода (см.: Бартольд В. В. *Культура мусульманства*. М.: Леном, 1998. С. 90).

⁴¹⁴ Беляев Е. А. *Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее Средневековье*. М., 1966. С. 6–9. О роли Мекки в системе

глубоко встроена в ткань арабских традиций, стало важным фактором сохранения арабами своей идентичности после завоеваний VII–IX вв., их мощного этнографического влияния на население более развитых регионов, таких как Сирия, Месопотамия, Египет. Победа арабского языка не была результатом действия властей. Во многих случаях христианам запрещалось говорить по-арабски, учить своих детей в мусульманских школах. Тем не менее ислам сделался религией большинства. Даже та часть населения, которая не приняла ислам, приняла арабский язык. В. Бартольд связывает это с тем, что “за арабом-воином следовал араб-горожанин, которому и принадлежит главная заслуга в деле укрепления арабской национальности в покоренных странах”⁴¹⁵. Хозяйство оседлого земледельца в основном носит натуральный характер. В истории аграрных обществ лишь изредка отмечаются периоды, когда производство земледельческой продукции на продажу становится массовым, а потребление крестьянина зависит от рынка. Что касается кочевников, то удовлетворение многих их жизненных потребностей связано с обменом, с торговлей. Одно лишь специализированное животноводческое производство – без продукции растениеводства, без изделий ремесленников – не может обеспечить кочевое сообщество. Если индийская община способна удовлетворять свои потребности в ремесленных изделиях на основе внутриобщинного обмена и взаимопомощи, то степным кочевникам необходимы оружие, сбруя, ткани и многое другое, что они могут получить только с помощью торговли, причем чаще всего дальней.

Традиционная структура кочевого общества построена на кланах, среди которых есть господствующие и подчиненные. Иерархия кланов основана не столько на происхождении, сколько на военной мощи, способности управлять миграцией сообщества среди враждебного окружения. С укреплением межплеменной конфедерации клановая структура сохраняется, однако возрастает влияние военной аристократии. Тесная связь социальной стратификации с силой, воинским искусством и агрессивностью – характерная черта кочевых сообществ⁴¹⁶.

Историк и мыслитель Ибн Халдун, живший и работавший в XIV в., считал, что период, в течение которого кочевой род сохраняет претензии на знатность, обычно не превышает четырех поколений. Это утверждение относится к тем конструкциям, которые М. Вебер называл “идеальными моделями”⁴¹⁷. Однако в устах проницательного исследователя жизни кочевников, знакомого с ней не по историческим источникам, – это яркое свидетельство неустойчивости иерархии в кочевых обществах.

Как и горцы, степные кочевники мобильны⁴¹⁸, в их сообществах роли пастуха и воина слиты воедино. Навыки, необходимые для охоты, военных действий и миграции в степи, близки. И еще одно важное сходство степняков и горцев: у тех и других нельзя изъять существенный объем прибавочного продукта. Все это препятствует формированию стратифицированного общества⁴¹⁹. Ибн Халдун в своей классической работе “Введение в историю”

караванной торговли на Ближнем Востоке и специфике ее политической организации как аристократической торговли республики см.: Simonsen J. B. *Mecca and Medina City-State or Arab Caravan-Cities?* / M. H. Hansen (ed.). *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures*. Copenhagen: The Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 2000. P. 241–249.

⁴¹⁵ Бартольд В. В. *Культура мусульманства*. М.: Ленон, 1998. С. 31.

⁴¹⁶ Kwanten L. *A History of Central Asia, 500–1500. Imperial Nomads*. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 1979. P. 186–188.

⁴¹⁷ Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. London; New York: Routledge, 1995. P. 71.

⁴¹⁸ Кочевники не любят стационарности. Они считают ее признаком уязвимости, потенциального рабства. У татар существует поговорка “Чтоб тебе, как христианину, оставаться всегда на одном месте” (см.: Меховский М. *Трактат о двух сарматиях*. М., 1973. С. 213).

⁴¹⁹ О связи специфики социальной организации кочевого скотоводства с большей мобильностью, меньшей уязвимостью тех, кто им занимается, по сравнению с жителями аграрных цивилизаций см.: Gelner E. *Muslim Society*. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1981. P. 20. Г. Марков обращает внимание на то, что в отличие от аграрных обществ, где формирование государственных институтов является неизбежным феноменом, для пастухов-кочевников периоды “общинно-кочевого” и “военно-кочевого” строя, формирования и распада государ-

подробно описал, почему кочевники-скотоводы более воинственны, чем оседлые земледельческие народы, объяснил причины, по которым в их среде значительно меньше закреплены иерархия, устойчивые формы государственности и налогообложения⁴²⁰.

У степняков-кочевников, как правило, нет прямых налогов⁴²¹. Есть иерархия, основанная на авторитете, умении организовать далекие переходы и успешные набеги. Есть имущественная дифференциация – в первую очередь по численности принадлежащего семье стада. Но кочевое общество, в отличие от земледельческого, не делится на платящее подати большинство и привилегированную элиту, которая присваивает прибавочный продукт, взимает налоги и специализируется на насилии⁴²². В степи то и дело формируются крупные межплеменные союзы. Это требует координации действий. Однако до создания устойчивой администрации, которая вводит упорядоченную систему налогообложения, использует письменность, дело доходит редко. Такое случается, когда кочевники покоряют земледельческие народы.

Речь не идет о переходном процессе, когда социальная структура, характерная для присваивающего общества, разлагается, а на ее месте формируется новое стратифицированное общество. И кочевые племена, взаимодействующие с оседлыми народами, и аграрные цивилизации, тысячелетиями сохранявшие свои социальные формы, не демонстрируют тенденций к глубоким переменам.

В сообществах скотоводов-кочевников складываются принципиально иные, устойчивые общественные и экономические отношения, отличные от структур аграрного общества и в то же время остающиеся на присущем ему уровне технологических знаний.

На развитие событий в аграрном мире оказала влияние характерная для него асимметрия: несоответствие экономической продуктивности общества, производственного развития, масштабов экономической деятельности, с одной стороны, и его способности к организации насилия – с другой. Нигде эта черта не проявляется ярче, чем в многовековой истории отношений оседлых народов и степных кочевников между началом 1-го тысячелетия до н. э. и серединой 2-го тысячелетия н. э. Для степных кочевников оседлое население – своеобразный вид дичи, нападение на него – охота. Высокий экономический уровень оседлых цивилизаций делает их соблазнительной добычей для кочевников, но не гарантирует надежной защиты от них. Лишь после овладения порохом экономическая мощь оседлых народов дает им очевидные преимущества перед степняками. А пока совершенное искусство верховой

ственных образований регулярно сменяют друг друга (см.: Марков Г. Е. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. М., 1976).

⁴²⁰ Khaldun Ibn. *The Muqaddiman. An Introduction to History*. In Three Volumes. London: Routledge & Kegan Paul. Vol. I. 1958. P. 250, 257, 258, 282, 306.

⁴²¹ «Вмешательство предводителей кочевых обществ во внутреннюю экономическую жизнь было очень незначительным и не могло идти ни в какое сравнение с многочисленными управленческими обязанностями правителей оседло-земледельческих обществ. В силу этого власть предводителей степных обществ не могла развиваться до формализованного уровня на основе регулярного налогообложения скотоводов» (см.: Крадин Н. Н. *Имперская конфедерация хунну: Социальная организация суперсложного вождества*. СПб., 2000. С. 199). Об отсутствии упорядоченных налогов в кочевых обществах, зависимости доходов их правителей от дани с оседлых народов или подарков см.: Марков Г. Е. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. С. 304, 305.

⁴²² Об отсутствии развитой социальной иерархии у арабов до возникновения ислама и арабских завоеваний на Ближнем Востоке, в Северной Африке см.: Crone P. *The Rise of Islam in the World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 2. Описание того, почему кочевое скотоводство делает трудной организацию иерархизованного общества, разделенного на привилегированную знать и бесправное большинство, можно найти в классической работе Ибн Халдуна (см.: Khaldun Ibn. *The Muqaddiman. An Introduction to History*. In Three Volumes. Vol. I. London: Routledge & Kegan Paul, 1958). Об ухуаньских кочевниках китайские хроники сообщают, что «от старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение» (см.: Руденко С. И. *Материалы по отделению этнографии*. Ч. 1: Доклады за 1958–1961 гг. С. 14).

езды и стрельбы из лука верхом – козырь легкой кавалерии кочевников в сражениях с войсками оседлых народов.

Из крупных цивилизаций наиболее уязвим для кочевников был Китай из-за своей относительной близости к евразийским степям. Но мобильные степные орды проникали даже в защищенную от них горами Индию. Наилучшая политика оседлого государства, которая позволяла ограничить давление степи, – испытанный метод “разделяй и властвуй”, разжигание среди кочевников внутренних конфликтов с помощью даров и подкупа. Пример удачного проведения такой политики – эволюция отношений Китая эпохи Хань с кочевым народом хунну во II–I вв. до н. э.

Аграрные империи, наиболее близко расположенные к территориям массового расселения кочевников, – Иран, государства Средней Азии, Китай – на протяжении десятков веков пытаются компенсировать военные преимущества агрессивных соседей, создавая новые, более совершенные виды оружия с применением передовых (по тому времени) технологий. Одна из самых серьезных инноваций – появление тяжелой конницы, способной противостоять степной кавалерии. Но вплоть до изобретения пороха военное преимущество оставалось за степью. Одна угроза, что неожиданно вторгшиеся мобильные группы могут за время короткого рейда сжечь посеы и перебить мирных крестьян, заставляла аграрные империи отказываться от неэффективных ответных карательных экспедиций и договариваться со степняками.

Чаще всего оседлое аграрное государство платило кочевникам дань за отказ от набегов. Чтобы сохранить лицо, правители империи нередко представляли эту дань как обмен подарками. Так было после поражения первого императора династии Хань от степного объединения хунну в III в. до н. э. Распространены были и прямые выплаты дани. Даже в XVIII в. Россия регулярно платила крымским татарам откуп за отказ от набегов на ее южные границы. Впрочем, от формы выплат суть экономических отношений не менялась. Наряду со скотоводством и дальней торговлей существенным ресурсом степных кочевников оставалась присваиваемая ими часть прибавочного продукта, созданного в оседлых аграрных государствах. По сути дела это все то же насилие по отношению к крестьянам. Лишь формы присвоения здесь иные – опосредованные местной элитой и налоговым аппаратом аграрных цивилизаций.

Для оседлых народов соседство с кочевниками неизбежно приводит к росту налоговой нагрузки. Независимо от формы обложения – будь это узаконенные налоги или прямые грабежи, собираемая дань или дополнительные сборы для организации отпора кочевникам, подарки степнякам или средства на содержание новой кочевой элиты – суть одна: возрастающее экономическое давление на оседлое сообщество, прежде всего на его сельскохозяйственное большинство.

Наряду с регулярными многовековыми отношениями оседлого населения и кочевников, торговлей и выплатой дани в евразийской истории было немало эпизодов, когда массы степных народов вторгались на территории аграрных государств, громили их армии, сметали старые элиты и вместо них создавали свои – тоже специализирующиеся на насилии, присваивающие прибавочный продукт.

Когда и по каким причинам возникают предпосылки для масштабных нашествий степных народов, в какой степени возможность нашествий и завоеваний зависит от внутренних процессов в степи и в какой – от ослабления аграрных государств в ходе династических циклов, – темы многолетних дискуссий. С точки зрения логики функционирования аграрного общества важно, что сама угроза завоеваний заставляет аграрные цивилизации мобилизовать ресурсы на нужды обороны, не позволяет элитам ограничивать налоговое бремя на крестьянство. Даже в тех государствах, где правители не отличались особой хищностью,

не стремились выжимать из крестьян последнее, исходящая из степи угроза заставляла отбирать у земледельцев максимум возможного.

Еще одно важное направление, где взаимодействие со степью оказало влияние на функционирование всего аграрного мира, – смена элит, ломка социальной организации. Победоносные нашествия кочевников приводили не только к разрушению городов, гибели миллионов людей, сокращению населения, разрушению инфраструктуры, но и к насильственному смещению правящей элиты, разрушению традиционных механизмов, которые ограничивали изъятие ресурсов у земледельцев, предотвращали разорение деревень, бегство крестьян с земли⁴²³.

Мы отмечали, что после падения империи Сун и возникновения династии Юань прекратилось характерное для периода Сун ускорение экономического роста. Какую роль сыграли при этом финансовое перенапряжение империи, разрушение и ломка социальной структуры – вопрос дискуссионный, но то обстоятельство, что достаточно необычная и хрупкая в условиях аграрного общества тенденция к ускоренному росту душевого валового продукта, к массовому внедрению инноваций прервалась именно после завоевания, вряд ли является случайным⁴²⁴.

Ф. Бродель справедливо отмечает: “Общество принимало предшествующие капитализму явления тогда, когда, будучи тем или иным образом иерархизовано, оно благоприятствовало долговечности генеалогических линий и тому постоянному накоплению, без которого ничего не стало бы возможным. Нужно было, чтобы наследства передавались, чтобы наследуемые имущества увеличивались; чтобы свободно заключались выгодные союзы; чтобы общество разделилось на группы, из которых какие-то будут господствующими или потенциально господствующими; чтобы оно было ступенчатым, где социальное возвышение было бы если и не легким, то по крайней мере возможным. Все это предполагало долгое, очень долгое предварительное вызревание”⁴²⁵. В других аграрных цивилизациях Евразии регулярные вторжения кочевников перемешивали социальную структуру общества, не позволяли сформироваться тем династическим линиям, которые были характерны для Западной Европы.

Завоевав аграрное государство, новая элита из кочевников должна была предпринимать действия, направленные на придание устойчивости своей власти. Рано или поздно ей приходилось восстанавливать упорядоченную систему изъятия прибавочного продукта у земледельцев, учитывающую ограничения налоговых изъятий, характерные для стабильных аграрных обществ. Если победившие кочевники продолжали относиться к оседлому населению как к охотничьему трофею, объекту вымогательства и грабежа, их господство оказывалось недолгим⁴²⁶.

Елюй Чуцай, один из китайских советников Чингисхана, задолго до окончательного покорения Китая говорил: “Хотя мы империю получили сидя на лошади, но управлять ею

⁴²³ Характерный пример – Иран после монгольского завоевания при Ильханидах. Здесь грабежи, чрезмерные налоги приводят в XIII в. к массовому разорению крестьян и эрозии доходов казны. К началу XIV в. они сокращаются до 1/5 от того, что собиралось до монгольского завоевания (см.: Boyle J. A. (ed.). *The History of Iran*. Vol. 5. *The Socio-Economic Condition of Iran Under the Il-Khans*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 490, 491).

⁴²⁴ Jones E. L. *The Real Question about China: Why Was the Song Economic Achievement not Repeated?* // Australian Economic History Review. 1990. 30/2. P. 5–7.

⁴²⁵ Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Т. 2: Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. С. 610.

⁴²⁶ Типичный пример такого развития событий в ханстве У. Чагатай в XIII в. н. э. Здесь и после завоевания степняки вместо введения регулярной системы налогообложения нередко взимали с покоренных среднеазиатских городов единовременные выкупы за отказ от осады городов и грабежей сельского населения (см.: Kwanten L. A. *History of Central Asia 500–1500. Imperial Nomads*. University of Pennsylvania Press, 1979. P. 172).

сидя на лошади невозможно”⁴²⁷. Победителям пришлось спешиться и заняться управлением покоренными государствами. В Китае довольно быстро восстанавливается традиционная китайская система налогового администрирования. В Иране упорядочение системы изъятий прибавочного продукта заняло больше времени. Это происходит лишь в начале XIV в., после налоговой реформы Хасана⁴²⁸. Сама логика устройства аграрного государства, специализация меньшинства его населения на насилии, уязвимость крестьянского хозяйства, необходимость контроля за уровнем налогообложения, риски, связанные с переобложением, заставляют бывших кочевников-степняков на протяжении исторически короткого времени – жизни одного-двух поколений – восстанавливать или воссоздавать институты, характерные для аграрных цивилизаций до их завоевания.

Еще одно последствие завоеваний – радикальное изменение в положении самой кочевой элиты, пришедшей к управлению земледельческим государством. До его завоевания степное сообщество малостратифицировано, воины-кочевники налогов не платят. Теперь они стали правящей верхушкой, стоящей над многократно превышающей ее по численности крестьянской массой. Это положение порождает две диаметрально противоположные тенденции. Предводитель межплеменной конфедерации, удачливый военачальник заинтересован в воссоздании характерной для аграрного общества жесткой иерархии. Большинство его сподвижников, напротив, стремятся сохранить элементы привычной кочевому обществу военной демократии⁴²⁹. Там, где побеждает первая тенденция, возникает централизованная империя, в которой кочевая элита получает набор привилегий. Если сильнее оказывается вторая тенденция, формируются феодальные режимы с характерной для них децентрализованной системой изъятия прибавочного продукта и организацией насилия. Сохранить старые институты нестратифицированного общества кочевников в обоих случаях оказывалось невозможно.

Радикальное изменение стиля жизни – переход от кочевой жизни в степи к оседлости, отказ от кочевого скотоводства как основного занятия – влияет на потомков бывших кочевников, кардинально изменяет их установки: утрачиваются навыки, связанные с кочевой жизнью, скотоводством, набегами на соседей. Несмотря на усилия правящей верхушки сохранить их, время берет свое. История дает нам много примеров постепенного упадка боевых навыков среди кочевников, некогда завоевавших аграрную империю. Теперь у них другой баланс стимулов. Набеги соседей из степи на крестьян, производящих для осевшей на землю новой элиты прибавочный продукт, подрывают налоговую базу аграрного государства. Утратив мобильность, растеряв свои прежние военные преимущества, они через несколько поколений оказываются в том же положении, что и аграрные государства перед завоеванием и падением, испытывают такое же давление со стороны степи.

Степные завоевания регулярно “перепахивают” социальные структуры аграрных цивилизаций. Но и в зонах оседлого земледелия, и в степи организация этих структур в своих основных чертах остается неизменной. Две части евразийского мира сосуществуют рядом, торгуют и воюют друг с другом на протяжении десятков веков. Мир степных кочевников-скотоводов взаимодействует с миром аграрных земледельческих цивилизаций, оказывает серьезное влияние на его жизнь и развитие, но сам по себе не порождает долгосрочных

⁴²⁷ Конрад Н. И. *Избр. труды. История*. С. 424.

⁴²⁸ Узун-Хасан правил в 1453–1478 гг. государством Ак-Коюнлу, включавшим в период расцвета Западный Иран, Ирак, Армению, Иранский Азербайджан и некоторые другие земли. В результате его налоговой реформы был упорядочен свод налоговых податей и установлены четкие фиксированные ставки всех податей и налогов.

⁴²⁹ Подобный конфликт интересов – сохранять кочевые традиции при максимальной эксплуатации покоренного населения или восстанавливать централизованное государство в соответствии с традициями, существовавшими в земледельческом государстве до его завоевания, – характерен, например, для Ирана периода Ильханидов (см.: Boyle J. A. (ed.). *The History of Iran*. Vol. 5. *The Socio-Economic Condition of Iran Under the Il-Khans*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 492, 493).

динамических процессов, сил, способных устранить характерные для аграрных цивилизаций преграды на пути ускорения экономического роста.

Глава 6

Феномен античности

*Ветер от стен Илиона привел нас ко граду киконув, / Исмару;
град мы разрушили, жителей всех истребили. / Жен сохранивши
и всяких сокровищ награбивши много, / Стали добычу делить мы, чтоб
каждый мог взять свой участок.*

Гомер. Одиссея. IX. 39–42

*Греки и римляне не знали ничего более достойного любви и более
священного, чем родина. Они говорили, что ей обязаны жертвовать
всем и что мстить ей столь же непозволительно, как мстить
собственному отцу; что своих друзей можно выбирать только
из числа ее друзей и что наилучшая судьба уготована тому, кто за нее
сражается; что смерть ради ее защиты прекрасна и сладостна и что
небеса приемлют лишь тех, кто послужил ей.*

Из статьи в “Энциклопедии” Дидро и Д’Аламбера

Масштабная аномалия аграрного мира, изученная и документированная лучше, чем история горцев и степных кочевников, – мир античного Средиземноморья. Благодаря европоцентризму исторической науки середины XIX в. именно его история рассматривается как центральная в изучении докапиталистического развития. Из нее черпают представления об аграрных цивилизациях, поворотных точках в их становлении и эволюции.

§ 1. Природные предпосылки античной цивилизации

Основной элемент античного феномена – способность на века преодолеть одну из ключевых проблем аграрного мира: несовместимость крестьянского труда и военного дела. Чтобы оградить себя от специализирующейся на насилии элиты, крестьянскому сообществу необходимо обладать способностью к самоорганизации, умением своими силами обеспечить порядок и самооборону. Тогда средства, которые необходимо тратить на эти функции, может определять само крестьянское сообщество исходя из своих потребностей. Они будут меньше податей в аграрных монархиях, взимаемых в пользу правящего класса, или дани, которую приходится платить сменяющим друг друга разбойникам. Чтобы подобная социальная организация стала возможной, крестьянской общине необходимо выработать механизм совместного принятия и исполнения решений, который не даст скатиться к анархии, открывающей дорогу “мобильному бандитизму”. Учитывая слабость коммуникаций в аграрном обществе, надо понимать, что люди, принимающие решения, должны уместиться на центральной площади поселения. Небольшому самоорганизующемуся сообществу, которое обязано защищать себя, это легче сделать в защищенной горами долине у морской бухты, чем на континентальной равнине. Шансы на устойчивость такой организации выше, когда в общине доля занятых вне сельского хозяйства и обладающих полезными для военного дела навыками больше обычной для аграрного общества. Если горные районы и великие степи создали базу для специфических форм организации общества, характерных для горцев и скотоводов-кочевников, то античный феномен связан с морем. Морей много. Но лишь в Средиземноморье возникла особая, оказавшая серьезное влияние на развитие человеческого общества форма общественной организации – полисная демократия. Акватория Средиземного моря уникальна: изрезанная береговая линия, множество островов, удобные бухты и гавани,

откуда можно совершать неблизкие плавания, не теряя из виду сушу⁴³⁰, почти нет приливов и отливов. Мореходство на Средиземном море начинается уже в 4-м тысячелетии до н. э., когда появляются неолитические поселения на Крите. Морской транспорт при технологиях аграрной эпохи выгоднее и удобнее сухопутного. В античные времена стоимость перевозки груза через все Средиземное море с востока на запад была примерно такой же, как перевозка товара по хорошим римским дорогам на 75 миль. Благодаря низким транспортным расходам в Средиземноморье в торговый оборот были вовлечены значительные объемы товаров массового потребления⁴³¹ в отличие от сухопутных караванных путей, где торговля велась в первую очередь предметами роскоши, которая мало влияет на жизнь подавляющей части крестьянского населения⁴³². Рыболовство, дополняющее ресурсы продуктов питания, поставляемых земледелием и скотоводством, получает в Средиземноморье широкое распространение, способствует развитию мореходства⁴³³. К тому же разнообразные природные условия позволяют жителям приморских территорий специализироваться на различной сельскохозяйственной продукции, использовать преимущества разделения труда. Здесь возникает средиземноморская триада: производство зерна соседствует с возделыванием на больших площадях оливок и винограда⁴³⁴.

По данным археологических раскопок, специализация присутствует уже в крито-микенский период, хотя ее полное развитие приходится на более позднее время⁴³⁵. Урожаи оливок и винограда можно собирать на земле, малопригодной для выращивания зерновых культур. Это позволяет повысить продуктивность сельского хозяйства. Характерно, что северная граница проникновения греческой колонизации в Средиземноморье и районы Черного моря совпадает с северной границей распространения оливкового дерева, с регионом, в котором возможно использование средиземноморской триады⁴³⁶. Разные требования к земле – под пшеничные поля, оливковые рощи и виноградники – стимулируют межрегиональную специализацию и развитие торговли⁴³⁷.

⁴³⁰ О роли Эгейского моря и его многочисленных островов в создании широких возможностей для мореплавания на ранних стадиях развития см.: Лурье С. Я. *История Греции: Курс лекций*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 30. В греческий и римский периоды античности не было городов, находящихся на расстоянии более одного дня пути от морского побережья (см.: Weber M. *General Economic History*. New Brunswick (U. S. A.) and London (U. K.): Transaction Publishers, 1995. P. 56).

⁴³¹ Хопкинс отмечает, что объем торговли в Средиземноморье между II в. до н. э. и II в. н. э. не был превзойден в течение следующего тысячелетия. В 400–650-х годах н. э. он составлял примерно пятую часть объема торговли римского периода (см.: Hopkins K. *Taxes and Trade in the Roman Empire 200 B. C. – 400 A. D* // *Journal of Roman Studies*. Vol. LXX. 1980. P. 101–106).

⁴³² О специализации торговли по Великому шелковому пути на предметах роскоши и ее ограниченном влиянии на потребление основной массы населения см.: Гумилев Л. Н. *Древние тюрки*. М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К^о», 1993. С. 42.

⁴³³ «Ловля рыбы, которую греки очень любили, была обычным занятием всех жителей прибрежных поселений. Рыболовство и экспорт рыбы имели большое экономическое значение. Не случайно на монетах многих греческих государств изображалась рыба» (см.: *Античная цивилизация* / Отв. ред. В. Д. Блаватский. М.: Наука, 1973. С. 33). О широком распространении рыболовства как источнике продуктов питания в Греции см. также: Perles C. *The Early Neolithic in Greece*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 171.

⁴³⁴ О средиземноморской триаде см.: Renfrew C. *Before Civilization. The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe*. London: Penguin Books, 1990. P. 229. О связи ее возникновения со спецификой климатических условий Греции см.: Sealey R. *A History of the Greek City States ca. 700–338 B. C*. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 1976. P. 11, 27.

⁴³⁵ Runnels C., Murray P. *Greece before History: An Archaeological Companion and Guide*. Stanford, California: Stanford University Press, 2001. P. 88.

⁴³⁶ Davies J. K. *Democracy and Classical Greece*. Sussex: The Harvester Press; New Jersey: Humanities Press, 1978. P. 29.

⁴³⁷ «Разбросанность греческих полисов и различные естественно-географические условия их местоположения способствовали специализации отдельных районов на производстве тех или иных сельскохозяйственных культур. Так, каменистая почва, горный ландшафт и сухой климат большей части материковой и островной Греции были малопригодны для зерновых культур, но чрезвычайно благоприятны для оливководства, виноградарства и скотоводства. Зато земли Фессалии, Северного Причерноморья и Сицилии давали прекрасные урожаи пшеницы и других зерновых злаков» (см.: *Античная цивилизация* / Отв. ред. В. Д. Блаватский. М.: Наука, 1973. С. 23).

Однако у расширения торговли есть и обратная сторона. Торговый корабль середины 2#го тысячелетия до н. э., как и многие века потом, ничем не отличается от пиратского⁴³⁸. Пиратство везде, особенно в Средиземноморье, идет рука об руку с торговлей⁴³⁹.

Гёте вложил в уста Мефистофеля слова:
Кто спросит, как наш груз добыт?
Разбой, торговля и война –
Не все ль равно? Их цель одна!⁴⁴⁰

Народам моря в силу их малочисленности сложнее, чем степнякам, завоевывать крупные земледельческие государства. Перевозить по морю необходимые для масштабных военных действий крупные контингенты пеших воинов и тем более конницы в древнем мире было трудно. К тому же центры аграрных цивилизаций умышленно отодвигались от побережья. Поэтому морские кочевники, как правило, использовали свою мобильность для набегов и грабежей, а не для захвата других народов и их территорий. Завоевание датчанами, а затем норманнами Англии – исключение из правил. Другое дело – пиратство, морской разбой. Упоминания о нападениях пиратов как массовом явлении встречаются в самых ранних источниках по истории Средиземноморья.

В донесении египетскому фараону Рамзесу III, относящемся к концу 2#го тысячелетия до н. э., сообщалось о существовании морских разбойников, которые на протяжении более чем 100 лет наносили значительный вред мореплаванию египтян. В этом документе говорилось: “Обрати внимание на народы Севера, живущие на островах. Они беспокойны, они ищут подходы к портам”⁴⁴¹.

Характерная черта пиратства – децентрализация насилия. То, что не сумел отнять один, отнимет следующий. Устойчивое сельское хозяйство при непрерывных пиратских набегах невозможно. Иллюстрация тому – Египет во времена нашествий “народов моря”. Подвергавшиеся пиратским набегам оседлые народы платили морским кочевникам дань, чтобы предотвратить их нападения. Дань была платой за мир и порядок на море, собственную безопасность.

Независимо от того, удавалось или нет пиратам обирать прибрежные аграрные государства, они все больше и больше склонялись к морской торговле, к увеличению ее доли в балансе с морским разбоем. Торговля и выгоднее, и безопаснее. Даже регулярно получая дань, разбойники охотно дополняли ее коммерческими доходами. Они начинали понимать, что торговля с соседними аграрными государствами не подрывает их ресурсы и, следова-

⁴³⁸ “Морская торговля повсеместно первоначально неотделима от пиратства; военный корабль, пиратский корабль и торговый корабль вначале неотделимы друг от друга” (см.: Weber M. *General Economic History*. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1995. P. 202). Аристотель подразумевал под словом “мореплавание” рыболовство и пиратство, которые должны были служить источником пропитания. Словом “пейратес” греки обычно называли мужчин, которые в поисках приключений и добычи отправляются в далекие странствия по морю; эти странствия чаще всего превращались в грабеж чужого побережья. Позднее слово “пираты” вошло в языки всех народов, населяющих побережье (см.: Нойкирхен Х. *Пираты. Морской разбой на всех морях*. М.: Прогресс, 1980. С. 19). В “Сказании об аргонавтах”, где переплелись многие морские легенды, хорошо видно, что Ясон и его спутники без малейших колебаний грабят население прибрежных городов (см.: Аполлоний Родосский. *Аргонавтика* / Под ред. М. Л. Гаспарова. М., 2001).

⁴³⁹ “Большое число фактов, указывающих на синтез морского дела и земледелия, позволяет выделить на правах рабочей гипотезы представление о возможности “тройного синтеза” (земледелие – государственность – пиратство) как о наиболее устойчивом продукте эгейской социальной кухни...” (см.: Петров М. К. *Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность*. М.: РОССПЭН, 1995. С. 211, 212). О слитности торговли и пиратства в ранней Греции см. также: Starr C. G. *The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B. C.* New York: Oxford University Press, 1977. P. 51.

⁴⁴⁰ Гёте И. В. *Собр. соч.*: В 13 т. Т. 5: Фауст / Пер. Н. А. Холодковского. М.: Гослитиздат, 1947. С. 520.

⁴⁴¹ Нойкирхен Х. *Пираты. Морской разбой на всех морях*. С. 33.

тельно, они сохраняют “курицу, которая несет золотые яйца”, базу для потенциальных грабежей⁴⁴².

При децентрализованной угрозе извне аграрные государства испытывали трудности в организации обороны по всему побережью⁴⁴³. А прибрежные народы, активно занимавшиеся торговлей и пиратством, обладали теми же преимуществами, что и кочевники-скотоводы, – мобильностью и малой уязвимостью собственных поселений, обусловленной гористой местностью⁴⁴⁴.

Этим и объясняется характерное для централизованных империй отношение к приморским территориям как к ничьей земле, к местам, куда переселяют побежденного врага.

Централизованная аграрная империя слабо контролирует свои приморские территории. Когда государь и его армия не способны защитить жителей побережья, обеспечить им хотя бы минимальный уровень безопасности, последние вынуждены обеспечивать оборону своими силами. Характерная для аграрного общества специализация на насилии, отделение его от мирного крестьянского труда невозможны – самооборона требует участия всего сообщества. А ее организации способствует гористый рельеф многих районов Средиземноморья⁴⁴⁵. Как пишет Фукидид, “города, основанные в последнее время, когда мореплавание сделалось более безопасным, а денежные средства возросли, строились на самом побережье, укреплялись стенами и занимали предпочтительно перешейки (ради торговых удобств и для защиты от враждебных соседей). Древние же города, как на островах, так и на материке, напротив, строились в некотором отдалении от моря для защиты от постоянных грабежей (ведь грабили не только друг друга, но и все прочее побережное население), поэтому они еще до сих пор находятся в глубине страны”⁴⁴⁶.

Сильно пересеченная местность плюс сложность создания и функционирования централизованных государств – это известные из опыта многих горских народов факторы, способствовавшие формированию общества, где роли крестьянина и воина не разделены, а слиты воедино⁴⁴⁷. Торговля и пиратство требовали того же – скоординированных действий общины, навыков взаимодействия и взаимозаменяемости, в том числе и в применении насилия⁴⁴⁸. Оставившие след в истории своими нападениями на Египет в конце 2#го тысячеле-

⁴⁴² О подрыве базы изъятия доходов у оседлого населения в результате частых набегов пиратов см.: Маховский Я. *История морского пиратства*. Тула, 1993. С. 40.

⁴⁴³ Ксенофонт отмечал, что “властители моря” могут делать то, что лишь иногда удастся “властителям суши”: опустошать земли более сильных, чем они; подходить на кораблях туда, где нет врагов или их немного, а если они появятся, немедленно уйти морем (см.: Ксенофонт. *Афинская политика* (II, 4–5). Цит. по: Аристотель. *Политика. Афинская политика*. М.: Мысль, 1997. С. 414).

⁴⁴⁴ “В древнем Ближнем Востоке, особенно в Малой Азии, Сирии, Палестине, мы находим две разные этнические группы: прибрежные и континентальные. Ограниченность прибрежной полосы делает их существование почти парадоксальным. Тем не менее немногочисленные греки были способны обеспечить свой контроль над самыми важными со стратегической и экономической точек зрения частями Средиземноморья и Черного моря. Они сохраняли независимость в течение сотен лет, несмотря на существование рядом крупных империй” (см.: Polanyi K., Arensberg C. M., Pearson H. W. *Trade and Market in the Early Empires: Economies in History and Theory*. Glencoe Illinois: The Free Press & The Falcons Press, 1957. P. 38).

⁴⁴⁵ О связи специфики греческого ландшафта, поощрявшего партикуляризацию, автономное существование отдельных общин, см.: Фролов Э. Д. *Рождение греческого полиса*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 64, 65; Андреев Ю. В. *Раннегреческий полис (гомеровский период)*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 18–29.

⁴⁴⁶ Фукидид. *История*. М.: Ладомир; АСТ, 1999. С. 8.

⁴⁴⁷ О сходстве установлений “народов моря” и горских народов писал один из самых проницательных исследователей быта Кавказа – К. Ф. Сталь. По его словам, “Одиссея, прочитанная на Кавказе, лицом к лицу с горскими народами, делается вполне понятною...” (см.: Сталь К. Ф. *Этнографический очерк черкесского народа* // Кавказский сборник. Т. XXI. Тифлис, 1900. С. 101). О связи специфики ландшафта Греции архаического и классического периодов, специфики ее экономики и об отсутствии здесь предпосылок к созданию авторитарных аграрных государств см.: Андреев Ю. В. *Раннегреческий полис (гомеровский период)*. С. 14, 15.

⁴⁴⁸ Та же способность к совместным действиям, проявлению инициативы и самоорганизации впоследствии проявится

тия до н. э. “народы моря”, подобно горским полукочевникам, дополняют доходы от сельского хозяйства разбоем и, как степные кочевники, торговлей⁴⁴⁹. У героев Гомера пиратство – почтенное, благородное дело, само подозрение в неспособности заниматься которым оскорбительно.

Впрочем, совмещение в этих краях торговли с пиратством вовсе не греческое изобретение. До греков этими промыслами активно занимались финикийцы, о чем неоднократно упоминает Гомер. Заимствование греками финикийского алфавитного письма⁴⁵⁰ служит ярким примером культурного взаимодействия народов, которые в полном объеме использовали возможности средиземноморской триады⁴⁵¹.

В Финикии, как и в Греции, роль главы сообщества, именуемого термином “царь” или “князь”, передавалась от отца к сыну. Но в политическом устройстве сохранялись черты, характерные для древней демократии. Князь должен был согласовывать свои действия с советом, в котором участвовали взрослые свободные мужчины. Войско являлось ополчением свободных мужчин. Слова “свободный” и “воин” отождествлялись⁴⁵². Однако центры финикийской цивилизации располагались слишком близко от крупных аграрных империй Ближнего Востока. Поэтому ее эволюция, трансформация в цивилизацию античного типа – без административной стратификации и государства – была здесь заблокирована и не состоялась.

В Греции почвы бедные и потому возможности для мобилизации прибавочного продукта ограничены. Здесь, как и в других гористых местностях, сам рельеф помогает отражать нападение неприятеля. Те же горы затрудняют образование крупных политических объединений. Зато во множестве складываются политически независимые общины, сходные с горскими объединениями. Но у греков есть то, чего нет у классических горцев: море теплое, удобное для судоходства. Оно порождает стимулы дополнить малопродуктивное сельское хозяйство морской торговлей и морским разбоем.

§ 2. Организация хозяйственной и социальной жизни греческих поселений

Опыт соседних централизованных империй с их стратифицированным обществом, налоговым аппаратом, письменностью, с их специализирующимся на военном деле меньшинством не может не оказывать влияние на Средиземноморье. Первая крупная средиземноморская держава – Крит с центром в Кноссе, типичное аграрное государство со всеми его характерными чертами, но больше обычного вовлеченное в международную торговлю, концентрирующее оборонные усилия на борьбе с пиратством и развитии морского дела. Во время его расцвета активность морских разбойников снижается – Критский мир обеспечивает

у других пиратов-торговцев теперь уже северных морей – викингов в VIII–XII вв. (см.: Lindsay J. *The Normans and Their World*. London: Hart-Davies and MacGibbon, 1974).

⁴⁴⁹ См.: Петров М. К. *Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность*. М.: РОССПЭН, 1995. С. 208–210.

⁴⁵⁰ Алфавит, заимствованный у древних финикийцев, появляется у греков в VIII в. до н. э. (см.: Sealey R. *A History of the Greek City States 700–338 B. C.* Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 1976. P. 15). Иероглифическая письменность меньше алфавита пригодна для описания новых понятий и явлений. Дальняя торговля, которой столь активно занимались финикийцы, объективно сталкивала их с новыми понятиями, реальностями, требовала гибких способов восприятия и воспроизведения поступающей к ним информации. О влиянии алфавитного письма на торговлю см.: Шифман И. *Финикийские мореходы*. М.: Наука, 1965. С. 20; Harden D. *The Phoenicians*. London: Thames and Hudson, 1962. P. 115–123.

⁴⁵¹ О влиянии финикийского опыта на формирование античных структур см.: Яйленко В. П. *Архаическая Греция и Ближний Восток*. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 132–135.

⁴⁵² См.: Гельцер М. Л. *Очерки социальной и экономической истории Финикии во II тысячелетии до н. э.* Автореф. дис. д-ра филос. наук. Л., 1954. С. 6.

расцвет торговли во всем Средиземноморском регионе⁴⁵³. Но если для аграрных государств специализация незначительного меньшинства на насилии, отделение крестьянской работы от воинского дела – закономерный порядок, к которому подталкивает сама логика организации производственного процесса, то для своеобразного мира Средиземноморья с его мобильностью, децентрализацией насилия, необычно широким распространением торговли такая организация общества оказывается тупиковой. Примерно за 14 столетий до н. э. господству критского флота в восточном Средиземноморье приходит конец.

Сами механизмы крушения Критского и построенного по его образцу Микенского царств из-за ограниченности достоверных источников изучены слабо. Но из классической греческой литературы известно, что после их краха и волны миграции, вызванной этим, на берегах Эгейского моря укореняется своеобразный тип общественной организации, для которой характерны ограниченная стратификация; объединение функций земледельца, воина, торговца и морского разбойника; отсутствие упорядоченной налоговой системы; организация общинной самообороны⁴⁵⁴.

Уже в том виде, в котором греческие поселения возникают после “темных” веков, в ранний архаический период они являются полисами – городами#государствами. Характерными чертами полиса были контроль над прилегающей территорией и наличие укрепленной крепости (само слово “полис” первоначально означало “крепость”)⁴⁵⁵. Греческие полисы объединили людей, которые а) занимают территорию, имеющую своим центром город, в котором находятся органы власти, обычно концентрирующиеся вокруг укрепленной крепости (акрополя), б) свободны в решении принципиальных вопросов организации собственной жизни⁴⁵⁶.

Поселения, как правило, небольшие. Полис, насчитывающий 5 тыс. жителей, считается в это время крупной общиной. В греческих поселениях существует стратификация, в том числе и определяемая организацией военного дела. Гомеровская Греция – период боевых колесниц. Лучшие воины, владеющие этой военной техникой, составляют элиту полисов. Однако все доступные нам источники свидетельствуют: социальная дистанция, которая отделяет их от остальных членов общины, от пеших воинов, невелика – куда меньше той, что лежит между привилегированным меньшинством и крестьянской массой в традиционных аграрных государствах.

Гомер знает только одну форму человеческого общежития, которую он сам называет полисом⁴⁵⁷. Для Гомера “поле” вместе с его обитателями – это синоним первобытной дико-

⁴⁵³ “Как нам известно из предания, Минос первым из властителей построил флот и приобрел господство над большей частью нынешнего Эллинского моря. Он стал владыкой Кикладских островов и первым основателем колоний на большинстве из них и изгнал карийцев, поставил там правителями своих сыновей. Он же начал и истреблять морских разбойников, чтобы увеличить свои доходы, насколько это было в его силах. Ведь уже с древнего времени, когда морская торговля стала более оживленной, и эллины, и варвары на побережье и на островах обратились к морскому разбою. Возглавляли такие предприятия не лишенные средств люди, искавшие и собственную выгоду, и пропитание для неимущих. Они нападали на не защищенные стенами селения и грабили их, добывая этим большую часть средств к жизни, причем такое занятие вовсе не считалось тогда постыдным, но, напротив, даже славным делом” (см.: Фукидид. *История*. М.: Ладомир; АСТ, 1999. С. 6, 7). Характерный факт, демонстрирующий господство критского флота на Средиземном море в этот период, – отсутствие в Кноссе городских стен. Это всегда признак того, что жители чувствуют себя в безопасности, что они гарантированы от нападений с моря (см.: Лурье С. Я. *История Греции*: Курс лекций. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 67).

⁴⁵⁴ “Полис является государством совершенно особого рода, ибо здесь нет власти и войска, отделенных от народа: народ сам есть и власть, и войско. Это община равноправных граждан, и эксплуатировать здесь можно только чужаков – в качестве рабов или илотов. Отсюда четкое противопоставление свободы и несвободы, нашедшее свое многообразное выражение в различных явлениях культуры и даже в лексике” (см.: *История Востока*. Т. 1: Восток в древности / Под ред. Р. Б. Рыбакова. М.: Восточная литература РАН, 1997. С. 24).

⁴⁵⁵ Sealey R. *A History of the Greek City States ca. 700–338 B. C.* Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1976. P. 19.

⁴⁵⁶ Jeffery L. H. *Archaic Greece. The City-States C. 700–500 B. C.* London: Methuen & CO LTD, 1978. P. 39.

⁴⁵⁷ Meyer E. *Geschichte des Altertums*. Bd 2. Stuttgart, 1893. P. 335.

сти, крайней социальной разобщенности. Правильная, цивилизованная жизнь, в его понимании, возможна только в полисе⁴⁵⁸. В полисе суверенитет принадлежит народному собранию, т. е. общине полноправных граждан. Полис – прежде всего коллектив граждан. В олигархических государствах важна роль совета, но и там народному собранию принадлежало окончательное решение при обсуждении самых основных проблем (таких, например, как война и мир)⁴⁵⁹.

При анализе специфики социальной эволюции Греции с начала гомеровского периода, создания предпосылок полисной демократии имеет смысл обратить внимание на социальные установления других народов со сходными специфическими чертами организации хозяйственного быта и социальной структуры. И сегодня хорошо известны морские полукочевники, в хозяйственной деятельности которых значительную роль играет рыболовство, иногда сочетающееся с торговлей и морским разбоем⁴⁶⁰. Но очевидная параллель здесь – Скандинавия в VII–XI вв. И в Греции гомеровского периода, и здесь население хорошо знакомо с производящим хозяйством, значительна роль скотоводства в производстве сельскохозяйственной продукции, ограничена роль земледелия, широко распространено рыболовство, морское дело⁴⁶¹. Одинаков ландшафт: невысокие горы и изрезанное морское побережье, которые обеспечивают многочисленные места, удобные для пристани и защиты. Распространены морская торговля и морской разбой⁴⁶². Отсюда и сходство социальной структуры: лишь формирующееся государство, отсутствие упорядоченного налогообложения и государственного аппарата, дары как способ обеспечения протогосударственных функций⁴⁶³, значительная роль народного собрания способных носить оружие воинов в решении вопросов организации жизни общества, войны и мира, выбора предводителей⁴⁶⁴. В мире викингов, как и в античной Греции, преобладающим сословием было сообщество свободных крестьян – воинов⁴⁶⁵.

Такие параллели принять непросто. Слишком велика дистанция между IX–VII вв. до н. э. и VII–XI вв. н. э. Но если смотреть на происходящее не с точки зрения физического времени, а учитывать уровень развития, т. е. применять к аграрным обществам

⁴⁵⁸ См.: Андреев Ю. В. *Раннегреческий полис (гомеровский период)*. С. 41.

⁴⁵⁹ *Античная Греция*. Т. 1: Становление и развитие полиса / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М.: Наука, 1983; *Comparative Studies in Society and History*. London, 1969. P. 50–52.

⁴⁶⁰ См.: Нойкирхен Х. *Пираты. Морской разбой на всех морях*. М.: Прогресс, 1980.

⁴⁶¹ «Корабль – жилище скандинава». Это выражение франкского поэта очень верно передает отношение норвежцев и датчан к своим кораблям. О широком распространении рыболовства в Скандинавии см.: Гуревич А. Я. *Походы викингов*. М., 1966. С. 37. О роли рыболовства в хозяйственной деятельности скандинавских народов как предпосылке их широкого вовлечения в морскую разбой и морскую торговлю см. также: Архентольц Ф. *История морских разбойников Средиземного моря и океана*. М.: Новелла, 1991. С. 306–307. Тацит писал о древних жителя Швеции: «Помимо воинов и оружия они сильны также флотом» (см.: Тацит К. *Соч.* Т. 1: *Анналы. Малые произведения*. М.: Ладомир, 1993. С. 371).

⁴⁶² На старонорвежском слово «викинг» означает «пират» (см.: Graham-Campbell J. *The Viking World*. Frances Lincoln: Weidenfeld & Nicolson, 1980. P. 10). Пропорции сочетания пиратства и морской торговли объяснялись обстоятельствами, сравнительными преимуществами. Так, норвежцы и датчане в эпоху викингов, сочетая эти занятия, вместе с тем больший акцент делают на морском разбое, шведы – на морской торговле (см.: Lindsay J. *The Normans and Their World*. New York: St. Martin's Press, 1975. С. 34–36).

⁴⁶³ Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон! Хочешь ли мне дары примиренья, как должно, доставить Или удержать их, – ты властен... Гомер. *Илиада*. М., 2000. С. 357–369 (XIX, 40–237)

⁴⁶⁴ В Скандинавии в период викингов, как и в Греции античного периода, ключевым элементом системы власти было народное собрание (тинг) – регулярный сбор мужчин региона, обсуждавший и принимавший решения по важнейшим вопросам организации общественной жизни. Хотя в Скандинавии (кроме Исландии) существовали королевские династии и наследственные права имели значение, вступление в права нового правителя было обусловлено согласием тинга (см.: Graham-Campbell J. *The Viking World*. Frances Lincoln: Weidenfeld & Nicolson, 1980. P. 196). «Когда... в конце X в. представитель французского короля спросил датских викингов, отряд которых грабил Северную Францию, об имени их господина, они отвечали: «Нет над нами господина, ибо все мы равны»» (см.: Гуревич А. Я. *Походы викингов*. С. 26).

⁴⁶⁵ Jones G. *A History of the Vikings*. New York; Toronto: Oxford University Press, 1968. P. 154.

те же методы социально-экономического анализа, которые мы используем для исследования современного экономического роста, ориентироваться на такие признаки уровня развития, как сочетание производящего хозяйства и отсутствия цивилизации, в частности письменности, использование таких аналогов отнюдь не антиисторично. При сходстве многих элементов организации хозяйственной жизни, социальной структуры греков гомеровского и архаического периодов и норманнских народов Северной Европы VII–X вв. отличие мира того времени, когда последние появляются на исторической авансцене, оказывает определяющее влияние на траектории их последующей социальной эволюции. В мире IX–VII вв. до н. э. в районах, близких к местам расселения греков, доминировали крупные аграрные централизованные государства. Специфика формы расселения, хозяйственной деятельности затрудняла копирование моделей организации общества, подталкивая греков к социальным инновациям. Греческий полис возникал как отрицание того, что сами греки называли восточным деспотизмом. Норманны вступают в процесс активного взаимодействия с другими регионами Европы в то время, когда здесь укореняются традиции децентрализованной феодальной организации.

Сами набеги норманнов, требовавшие децентрализованной организации защиты, – важный фактор такой эволюции. Одним из факторов, обусловившим более быструю по сравнению с Грецией эрозию традиционной военной демократии, характерной для сообществ морских полукочевников Скандинавии, стало радикальное отличие доминирующей военной техники этого периода по сравнению с греческой фалангой. В XI – XII вв. в Скандинавских государствах происходит переход от народного ополчения свободных крестьян-воинов к использованию тяжеловооруженной рыцарской конницы⁴⁶⁶. Отсюда эволюция социально-политической организации норманнов по характерному для Западной Европы пути феодализации, замены народного ополчения рыцарской конницей, превращение существовавшей ранее вайциллы – поставок припасов для пиров с участием короля – в регулярное налогообложение⁴⁶⁷. Традиции более раннего периода оказывают влияние на специфику формирующихся феодальных институтов. В Скандинавии нигде не было распространено крепостничество, большинство населения по-прежнему составляли крестьяне-землевладельцы, не существовало характерного для большей части континентальной Европы запрета крестьянам хранить и носить оружие.

§ 3. Античный путь эволюции социальных институтов

Эволюция античных институтов показывает: существовал отнюдь не единственный путь от примитивных социальных структур раннего неолита к трансформации даров в налоги, к разделению на сельское хозяйство как занятие основной массы населения и на специализацию в государственном управлении, в насилии. В особых условиях оказывается возможным альтернативный путь – отказ от системы даров, восприятие налогов как признака рабства, формирование общества крестьян-воинов, стабилизация полисной демократии.

Античный путь эволюции позволяет сочетать преимущества кочевых народов, где каждый мужчина – воин, с благами цивилизованного оседлого государства: большими экономи-

⁴⁶⁶ Carruthers B. G. *Politics, Popery and Property: A Comment on North and Weingast* // The Journal of Economic History. № 3. September 1990. P. 69–71.

⁴⁶⁷ В скандинавских памятниках можно обнаружить указания на стадию развития общества, когда бонды (свободные крестьяне-воины. – Е. Г.) не платили податей и их сознанию была чужда сама мысль об обязательных платежах в пользу короля. Дань взималась с покоренного населения, с тех, кому приходилось откупаться от викингов. Об эволюции в Скандинавии системы добровольных пожертвований для организации совместных пиров в упорядоченную систему налогообложения и ленных пожалований см.: Гуревич А. Я. *Свободное крестьянство феодальной Норвегии*. М., 1967. С. 30, 31.

ческими ресурсами, развитой культурой, высоким уровнем организации, в том числе и военного дела. Греческая фаланга и римские легионы – лучшие для своего времени, по крайней мере в Средиземноморье, военные структуры.

Жители полиса в своем большинстве занимаются сельским хозяйством. Это характерно даже для Афин, одного из самых урбанизированных центров античности. И здесь город лишь центр полиса, в котором можно организовать защиту от врага.

В античном мире торговые отношения, порожденные разделением труда внутри средиземноморской триады, необычайно глубоко для аграрного мира проникают в жизнь массы крестьянского населения. Отсюда роль городов как торговых центров и одновременно центров политической самоорганизации. В аграрных цивилизациях города рассматриваются как аномалия, отклонение в организации общественной жизни, место дислокации правящей элиты, центр опутывающей государство налоговой паутины. Для крестьян город – нечто враждебное. В спянном торговлей античном мире город, напротив, органичная и неотъемлемая часть крестьянского общества.

Необычно высокий, непревзойденный вплоть до XVII–XVIII вв. н. э. уровень урбанизации античного мира – общеизвестный факт, равно как и существенно меньшая, чем в классических аграрных обществах, хотя и доминирующая в экономической жизни роль сельского хозяйства⁴⁶⁸. В античном мире выше значение торговли. Алфавитный способ письма стал предпосылкой широкого распространения грамотности. Если иероглифическая письменность в аграрных государствах доступна лишь немногим посвященным, то в греческом полисе алфавит – достояние большинства граждан. Новая система письменности становится универсальным средством передачи информации, которое можно с успехом применять и в деловой переписке, и для стихосложения, и для сохранения философских конструкций⁴⁶⁹.

Фактор, обеспечивший возможность подобной эволюции общественных институтов, – удаленность Греции, где формировалась эта античная аномалия, от крупных и агрессивных централизованных государств⁴⁷⁰.

Важнейшее социальное разграничение в аграрном обществе – деление на полноправных граждан, в чью обязанность входит лишь служба, в первую очередь военная, и неполноправных, платящих прямые налоги государству или подати господину. В греческих общинах архаического периода твердо закрепляется иной принцип. Члены общины, они же воины, совместно участвуют в боевых действиях и не платят прямых налогов⁴⁷¹. Для греческого мира характерно отождествление прямых налогов с рабством⁴⁷². Ввести их стремились тираны, которым нужны были средства на наемную стражу, на раздачу денег плебсу для под-

⁴⁶⁸ Историческая статистика не дает надежных источников, позволяющих точно оценить долю населения греческого мира, связанного с сельским хозяйством. Большинство специалистов предполагает, что она составляла не менее 80 % (см.: Starr C. G. *The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B. C.* New York: Oxford University Press, 1977. P. 41). По оценкам Р. Голдсмита, 75–80 % рабочей силы Римской империи было занято в сельском хозяйстве. Он же оценивает долю городского населения Римской империи в 10 % – показатель, высокий для аграрного общества (см.: Goldsmith R. W. *An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire // Income and Wealth. Series 30* (3). September 1984. P. 282, 283).

⁴⁶⁹ См.: Андреев Ю. В. *История Древнего мира. Расцвет древних обществ. Греция в архаический период и создание классического греческого полиса* / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. С. 79. О радикальных переменах в использовании письменности, вызванных формированием античной цивилизации, см.: Петров М. К. *Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность*. М.: РОССПЭН, 1995.

⁴⁷⁰ О том, как внешние угрозы и необходимость мобилизовать ресурсы для их отражения привели к подрыву демократии, укоренению тирании и введению прямых налогов в Сиракузах, см.: Finley M. I. *The Ancient Greeks*. London: Penguin Books, 1991. P. 140.

⁴⁷¹ В Афинах прямые налоги платили только проститутки и иностранцы (см.: coll_0 *The Roman Economy. Studies in Ancient Economy and Administrative History*. Oxford: Basil Blackwell, 1974. P. 153, 155, 156).

⁴⁷² Brunt P. A. *Social Conflicts in the Roman Republic*. New York: W. W. Norton & Company Inc., 1971. P. 107–110.

держания собственной популярности. Размышления о связи налогов и тирании мы находим и у Аристотеля⁴⁷³.

Индоарии, в том числе и греки, прежде чем осесть на землю, по-видимому, как мы уже отмечали в предыдущей главе, обладали многовековым опытом жизни кочевников-скотоводов. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что во многих европейских языках слова для обозначения лошади значительно более схожи, чем лексика, связанная с оседлым земледелием. Трудно сказать, насколько характерные для кочевников представления о том, что свободные люди не платят прямых налогов, повлияли на формирование греческих традиций, однако не только греки, но и многие другие индоевропейские народы тесно связывали налоговое бремя с рабством. Когда на закате Рима готов расселяли на территории империи, римляне вынуждены были освобождать варваров от налогов, поскольку те не допускали отношения к себе как к рабам.

Греки сумели так организовать военное дело, что крестьяне могли эффективно противостоять воинам-профессионалам аграрных империй⁴⁷⁴. Геродот, как известно, в несколько раз преувеличил численность персидского войска, с которым греки столкнулись во время похода Ксеркса. Но это типичный для военной истории случай, когда при сравнительной оценке крестьянского ополчения и профессиональной армии качество переведено в количество⁴⁷⁵. Каким бы ни было численное соотношение греков-ополченцев и профессионалов-персов, результат известен: организованные крестьяне отбросили полчища Ксеркса. Организация военного дела у оседлых греков оказалась не менее эффективной, чем у горцев или степных кочевников.

Развитие военного дела оказывало непосредственное влияние на формы полисной демократии. Массовое применение оружия из железа, закат эпохи колесниц, появление тяжеловооруженной фаланги гоплитов⁴⁷⁶ – все это расширяло участие воинов в делах полиса, вело к ослаблению аристократии⁴⁷⁷. Программа строительства флота, требующая

⁴⁷³ Об изъятии оружия у народа и прямых налогах как характерной черте тирании см.: Аристотель. *Со ч.*: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 553. “В виды тирана входит также разорять своих подданных, чтобы, с одной стороны, иметь возможность содержать свою охрану и чтобы, с другой стороны, подданные, занятые ежедневными заботами, не имели досуга составлять против него заговоры... Сюда же относятся и уплата податей, вроде того, как она была установлена в Сиракузах, где, как оказалось, в течение пяти лет в правление Дионисия вся собственность подданных ушла на уплату податей” (см.: Там же. С. 560).

⁴⁷⁴ “...Еще одна характерная особенность гражданской общины – совпадение более или менее полное политической и военной организации полиса... Характер военной организации как гаранта собственности и тем самым самого существования общины определяет не только связь, но в принципе и однозначность военного ополчения граждан с народным собранием как основой политической организации полиса. Гражданин-собственник одновременно является и воином, обеспечивающим неприкосновенность собственности полиса и тем самым своей личной собственности. Армия полиса в принципе являлась всенародным ополчением, служить в котором было долгом и привилегией гражданина. Общая структура полиса и формы его военной организации развивались в теснейшей связи друг с другом... В сущности, в это время народное ополчение представляло собой вооруженное народное собрание. Строй фаланги самым способом сражения, когда воин прикрывал щитом себя и соседа, а победа обеспечивалась только монолитностью строя, способствовал выработке чувства полисного единства. Фаланга была не только военным строем, не только проекцией в военную сферу социальной структуры полиса, но и социально-психологическим фактором огромного значения. И не случайно в теоретических построениях афинских идеологов времени кризиса полиса «счастливое прошлое» представало в облике «мужей-марафономахов», мужественных воинов#гоплитов и суровых афинских крестьян” (см.: *Античная Греция*. Т. 1: Становление и развитие полиса. М.: Наука, 1983. С. 24, 25).

⁴⁷⁵ См.: Дельбрюк Г. *История военного искусства в рамках политической истории*. М.: Государственное военное изд-во, 1936. Р. 73–76.

⁴⁷⁶ Возникновение фаланги обычно относят к середине VII в. до н. э. (см.: Нефедкин А. К. *Основные этапы формирования фаланги гоплитов: Военный аспект проблемы* // Вестник древней истории. 2002. № 1. С. 90–96).

⁴⁷⁷ О влиянии широкого применения железа в военном деле на демократизацию войны и возможность формировать армии крестьян-ополченцев, а также в связи с этим на развитие политического процесса в античности см.: Фролов Э. Д. *Рождение греческого полиса*. Л.: Изд-во ЛГУ. 1988. С. 116–118. “Трансформация греческого города#государства Афин из монархии в олигархию и из олигархии в демократию была следствием изменения военной технологии – развития фаланги, которую могла выставить лишь армия граждан; цена, которую заплатили за это правители, – ограничение их вла-

привлечения к морской службе малообеспеченных граждан, создавала предпосылки для всеобщего избирательного права, которое распространялось, разумеется, лишь на свободных граждан – мужчин.

Финансовое благополучие классического античного города Афин зиждется на сборах за экспорт и импорт через порт Пирей и доходах от рудников. Во время войн как временная и чрезвычайная мера вводятся прямые сборы с граждан⁴⁷⁸. Часть государственных функций выполняется не за деньги и не в виде обязательной трудовой повинности, а в качестве почетной обязанности – литургии.

Отсутствие прямых подушевых и поземельных налогов не только отличает античный мир от аграрных государств, но и создает предпосылку для принципиально иной эволюции отношений собственности, в первую очередь важнейшего в аграрную эпоху вида собственности – земельной. Собственность крестьянина в аграрных государствах обременена обязательствами. В ней переплетаются права обрабатывать землю и кормиться с нее и обязанности содержать господствующую элиту. Если нет прямых налогов и других изъятий у крестьян, более того, они несовместимы с традициями, то формируются простые и понятные земельные отношения. Земля принадлежит тому, кто пользуется ее плодами; он может распоряжаться ею по своему усмотрению: закладывать, продавать, обменивать. Это послужило базой для специфической модели нераздельной, не обремененной обязательствами, свободно обращающейся на рынке частной собственности, а в античном мире породило острейшие проблемы, связанные с распределением земли⁴⁷⁹.

В аграрных государствах нередко были случаи, когда крестьян насильственно прикрепляли к земле, чтобы они гарантированно выполняли свои обязанности перед государством или правящей элитой. Если земля не обременена обязательствами, втянута в рыночный оборот, от обеспеченности ею зависит благосостояние крестьянской семьи, возможность для землевладельца выполнять обязанности полноправного гражданина, в первую очередь воинские обязанности. Естественно, борьба за распределение земли не могла не обостриться. Она становилась важнейшей частью античной истории. Античная традиция устойчиво связывает все попытки земельного передела с угрозой тирании⁴⁸⁰.

Концентрация земельной собственности при характерных для того времени представлениях об униженности наемного труда, его несовместимости со статусом полноправного члена общины, крестьянина-воина подталкивала к различным социальным выплатам и раздачами. Это становилось немалым бременем для античных городов. В Афинах на деньги от взносов и пошлин содержалось свыше 20 тыс. человек⁴⁸¹. Ш. Монтескье⁴⁸² писал о пауперизации римского населения из-за широкого распространения социальных раздач⁴⁸³.

сти” (см.: North D. C. *Structure and Change in Economic History*. New York; London: W. W. Norton & Company, 1981. P. 30). О роли фаланги в развитии полисной демократии см.: Detienne M. *La phalange: Problèmes et Controversies. Problèmes de la Guerre en Grèce Ancienne*, 1968. P. 138; Starr C. G. *The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B. C.* New York: Oxford University Press, 1977. P. 33.

⁴⁷⁸ В чрезвычайных условиях применялся 1–2 %-й налог на имущество, который нельзя было продавать откупщикам (см.: Jones A. H. M. *The Roman Economy. Studies in Ancient Economic and Administrative History*. Oxford: Basil Blackwell, 1974. P. 161).

⁴⁷⁹ Реформы Солона, предоставившие каждому (с определенными оговорками) право при отсутствии наследников завещать имущество по своему усмотрению, были важным шагом к укоренению в античности полноценной частной собственности на землю. По словам Плутарха, реформы Солона, разрешившие свободное распоряжение землей, “превратили владение в собственность” (см.: Плутарх. *Сравнительные жизнеописания*: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. С. С. Аверинцев. М.: Наука, 1994. С. 105). (Солон (около 640 – около 559 гг. до н. э.) – афинский политический деятель, реформатор, поэт – Прим. ред.)

⁴⁸⁰ Угроза волнений под лозунгом прощения долгов и передела земли – постоянная тема греческой истории. В 335 году до н. э. была сформирована Коринфская лига для защиты от подобных беспорядков. Тогда же клятва граждан города Итана на Крите включала формулу, которая запрещала такие выступления (см.: Rostovtzeff M. *The Social & Economic History of the Roman Empire*. Oxford: Clarendon Press, 1926. P. 2).

⁴⁸¹ См.: Аристотель. *Политика. Афинская полития*. М.: Мысль, 1997. С. 293, 294.

В традиционных аграрных обществах возникновение административной лестницы – иерархии ролей в исполнении государственных функций, перераспределение ресурсов, формирование налоговой системы, разделение общества на тех, кто платит налоги, и тех, кто их не платит, – важнейшие элементы социальной дифференциации. Параллельно идет процесс имущественной дифференциации, который переплетается с распределением статусов в системе государственной власти, но значение его второстепенно. В условиях античного общества, где велика роль торговли, важнейшей линией общественного расслоения становится имущественная дифференциация⁴⁸⁴.

Развитие рынка, широкое вовлечение античного общества в торговлю позволяют гражданам дополнять свои скромные доходы от сельского хозяйства тем, что приносит разделение труда. Но чем больше развивается торговля, тем неравномернее распределяются полученные от торговли богатства. Чем больше концентрируется земельная собственность, чем меньше крестьян-воинов остается в общине, тем она слабее. Это одна из стержневых проблем в политической истории и античной Греции, и республиканского Рима.

Со становлением полиса связано укоренение представлений о правах человека (разумеется, как о правах равноправных членов общины), о свободе⁴⁸⁵, демократии, частной собственности. В полисе граждане и государство не противостоят друг другу. По существу, граждане и есть государство⁴⁸⁶. Античный период – период необычайного расцвета культуры и экономики в истории аграрных обществ. Лишь к XII–XIII вв. н. э. Западная Европа по душевому валовому внутреннему продукту достигает уровня античности⁴⁸⁷.

Сами военные успехи греков в противостоянии с расположенной вблизи их территории могучей империей укоренили в средиземноморском мире убеждение в превосходстве демократических режимов, где властвует закон, должностные лица избираются, а народные собрания созываются регулярно⁴⁸⁸. Пример полисной демократии оказывает серьезное влияние на социальную организацию в сообществах с другой социально-экономической историей, не связанных ни с морской торговлей, ни с пиратством, служит образцом для подражания. Например, Спарта своей общественной организацией схожа с традиционными аграрными обществами, где есть специализирующаяся на насилии элита и крестьянское большинство – илоты. Соотношение спартанцев и илотов составляет примерно 1:7. Но и здесь под влиянием социального опыта других греческих полисов формируется необычная для аграрных сообществ структура – в правящей элите надолго сохраняются устойчивые демократические институты.

Римское общество по сравнению с классическим греческим полисом возникает в иных условиях. В истории раннего Рима нет широкого развития торговли и пиратства, которые дополняют сельскохозяйственную деятельность; римляне считают своих предков крестьянами. Это типичное крестьянское сообщество, находящееся на ранней стадии стратификации: в римских источниках мы находим упоминания о сенаторах, которые сами обрабатывают свои поля. Когда зарождалась римская государственность, этруски, латины, лигуры

⁴⁸² Шарль Луи де Монтескье (1689–1755) – французский писатель, правовед и философ, автор романа “Персидские письма”, а также статей в “Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел”.

⁴⁸³ См.: Монтескье Ш. Л. *Персидские письма: Размышления о причинах величия и падения римлян*. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково Поле, 2002. С. 111.

⁴⁸⁴ То обстоятельство, что объектами изучения Маркса и Энгельса были именно европейские общества, привело их к представлению о необходимости имущественного расслоения для формирования государства и государственной иерархии (см.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961).

⁴⁸⁵ В восточных языках трудно подобрать аналоги слова “свобода” в греческом его понимании.

⁴⁸⁶ Morris I. *Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

⁴⁸⁷ Объем морской торговли в Средиземноморье II в. н. э. был достигнут лишь в середине 2-го тысячелетия н. э.

⁴⁸⁸ Лурье С. Я. *История Греции: Курс лекций*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 205.

составляли тесно связанный мир центральной Италии VI–VII вв. до н. э. Все они находились под сильным влиянием контактов с греческим миром⁴⁸⁹. Пути институциональной эволюции городов#государств здесь были сходными, и Рим отнюдь не был исключением⁴⁹⁰. В конце VII и VI вв. до н. э. сообщество латинян проходит через два взаимосвязанных процесса – урбанизацию и создание государства. Результатом этих процессов было возникновение города#государства⁴⁹¹.

В период подъема, когда Рим доминировал на Средиземноморье, он представлял собой не традиционную аграрную деспотию, а самоуправляющийся полис. Это оказало определяющее влияние на дальнейшую эволюцию всех римских институтов. Здесь закрепляются важнейшие принципы организации античного мира – полис как сообщество крестьян-воинов, которые не платят прямых налогов, несут военную службу, участвуют в решении общественных проблем и судопроизводстве⁴⁹².

Своеобразная, порожденная особыми условиями Средиземноморья античная модель эволюции несла в себе элементы неустойчивости, предпосылки внутреннего кризиса. При низком технологическом уровне трудно веками сохранять ролевую функцию гражданина – крестьянина, воина и равноправного члена сообщества в одном лице. Это приводит к необычайно широкому для аграрных обществ распространению рабского труда. Соотношение рабов и свободных в античном мире многократно меньше соотношения зависимого крестьянского населения и административно-военной правящей элиты в традиционных аграрных государствах. Даже в Афинах – одном из ключевых центров античного мира – численность рабов современные исследователи оценивают примерно в треть населения⁴⁹³, в то время как крестьяне аграрных империй численно превосходили привилегированную элиту примерно в 10 раз. Но распространение рабства, особенно использование рабского труда в сельском хозяйстве, формирует своеобразную античную идеологию: работа на другого человека, на хозяина, – это утрата свободы. Вот почему миру античности присуща черта, тесно связанная с самой природой его институтов, – жесткое различие между рабом и свободным человеком. В традиционных аграрных монархиях эти социальные статусы зачастую сближаются. Зависимый, обязанный платить подати крестьянин, как правило, принадлежит к той же этнической группе, что и его господин, даже сам владыка. Элита тоже не свободна, а обязана служить своему монарху. Высших чиновников часто называют рабами царя. В полисной демократии, в обществе свободных крестьян-воинов раб обычно принадлежит к иной этнической группе, и это отделяет его от граждан. На раба не распространяются права и свободы. Это привилегия членов общины, или, в более широком смысле, соплеменников, не варваров. Аристотель пишет: «Варвар и раб по природе своей понятия тождественные»⁴⁹⁴. В системе отношений традиционного аграрного общества продажа крестьянина допустима, но, как правило, вместе с землей, с которой связаны его обязанности по отношению к господину или к государству. Специфика античного рабства – массовая продажа рабов без земли.

⁴⁸⁹ О влиянии Греции на эволюцию римских институтов см.: Heurgon J. *The Rise of Rome to 264 B. C.* London: B. T. Batsford Ltd., 1973. P. 43, 75–98; Frank T. (ed.). *An Economic Survey of Ancient Rome*. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1933. P. 3; Walbank F. W. *The Hellenistic World*. Sussex: The Harvester Press; New Jersey: Humanities Press, 1981. P. 228. О влиянии традиций греческого законодательства, в том числе законов Солона, на римское законодательство (Закон 12 таблиц) см.: Stein P. *Roman Law in European History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 34.

⁴⁹⁰ Bloch R. *The Origins of Rome*. New York: Frederick A. Praeger, Publishers, 1960. P. 15.

⁴⁹¹ Cornell T. J. *The City-States in Latium* // Hansen M. H. (ed.). *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures*. Copenhagen: The Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 2000. P. 211.

⁴⁹² О сходстве, органическом единстве римского и греческого полиса см.: Удченко С. *Политические учения Древнего Рима*. М., 1977; Шпайерман Е. *Древний Рим. Проблемы экономического развития*. М., 1978.

⁴⁹³ Finley M. I. *Ancient Slavery and Modern Ideology*. London: Penguin Books, 1992. P. 80.

⁴⁹⁴ Аристотель. *Соч.*: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 377.

До сих пор спорят, насколько распространение рабства задержало экономическое развитие и внедрение новых технологий. А. Смит считает очевидным сдерживающее влияние этого фактора на развитие античной экономики⁴⁹⁵. Впрочем, рабство было не единственным фактором, который расшатывал античную модель развития. Не меньшие проблемы связаны, как мы уже отмечали, с поддержанием слитности ролей “свободный крестьянин – воин – член общины”. Соседство сильного противника всегда представляло угрозу для античных институтов. Типичный пример – история Сиракуз, где постоянное давление Коринфа приводит к формированию тирании в древнегреческом понимании этого термина, т. е. общества, разделенного на правящую элиту и крестьянское население.

Пока войны были короткими и солдаты могли возвращаться домой к началу сельскохозяйственного сезона, возможность эффективно выполнять роли крестьянина и воина сохранялась. Обычно гоплит⁴⁹⁶ нес с собой припасы, необходимые для пропитания в течение трех дней. Система хорошо организованного крестьянского ополчения была приспособлена для коротких битв, но не для длительной войны⁴⁹⁷. Но чем богаче становилась Греция, чем больше укреплялась ее военная мощь, тем длительнее и напряженнее были войны, которые она вела. Уже войны V–IV вв. до н. э. выявили внутренние противоречия между ограниченностью размеров поселения, совместимых с демократическим устройством, и численностью армии, необходимой для эффективных военных действий. Они ведутся уже не отдельными городами#государствами, а их коалициями. Это очевидное противоречие с базовыми принципами функционирования независимого города#государства⁴⁹⁸. Со времен Пелопоннесской войны возникает потребность в профессиональной армии⁴⁹⁹.

Солдатам-профессионалам надо платить. Как совместить содержание профессионального войска с античным принципом обходиться без прямых налогов – труднейшая проблема в греческой истории. Афины пытаются решить ее, перекладывая все больше платежей на своих союзников⁵⁰⁰. Те рассматривают это как дань, как попытку лишить их свободы⁵⁰¹. Дельфийская лига, сформировавшаяся первоначально как союз городов#государств, добровольно объединившихся для совместных оборонительных и наступательных действий, в котором независимость его членов рассматривалась как очевидный, общепризнанный факт, со временем превращается в протоимперию⁵⁰².

Среди союзников вспыхивают восстания, что, в конце концов, и привело к поражению Афин в Пелопоннесской войне. В попытках Афин установить свою гегемонию в Греции явно видны те же тенденции, которые впоследствии были успешно реализованы Римом в его борьбе за доминирование в Италии. Различие состоит лишь в том, что Афинам попытка создать империю не удалась⁵⁰³.

Численность армии, которую можно мобилизовать в городе#государстве, ограничена его размерами. Сама природа полиса предполагает прямую демократию, совместное участие граждан в принятии решений. Платон в “Законах” утверждает, что идеальный полис дол-

⁴⁹⁵ См.: Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1931. С. 400.

⁴⁹⁶ Гоплит – древнегреческий тяжеловооруженный пеший воин.

⁴⁹⁷ Ferguson Y. *Chiefdoms to City-States: The Greek Experience* / Earle T. (ed.). Chiefdoms: Power, Economy and Ideology. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 186.

⁴⁹⁸ Davies J. K. *Democracy and Classical Greece*. Sussex: The Harvester Press; New Jersey: Humanities Press, 1978. P. 48, 49.

⁴⁹⁹ *Античная цивилизация* / Отв. ред. В. Д. Блаватский. М.: Наука, 1973. С. 68–69.

⁵⁰⁰ О нарастающих имперских тенденциях в отношении афинян к своим союзникам см.: Sealey R. *A History of the Greek City States ca. 700–338 B. C.* Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 1976. P. 304–308.

⁵⁰¹ Bullock C. J. *Politics, Finance and Consequences*. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press, 1939. P. 111.

⁵⁰² Rhodes P. J. *The Athenian Empire*. Oxford: Clarendon Press, 1985. P. 22–28.

⁵⁰³ Davies J. K. *Democracy and Classical Greece*. Sussex: The Harvester Press; New Jersey: Humanities Press, 1978. P. 76.

жен включать 5040 полноправных граждан⁵⁰⁴. Аристотель указывает, что полис с населением больше 100 тыс. человек – это уже не полис. В «Политике» он пишет о том, что население и территория полиса должны быть легкообозримы⁵⁰⁵.

Спарта была крупнейшим по территории греческим полисом площадью 8300 км². Площадь Афин составляла 2800 км². Большинство других полисов занимало площадь от 80 до 1300 км². Афины были необычно большим полисом⁵⁰⁶. В большинстве городов#государств численность свободных граждан мужчин находилась в диапазоне 2–10 тыс. человек⁵⁰⁷.

Долгое время превосходство в организации военного дела, которое давала грекам фаланга гоплитов, и отсутствие сильных соседей компенсировали численную слабость полисной армии. Но это не могло длиться бесконечно. Во времена больших флотов и армий, которые содержались за счет дани или грабежа, суверенитет малых городов#государств становится невозможным. А традиции партикуляризма в Греции были слишком сильны и препятствовали созданию устойчивых союзов между полисами.

§ 4. Источники внутренней нестабильности античного общественного устройства

Здесь начинает действовать еще одно объективное противоречие, влияющее на развитие аграрного мира. Богатство привлекает воинственных соседей, дает им стимулы к захватническим войнам. Они могут заимствовать военные технологии у цивилизованных народов. Не станем подробно излагать, как это противоречие проявлялось в истории античности. Результат общеизвестен: формирование сначала Македонией⁵⁰⁸, затем Римом крупных централизованных государств, унаследовавших античные традиции организации общества, в том числе представление о правах и свободах граждан.

Общины в греческих, римских, итальянских городах сохраняются в качестве элемента местного самоуправления⁵⁰⁹. И во времена эллинизма подавляющее большинство греческих городов расположено на побережье, тесно связано с торговлей. В самосознании римлян одним из преимуществ их государства является широкое распространение городов, городского стиля жизни⁵¹⁰. Но над городами уже стоит мощное государство, которое относится к своим подданным, к населению завоеванных иноэтнических территорий так же, как традиционное аграрное государство к крестьянскому большинству. И македонцы в эллинских

⁵⁰⁴ См.: Платон. *Государство. Законы. Политика*. М.: Мысль, 1998. С. 493.

⁵⁰⁵ См.: Аристотель. *Со ч.*: В 4 т. Т. 4. С. 598.

⁵⁰⁶ Исследователи до сих пор спорят о численности населения в крупнейшем греческом полисе – Афинах. Однако большинство сходится в том, что с учетом рабов она вряд ли превышала 250–270 тыс. человек (см.: Gomme A. W. *The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C.* Westport, Connecticut: Greenwood Press, Publisher, 1986. P. 4–6; Finley M. I. *The Ancient Greeks*. London: Penguin Books, 1991. P. 72).

⁵⁰⁷ Ferguson Y. *Chiefdoms to City-States: The Greek Experience* // Earle T. (ed.). *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 178.

⁵⁰⁸ По социальным установлениям и стилю жизни македонцы были горцами. Отсюда естественность для них сочетания функций сельскохозяйственной деятельности и военного дела. Близость к греческой цивилизации, возможность заимствования лучших образцов вооружения и способов организации военного дела в сочетании с отсутствием ограничений размеров государства, характерного для греческого полиса, дали Македонскому царству важнейшие козыри в борьбе за доминирование в Греции, а затем в Передней Азии (см.: Anderson P. *Passages from Antiquity to Feudalism*. London: NLB, 1975. P. 45–49; Walbank F. W. *The Hellenistic World*. Sussex: The Harvester Press; New Jersey: Humanities Press, 1981. P. 13).

⁵⁰⁹ О сочетании авторитарного режима центральной власти в Римской империи и широкого самоуправления городов, выполнении ими функций центров управления имперскими регионами см.: Garnsey P., Saller R. *The Roman Empire. Economy, Society and Culture*. London: Gerald Duckworth & Co. Ltd., 1987. P. 26–40.

⁵¹⁰ Jones A. H. M. *The Greek City from Alexander to Justinian*. Oxford: At The Clarendon Press, 1940. P. 27, 60.

государствах Ближнего Востока, и пришедшие им на смену римляне сохраняют неизменной ту систему налоговой администрации, которая существовала на протяжении веков в аграрных цивилизациях до их завоевания. Греческие и римские колонии получают права самоуправления и налоговые иммунитеты, а основная масса крестьянского населения – лишь новую, специализирующуюся на насилии, правящую элиту.

Если сравнивать все это с другими завоеваниями аграрной эпохи, кажется, не произошло ничего нового. Сменилась присваивающая прибавочный продукт элита. Жизнь подавляющей части населения не изменилась. Но отличие есть, и оно в ином культурном уровне новой элиты. Всем кочевым династиям, которые завоевывали Китай, волей-неволей пришлось осваивать китайский язык и китайский институциональный опыт. Греки и римляне могли сохранять свой язык и обычаи, используя местный административный налоговый аппарат. Поэтому влияние античности на последующее развитие завоеванных ближневосточных народов и их культуру оказалось ограниченным. Тому способствовали глубокие различия между античными установлениями с их свободами и правами, с одной стороны, и всем предшествующим опытом ближневосточных государств – с другой. В те времена мир на Ближнем Востоке был четко разделен на две части, рядом существовали римские и эллинские города – с широкими правами самоуправления, свободами, античным стилем жизни – и деревня, все установления в которой, в том числе и налоговые, унаследованы от Персидской империи.

При всем блеске цивилизации греческих самоуправляющихся общин-полисов источник ее внутренней нестабильности очевиден. В условиях аграрного общества торговля может приносить значительные доходы, достаточные для потребностей свободного города, обеспечивающего экономические связи между крупными массами оседлых, живущих под властью аграрных деспотий крестьян. И все же в мире, где 9/10 населения заняты в сельском хозяйстве, роль торговли ограничена. Она остается крупным источником доходов для Афин, но уже куда более скромным – для государств эпохи эллинизма, где база государственных финансов – те же традиционные подати, собираемые с селян.

Образование империй с мощными армиями не снимает фундаментального противоречия античности: трудности, а порой и невозможности совмещать функции крестьянина и воина в течение длительного времени. Хорошо организованное ополчение крестьян-воинов, освоив лучшие технологические достижения своего времени, могло вести успешные завоевательные войны и даже создать империю. Но чтобы ее сохранить, требуются постоянная армия, необходимые для ее содержания финансовые ресурсы, а значит, и налогообложение всего крестьянского населения.

Уже при Гае Марии⁵¹¹, когда формальный призыв на воинскую службу еще сохранялся, римская армия становится все в большей степени профессиональной⁵¹². К эпохе Августа⁵¹³ средний срок службы достигает 20 лет⁵¹⁴. Сами военные успехи Рима, быстрый рост контролируемых территорий, числа граждан делали невозможным сохранение традиционных демократических институтов города-государства, базой которых было народное собрание.

Давно отмечено, что народное собрание может работать эффективно, если те, кто имеет право голоса, могут принимать в нем участие, проводя не более двух ночей

⁵¹¹ *Гай Марий* (ок. 157–86 до н. э.) – римский полководец и политический деятель, семь раз избирался консулом Римской империи, провел реорганизацию римской армии.

⁵¹² Rostovtzeff M. *The Social & Economic History of the Roman Empire*. Oxford: Clarendon Press, 1926. P. 25–27.

⁵¹³ *Октавиан Август* (при рождении Гай Октавий Фурий; 63 до н. э. – 14 н. э.) – внучатый племянник Гая Юлия Цезаря, усыновленный им по завещанию. Победой над римским полководцем Марком Антонием и египетской царицей Клеопатрой завершил гражданские войны, начатые после смерти Цезаря. Основатель принципата – своеобразной формы монархии, сочетавшей единоличную власть с традиционными республиканскими учреждениями.

⁵¹⁴ См.: Моммзен Т. *История римских императоров*. Т. I V. СПб.: Ювента, 2002. С. 260.

вне дома. В Афинах это еще было возможно, в Риме, очевидно, нет. Тем не менее длительная традиция позволила поддерживать демократические институты до середины I в. до н. э. — времени, когда Рим превратился в огромную многонаселенную империю⁵¹⁵.

Крестьянская армия эффективна в условиях коротких походов и непригодна для поддержания безопасности огромной империи. Коммуникационные возможности времени, уровень технологии не позволяют быстро перемещать вооруженных крестьян для охраны ее протяженных границ. Подрывается важнейший принцип античного общества, порождение ранней военной демократии, унаследованной от охотников и кочевников-скотоводов: свобода предполагает исполнение воинской обязанности. Формирование принципата, при котором власть оказывается у того, кого поддерживают или хотя бы терпят легионы, закат прежних демократических институтов, уже не отвечающих новым реалиям, — таковы неизбежные последствия перехода к профессиональной армии. Выясняется, что античные установления нельзя сохранить, не создав централизованного государства с постоянной армией. Впрочем, когда рядом с самоуправляющейся общиной появляется государство с его военным аппаратом, эти установления все равно трансформируются.

В республиканском Риме, как и в греческих полисах, важнейший источник поступающих в казну доходов — взимаемые в портах импортные и экспортные пошлины. С распространением римских завоеваний его дополняет дань от покоренного населения. При Августе Рим формирует упорядоченную систему налогообложения своих подданных, но римские граждане от прямых налогов по-прежнему освобождены⁵¹⁶.

С переходом к наемной армии военные расходы растут. Как и в других аграрных государствах, в позднереспубликанском и имперском Риме военные расходы всегда превышают половину бюджета⁵¹⁷. Черeda успешных завоевательных войн, расширение контролируемых, платящих налоги территорий с иноэтническим населением, присвоение накопленных завоеванными аграрными государствами богатств на долгое время снимают для римлян фундаментальную проблему, порожденную переходом к постоянной наемной армии, — необходимость средств для ее финансирования.

В аграрную эпоху войны нетрудно разделить на рентабельные и нерентабельные. К последним относятся те, где затраты на ведение боевых действий больше военных трофеев и других выгод, которые приносит победа над неприятелем. Успешные войны с богатыми земледельческими государствами потенциально рентабельны, а с варварами, кочевниками и горцами нерентабельны. Отнять у них можно немного, но из-за их мобильности даже охрана собственных территорий от их набегов требует больших затрат. К I в. н. э. Рим практически исчерпал потенциал рентабельных войн. За его границами начинаются пустыни, территории воинственных соседей — Парфянского царства и германцев⁵¹⁸. Оборона империи становится дорогостоящим занятием, а войны приносят все меньше трофеев, на которые можно содержать армию.

Численность римской армии, составлявшая в конце правления Августа примерно 300 тыс. человек, во время правления Севера⁵¹⁹ достигает 400 тыс. человек⁵²⁰. В IV в. она

⁵¹⁵ П. Брант оценивает численность свободных римских граждан во время правления Августа в 4–5 млн человек (см.: Brunt P. A. *Social Conflicts in the Roman Republic*. New York: W. W. Norton & Company Inc., 1971. P. 1–19).

⁵¹⁶ Jones A. H. M. *The Roman Economy. Studies in Ancient Economic and Administrative History*. Oxford: Basil Blackwell, 1974. P. 164.

⁵¹⁷ Johnson A. C. *Egypt and the Roman Empire*. Ann Arbor: University of Michigan, 1951. P. 48; Hopkins K. *Taxes and Trade in the Roman Empire* // *Journal of Roman Studies*. Vol. LXX. 1980. P. 116, 117.

⁵¹⁸ Уже со времен Августа римская элита, осознав, что возможности рентабельных войн исчерпаны, сформировала концепцию естественных границ империи, за пределами которых экспансия нецелесообразна: это Окса на западе, Рейн и Дунай на севере, пустыни на востоке и юге (см.: *col1_0 A History of Rome To 565 A. D.* New York: The Macmillan Company, 1943. P. 350).

⁵¹⁹ Луций Септимий Север (146–211) — римский император в 193–211 гг.

составляет 500–600 тыс. человек⁵²¹. В последние века Римской империи на военную службу смотрели как на рабство, которого стремятся избежать. Уже нельзя было навязать силой всеобщую обязанность служить в армии. Как пишет М. Грант: “Молодые мужчины поздней Римской империи делали все, чтобы избежать воинской службы... Это становится видным из текста законов того времени, в которых раскрываются отчаянные шаги, предпринимаемые во избежание воинского призыва. Как там указано, многие юноши прибегали к членовредительству, чтобы стать непригодными к службе. За это по закону полагалось сожжение живьем... В 440 году укрывание рекрутов наказывалось смертной казнью. Такая же судьба ожидала тех, кто укрывал дезертиров... Показателем озабоченности государства проблемой дезертирства было введение законов о клеймении новых солдат: на их кожу наносили клеймо, как на кожу рабов в бараках-тюрьмах”⁵²².

Здесь еще раз сказывается противоречие аграрного общества. Богатство аграрной империи притягивает воинственных варваров. Соседство с ней позволяет им перенимать лучшие образцы боевой техники и военной организации. У варваров сельское хозяйство и организация насилия еще не разделены. Они бедны, но воинственны. Империя может оказывать им сопротивление, но расплачивается за это дорогой ценой – усилением налогового бремени. Для значительной части населения это означает невозможность дальнейшей сельскохозяйственной деятельности. С II–III вв. н. э. население западных регионов Римской империи начинает сокращаться⁵²³. Из-за падения государственных доходов уменьшаются средства на содержание армии, воинская служба становится все менее привлекательной, принудительной обязанностью. Падение мощи имперской армии не случайность, а проявление характерных для периода аграрной цивилизации противоречий между экономическим могуществом одних и способностью организовывать насилие других.

Возникают объективные предпосылки для краха еще одного фундаментального принципа, на котором зиждется античный мир: в свое время переход к постоянной армии лишил свободных граждан их демократического права участвовать в решении принципиальных вопросов общественной жизни. Теперь рушится и другой столп античности – освобождение гражданина от прямых налогов. А это уже признак рабства⁵²⁴.

Со времени войн Марка Аврелия, предпринятых для отражения нападений варваров на Дунае, финансовое напряжение империи постоянно возрастает⁵²⁵. Его стараются уменьшить, прибегая к распродаже государственного имущества, порче монеты, повышению налогов. Еще один способ, с помощью которого императоры пытаются финансировать возросшие военные расходы, – это массовые конфискации⁵²⁶. И все равно средств для армии, способной надежно защитить империю, на богатства которой претендуют менее развитые народы, катастрофически не хватает. Выход один – отменить традиционные налоговые привилегии для населения, имеющего статус римских граждан⁵²⁷, что и происходит в III в.

⁵²⁰ McMullen R. *How Big Was the Roman Imperial Army?* // *Klio. Beitrage Zur Alten Geschichte*. Heft 2. Bd 62. 1980. P. 451–460.

⁵²¹ См.: Грант М. *Крушение Римской империи*. М.: Терра-Книжный клуб, 1998.

⁵²² См.: Там же. С. 45, 46.

⁵²³ Russel J. C. *The Control of Late Ancient and Medieval Population*. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1985. P. 222.

⁵²⁴ “Со II в. армию нельзя было увеличить до необходимых размеров, потому что сельское хозяйство не могло ее содержать. Ситуация на селе ухудшалась из-за высоких налогов и литургий, а налоговое бремя было непомерным как раз из-за слишком высоких военных расходов. Складывался порочный круг, выход из которого в рамках античного мира был невозможен” (см.: Finley M. I. *The Ancient Economy*. London: Penguin Books, 1992. P. 176).

⁵²⁵ Марк Аврелий Антонин (121–180) – римский император в 161–180 гг.

⁵²⁶ Марк Аврелий: “Все, что вы получаете сверх вашего регулярного жалованья, должно быть добыто на крови ваших родителей и родственников” (см.: Rostovtzeff M. *The Social and Economic History of the Roman Empire*. P. 326).

⁵²⁷ О конфискациях при Коммод и Севере см.: Rostovtzeff M. *The Social and Economic History of the Roman Empire*. P.

н. э.: с 212 года все свободное население империи этот статус получило, потеряв заодно привилегии по уплате подушевого налога⁵²⁸. При Диоклетиане⁵²⁹ налоги выходят за предел, выше которого устойчивое функционирование аграрного государства невозможно. Начинается классический финансовый кризис, связанный с избыточным обложением и эрозией доходной базы бюджета.

К IV в. в Риме уже мало что остается от традиционных античных институтов, а жалобы на тяготы налогового бремени приобретают всеобщий характер⁵³⁰. Повсеместно вводятся характерные для традиционных восточных деспотий подушная и поземельная подати, механизм круговой поруки. Все это распространяется и на города, прежде пользовавшиеся правом самоуправления и налоговым иммунитетом⁵³¹. С этого времени очевиден закат городов, деурбанизация империи. В отличие от сложной административной системы ранней империи, где бюрократия выполняла лишь подсобные функции, сформировавшиеся при Диоклетиане бюрократические порядки и ритуалы ближе к традициям аграрных деспотий⁵³².

К этому времени в Римской империи закрепляется новая форма отношений между собственниками земли и земледельцами – колонат. Изначально колон – это любой человек, занимающийся сельским хозяйством. Затем под этим словом подразумевают земельного арендатора. К началу IV в. колон уже закреплен на земле раб. Законы Константина⁵³³ впервые в римской истории фиксируют эти отношения: закон 332 года прикрепляет крестьян к земле, а закон 364⁵³⁴ года устанавливает наследственный характер закрепощения. Главный мотив нового законодательства – обеспечить сбор налогов. Со времен императора Севера⁵³⁵ ответственность за это начинают нести муниципальные магистраты⁵³⁶. Прежде почетные должности в местном самоуправлении становятся обременительными и опасными, поскольку связаны с ответственностью за сбор налогов и обеспечением круговой поруки.

К концу IV в. события в Римской империи развиваются по уже известному сценарию: массовое бегство крестьян с земли, бандитизм, ослабление налоговой базы, дезертирство из армии, уход земледельцев под покровительство тех, кто способен оградить их от произ-

272–274; Garnsey P., Saller R. *The Roman Empire. Economy, Society and Culture*. London: Gerald Duckworth & Co. Ltd, 1987. P. 94. Об увеличении налогов при Диоклетиане в связи с ростом затрат на армию см.: Моммзен Т. *История римских императоров*. Т. I V. СПб.: Ювента, 2002. С. 435.

⁵²⁸ Наставляя сыновей, император Север говорил: “Будьте вместе, хорошо платите солдатам и забудьте об остальных” (см.: Rostovtzeff M. *The Social and Economic History of the Roman Empire*. P. 354).

⁵²⁹ Гай Аврелий Валерий Диоклетиан (245–313) – римский император в 284–305 гг.

⁵³⁰ “Редко когда в истории можно найти случаи более громких и постоянных жалоб на налоги, чем в поздней Римской империи. Уже при Диоклетиане Лактанций пишет о невыносимом бремени налогов. Тимистиус в 364 году говорит о примерном удвоении налогов за предшествующие сорок лет” (см.: Jones A. H. M. *The Roman Economy. Studies in Ancient Economic and Administrative History*. Oxford: Basil Blackwell, 1974. P. 199). О тяжести налогообложения, бегстве крестьян с земли, их готовности вернуться под власть варваров, лишь бы не оставаться под владычеством римлян, см.: Salvianus. *The Writings of Salvian, the Presbyter*. Washington: The Catholic University of America Press, 1962. P. 138–141. О невыносимом налоговом бремени при Диоклетиане и его наследниках см. также: *О смертях преследователей*. СПб.: Алетей, 1998. С. 132–137.

⁵³¹ “Общее направление развития города IV–VI вв. от самоуправляющегося коллектива граждан (права и обязанности которых связаны с владением землей в городе и его административном округе) к политически аморфной административно-податной единице, управляемой государством посредством бюрократического аппарата, не вызывает сомнения.... Византийский город к моменту арабского завоевания был почти полностью подчинен государственной администрации. Остатки традиционных полисных учреждений сохранялись в той мере, в какой были удобны государству” (см.: Большаков О. Г. *Средневековый город Ближнего Востока*. М., 2001. С. 17, 19).

⁵³² Диоклетиан ввел обычай коленопреклонения перед императором.

⁵³³ Флавий Валерий Аврелий Константин (Константин Великий; 272–337) – римский император, единолично правил в 324–337 гг. Организовал новое государственное устройство. Перенес столицу в Византию (Константинополь). Перед смертью принял христианство.

⁵³⁴ Этот закон был принят при императоре Валентиниане I.

⁵³⁵ Луций Септимий Север (146–211) – римский император в 193–211 гг. Единолично правил с 197 г.

⁵³⁶ Rostovtzeff M. *The Social and Economic History of the Roman Empire*. P. 363.

вола налогового сборщика. Попытки правительства остановить все это оказываются малоэффективными.

Более того, легионы все чаще комплектуются из варваров. Как отмечает один из источников V в., тяжесть налогообложения в позднем Риме достигла такого предела, что местное население с радостью встречало варваров и боялось вновь оказаться под римской властью⁵³⁷.

Рухнувший на территории Западной Римской империи в V в. н. э. общественный организм по своей природе утратил важнейшие черты античности, трансформировался в III–IV вв. в аграрное государство с высокими налогами, взимаемыми с крестьянского населения правящей элитой, занятой государственным управлением и организацией военного дела.

Уцелевшая Восточная Римская империя на протяжении всей своей истории сохраняет те же черты аграрного государства и имеет мало общего в организации социальной жизни с той своеобразной средой свободных крестьян, солдат и воинов, вместе решающих общественные дела, которая проложила дорогу античному феномену.

* * *

Античная альтернатива традиционной аграрной цивилизации резко расширила свободу и разнообразие исторического выбора, простор для общественной инициативы. Но всему этому не было места в основных структурах аграрного мира. Главный кормилец Римской империи – египетский крестьянин был обременен схожими податями и при персидском царе, и при эллинских правителях, и под властью Рима. То же относится к большей части сельского населения империи. Порожденные античностью разнообразие и свобода позволили бы создать новую, устойчивую базу развития, если бы обеспечили рост продуктивности сельского хозяйства, занятости в сферах, не связанных с производством продовольствия. Но для этого еще не было необходимых предпосылок, не было накоплено достаточно знаний и технологий. Для стабильного функционирования аграрного общества тот уровень свободы и многообразия, который несла в себе античность, был лишним. Чтобы появились предпосылки современного экономического роста, потребовались еще полтора тысячелетия постепенного развития. Главным в античном наследии, которое досталось завоевавшим Западную Римскую империю германским племенам, были культурная традиция классической античности, социально-экономический генотип греческих и римских представлений о возможности альтернативного государственного устройства, иных правовых отношений. Именно это сказалось на дальнейшей эволюции западноевропейских государств, отклонило ее от траектории, характерной для устойчивых, но застойных аграрных государств, позволило человечеству выбраться из институциональной ловушки аграрной цивилизации.

⁵³⁷ Bernardi A. *The Economic Problems of the Rome Empire at the Time of Decline* // Cipolla C. M. (ed.). *The Economic Decline of Empires*. London: Methuen & Co. Ltd., 1970. P. 55, 73.

Глава 7

Капитализм и подъем Европы

– Чего мы ждем, собравшись здесь на площади?
– Сегодня в город прибывают варвары.
– Почто бездействует Сенат? Почто сенаторы сидят,
не заняты законодательством?
– Сегодня в город прибывают варвары.
К чему теперь Сенат с его
законами?
Вот варвары придут и издадут
законы.

К. П. Кавафис⁵³⁸ В ожидании варваров

Города Европы стали как бы военными лагерями культуры, горнилом трудолюбия, началом нового, лучшего хозяйственного строя, без которого земля эта до сих пор оставалась бы невозделанной пустыней... В городских стенах, на малом пространстве теснилось все, что только могло пробудить, создать прилежание, находчивость, гражданская свобода, хозяйство, порядок, нравственность; законы некоторых городов – это подлинные образцы бюргерской мудрости. И патриции, и подлый люд пользовались благодаря этим законам гражданскими правами – первое имя, которое дано было общей свободе... Города совершили то, чего не хотели и не могли совершить государи, священники, дворяне, – они создали солидарно трудящуюся Европу.

И. Г. Гердер⁵³⁹.

Идеи к философии истории человечества

§ 1. Закат античного мира и становление феодальных институтов в Западной Европе

Германцы, ближайшие соседи Рима и главная для него угроза в последние века существования империи, не имели письменности и развитой государственности, но использовали выгоды от близости к развитой аграрной цивилизации. Первый надежный источник, повествующий о жизни германских племен, – записки Юлия Цезаря. Из них, впрочем, не ясно, перешли эти племена к оседлой жизни или нет⁵⁴⁰. Однако уже полтора века спустя они, по свидетельству Тацита, ведут оседлое сельское хозяйство⁵⁴¹. Сами римские рубежи и стоящие на них легионы побуждают кочевые народы переходить к оседлому земледелию. Оседлая жизнь и сельское хозяйство в качестве основного рода занятий ускоряют рост населения. При этом германцы сохраняют унаследованные от кочевников нормы поведе-

⁵³⁸ *Кавафис* Константинос (1863–1933) – греческий поэт. Цитируется в переводе Г. Шмакова.

⁵³⁹ *Гердер* Иоганн Готфрид (1744–1803) – немецкий историк культуры, философ, критик, поэт.

⁵⁴⁰ Цезарь считает скотоводство преобладающим видом сельскохозяйственной деятельности у германцев. Он пишет: “Но земля у них не разделена и не находится в частной собственности, и им нельзя более года оставаться на одном и том же месте для возделывания земли” (см.: Гай Юлий Цезарь. *Записки о Галльской войне*. Кн. 4. Гл. 1 // Граков Б. Н., Моравский С. П., Неусыхин А. И. Древние германцы: Сб. документов. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 19).

⁵⁴¹ См.: Тацит К. *Со ч. Т. 1: Анналы. Малые произведения*. М.: Ладомир, 1993. С. 355.

ния, прежде всего воинственность⁵⁴². Сохранению воинских навыков способствует близость к богатым цивилизованным территориям, населенным мирными крестьянами. Набеги на римские окраины дополняют доходы германских племен от сельского хозяйства, как это не раз наблюдалось в истории горцев и степных кочевников. В этом причина своеобразия властных структур у германцев. Помимо регулирующих мирную жизнь советов старейшин и народных собраний в систему власти входят военные предводители, собирающие дружины для набегов на римские земли. К III–IV вв. н. э. германцы уже включились в интенсивный культурный обмен с римлянами. Со времен Диоклетиана они составляют значительную часть римского войска. Римское вооружение, организация военных действий им знакомы. Можно сказать, что крах Западной Римской империи – это, по существу, не более чем дворцовый переворот, совершенный преимущественно германским по своему составу войском⁵⁴³. На закате Западного Рима ориентализация⁵⁴⁴ его социальных структур зашла так далеко, что от античного наследия осталось немного. Как это бывает в аграрных обществах, подавляющую часть населения составляют зависимые, платящие налоги государству или подати господину крестьяне. Государство слабо справляется со своей обязанностью обеспечивать безопасность. С III в. н. э. большая часть элиты живет в укрепленных замках – децентрализованная защита компенсирует слабость имперской власти. Происходит деурбанизация, сокращается торговля. Завоевание германцами не разрыв с прошлым, а продолжение и развитие характерных для поздней Римской империи тенденций.

В одних местах завоеватели жестко притесняют покоренное население, в других относятся к нему мягче⁵⁴⁵, но везде важнейший результат завоевания – крах римской централизованной системы налогообложения. В некоторых регионах империи, в частности в Италии, германцы пытаются ее сохранить, активно привлекают римлян к участию в управлении. Недаром король остготов Теодорих⁵⁴⁶ приближал к себе римскую знать, без участия которой собрать средства для финансирования остготской армии было невозможно. Однако попытки сохранить римскую налоговую систему заканчиваются неудачей. После лангобардского⁵⁴⁷ завоевания она окончательно распадается.

Государству больше не приходится решать амбициозные задачи по защите огромной империи. Упрощается военная структура, становится возможным переход от постоянной армии к ополчению. Это позволяет уменьшить государственные расходы и налоговое бремя. К тому же цивилизационный уровень германцев не оставляет возможности сохранять сложную, основанную на регулярных переписях систему налогообложения⁵⁴⁸. Результатом раз-

⁵⁴² Weber M. *General Economic History*. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1995. P. 3, 6, 7, 16, 17.

⁵⁴³ Rostovtzeff M. *The Social and Economic History of the Roman Empire*. Oxford: At the Clarendon Press, 1926. P. 440–443.

⁵⁴⁴ Ориентализация – уподобление Востоку, усиление восточного влияния на политику и культуру.

⁵⁴⁵ В королевстве вандалов в Африке римские земли были полностью конфискованы. Завоеватели относились к римлянам как к покоренному народу. Остготы в Италии сохранили контуры римской структуры власти и право римлян на военную службу. Победители захватили треть государственных земель. Частные земли для своего расселения они не конфисковали (см.: Boak A. E. *A History of Rome to 565 A. D.* New York: The Macmillan Company, 1943. P. 473–476).

⁵⁴⁶ Остготы – восточная ветвь германских племен готов, пришедших из Скандинавии в Восточную Европу примерно в конце 2 – начале 3 в. н. э. и захвативших территории вплоть до побережья Черного моря на юге, низовьев Дона на востоке и Дуная на западе. Разделение на остготов и вестготов произошло в 3–4 вв. н. э. Теодорих Великий (451–526, год рождения ориентировочный) – король остготов с 474 по 526 г. Завоевал Италию и был во главе ее с 493 по 526 г.

⁵⁴⁷ Лангобарды (буквальный перевод – длиннобородые) – германское племя, жившее на нижней Эльбе, потом – на Дунае. В 568 г. вторглись в Северную Италию, где образовали лангобардское королевство (отсюда название Ломбардии). Королевство прекратило существование после завоевания Карлом Великим в 774 г.

⁵⁴⁸ Возможно, здесь сказались традиции индоариев, у которых налогообложение свободных людей всегда считалось недопустимым. Живший в VI в. епископ Григорий Турский приводит эпизод, характеризующий отношение германских королей к римской налоговой системе. У короля Хилперика заболели дети, и королева, считая болезнь местью богов, умоляла мужа “сжечь проклятые налоговые книги” в надежде, что это может отвести божественное проклятие (см.: Tierney B., Painter S. *Western Europe in the Middle Ages*. New York: Knopf, 1970. P. 73; *Cambridge Medieval History*. V. III. Germany and the Western Empire // Gwatkin H. M., Whitney J. P., Tanner J. R. (eds.). New York: Macmillan, 1913. P. 140).

вала римской системы налогообложения стала долгосрочная финансовая и военная слабость европейских государств, сформировавшихся на развалинах Рима.

Следствие слабости государственных финансов – тенденция к феодализации⁵⁴⁹. Сюзерены раздают земли своим соратникам. Королевский домен как территория, которой монарх управляет непосредственно, сохраняется, но за его пределами он уже не может облагать подданных земельным налогом. Закрепляется обычай, согласно которому “король живет за свой счет”; если ему понадобятся дополнительные средства, приходится договариваться с подданными, где их брать. При Каролингах⁵⁵⁰ базу государственных финансов составляли доходы от королевских поместий, таможенных пошлин, продажи соли, чеканки монеты, конфискации имений и военная добыча.

Еще одна причина ослабления западноевропейских государств во второй половине I#го тысячелетия н. э. – сам характер доминирующей угрозы, от которой необходимо защищаться. Расположенная далеко от евразийских степей Западная Европа не подвергалась крупномасштабным завоеваниям кочевников⁵⁵¹ – Паннонская равнина слишком мала для кочевой жизни крупных скотоводческих племен. Поселившиеся на ней авары, затем венгры быстро переходят к оседлости⁵⁵². Тем не менее именно необходимость выплатить дань венграм заставила королевство лангобардов единственный раз в истории взимать прямой подушевой налог в Италии⁵⁵³.

Доминирующая угроза для Европы VIII–XI вв. – набеги населявших берега Скандинавского полуострова и территории современной Дании норманнов. Это типичные “народы моря”⁵⁵⁴. Набеги викингов, как правило, децентрализованны. Адекватный ответ на такую угрозу: децентрализация защиты, формирование феодальной структуры с рыцарским замком – убежищем для живущих поблизости крестьян⁵⁵⁵.

Тяжеловооруженная рыцарская конница, получившая с VIII в. н. э. широкое распространение в Европе, становится основой в организации военного дела. Для приобретения доспехов, оружия, крупных и выносливых лошадей, для содержания рыцарей и их оруженосцев требуются большие средства. Это также подталкивает к формированию децен-

⁵⁴⁹ “Обширное централизованное государство не соответствовало эпохе натурального хозяйства, которое препятствовало централизации, связности частей, разрывая области на множество самодовлеющих хозяйственных мирков... Обширная каролингская монархия возникла слишком рано, когда господствовало всецело натуральное хозяйство, которое не связывало, а, наоборот, разобщало отдельные районы страны как самодовлеющие хозяйственные мирки. Отсутствие экономической связности частей, отсутствие культурного единства, недостаток денежных средств и географическая разрозненность различных местностей вследствие недостатка путей сообщения совершенно обессиливали централизованное государственное управление. Слабость же этого управления, недостаток государственной защиты вызывали частные союзы защиты, господский и мирской самосуд; политическая власть разъединялась соответственно разъединению хозяйственному” (см.: Павлов-Сильванский Н. П. *Феодализм в России*. М.: Наука, 1988. С. 92).

⁵⁵⁰ *Каролинги* (751–987) – королевская и императорская династия в государстве франков. Основана отцом Карла Великого Пепином Коротким.

⁵⁵¹ Марк Блок рассматривал удаленность Европы от основного массива евразийских степей, относительную изолированность от центра крупных степных завоеваний как важнейший фактор, обусловивший специфику европейской институциональной эволюции (см.: Bloch M. *Feudal Society*. London, 1961. P. 56).

⁵⁵² Об ограниченности размеров Паннонской равнины для масштабного кочевого скотоводства как факторе, обеспечившем возможность устойчивого подъема Западной Европы в условиях относительно слабой государственной власти, см.: Sinor D. *Horse and Pasture in Inner Asian History* // *Oriens Extremis*. 1972. Vol. 19 (102). P. 171–183. О переходе венгров к оседлой жизни после миграции в Европу см.: Bartha A. *Hungarian Society in the 9th and 10th Centuries*. Budapest, 1975.

⁵⁵³ В 947 г., единственный раз после лангобардского завоевания, в Италии (вне подконтрольной Византии территории) взимался подушевой налог для выплаты дани венграм. Формирование деспотического режима в Венеции в конце IX в. н. э. также было связано с угрозой венгерского вторжения. В Англии прямой налог вводится для откупа от набегов датчан. Во Франции элементы прямого налогообложения вводятся в IX в. также для выплаты дани датчанам.

⁵⁵⁴ О хозяйственной деятельности и быте викингов см.: Гуревич А. Я. *Походы викингов*. М.: Наука, 1966.

⁵⁵⁵ “Далекий король был плохой защитой против мобильных шаек грабителей. Реальной мерой против их набегов был укрепленный замок и тяжеловооруженный рыцарь” (см.: North D. C. *Structure and Change in Economic History*. New York; London: W. W. Norton & Company, 1981. P. 136, 137).

трализованной феодальной структуры, где воин-рыцарь и крестьяне связаны квазикон-трактными отношениями: происходит обмен продуктов земледелия на услуги защитников. В этих условиях ценность приобретает не земля вообще, а земля, близкая к замку. В IX в. больше половины земель во Франции, 4/5 в Италии и Англии не обрабатывалось, пустовало. К моменту германского завоевания крестьяне Западной Римской империи утратили навыки самообороны и стали для новых господ-завоевателей естественным объектом эксплуатации. В период после расселения варварских племен на завоеванной территории свободный крестьянин, возделывающий участок земли или пасущий стадо, как правило, не расставался с оружием. Оно по-прежнему было главным признаком свободного происхождения и полноправия⁵⁵⁶. Расселившиеся на территории завоеванных римских провинций германцы первоначально получают статус свободных от налогов крестьян-воинов, в обязанность которых входит лишь военная служба. В письме, которое король остготов Теодорих направил крестьянам Сицилии, он говорит о том, что смена меча на плуг бесчестит человека⁵⁵⁷. В некоторых европейских регионах (как правило, это прибрежные или горные территории – Норвегия, Тироль, Швейцария) свободное крестьянство сохраняется надолго. Но для аграрного мира это исключение. Двух веков было достаточно, чтобы в полной мере проявилась неустойчивость сочетания двух функций – крестьянина и воина.

Германцы, осев на земле, быстро проходят характерную для оседлых крестьян эволюцию. Они разделяются на зависимое крестьянское большинство, не специализирующееся на военном деле, и господствующую элиту. Норманнские набеги, увеличивающие потребность в защите, лишь ускоряют эту тенденцию.

В Западной Европе крестьяне повсеместно переходят под покровительство феодалов, меняя свободу и землю на относительную безопасность. Те же англосаксы – осевшие на землю в VIII в. свободные крестьяне – под угрозой датских набегов в начале XI в. в подавляющем большинстве превращаются в крестьян зависимых, включенных в систему отношений “лорд – слуга”⁵⁵⁸. К началу 2-го тысячелетия н. э. такая трансформация земледельческого статуса находит отражение в идеологической формуле эпохи: “нет земли без господина”.

Наступает период стабилизации. Численность населения Западной Европы после краха Римской империи достигла минимума примерно в 600 году н. э.⁵⁵⁹ В XI–XIII вв., после прекращения набегов венгров и викингов в Западной Европе, она растет, увеличивается душевой ВВП – примерно на 0,1 % в год. Внедряются важные технологические инновации – тяжелый плуг, троеполье, ветряная и водяная мельницы. К XII–XIII вв. Западная Европа достигает уровня душевого ВВП античности периода расцвета. Но по организации жизни западноевропейское сельское население ближе к традиционным аграрным обществам. Серьезное влияние на развитие Европы того времени оказывают лидеры аграрного мира – Арабский халифат и Китай. По отношению к ним европейские государства – страны догоняющего развития, реципиенты инноваций.

К началу 2-го тысячелетия н. э. Западная Европа отставала по душевому ВВП от Китая примерно в 2 раза, по уровню урбанизации – более чем втрое, по распространению грамот-

⁵⁵⁶ См.: Гуревич А. Я. *Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства*. М.: Искусство, 1990. С. 38.

⁵⁵⁷ *Cassiodori Senatoris Variarum Monumenta Germaniae Historica, Auctorum Antiquissimorum Tomus XII*. Berlin: Weidmann, 1894. P. 364.

⁵⁵⁸ Основа отношений господина и крестьянина в Англии этого времени – маноральная система. Манор делится на две основные части: домен, составляющий чаще всего 1/2–1/3 территории манора и земли крестьян (крепостных – виланов и свободных – фригольдеров) (см.: Косминский Е. А., Лавровский В. М. *История манора Брамптона в XI – XVIII вв.* // СВ. 1946. Вып. 2. С. 190–221).

⁵⁵⁹ Russel J. C. *The Control of Late Ancient and Medieval Population*. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1985. P. 223.

ности – в 5–7 раз. Это отставание отражалось на структуре внешней торговли. В это время Европа экспортирует рабов, серебро, меха, древесину, экспорт Востока – готовые изделия⁵⁶⁰. В целом же европейское развитие еще вполне вписывается в картину циклических изменений в устойчивом аграрном обществе, где дезорганизация и упадок сменяются периодами относительного покоя и роста благосостояния. Европа этого времени – традиционный аграрный регион с уровнями грамотности, урбанизации, развития торговли, характерными на протяжении тысячелетий для всего Евразийского материка. Но в ее развитии наблюдаются специфические черты, связанные с античным наследием, с многовековой эпохой, когда в Средиземноморье существовали институты, радикально отличающиеся от аграрных.

§ 2. Специфические институты аграрной Европы. Города и зарождение капитализма

Первый из этих институтов – это церковь, самостоятельный, стоящий рядом с государством инструмент влияния на общество. Германцы не сумели сохранить необходимые для мобилизации налогов развитые римские институты, но Католическая церковь, будучи отделена от возникших на обломках Римской империи варварских государств, сохранила традиции развитой цивилизации: письменность, иерархическую структуру, систему получения доходов (десятина) – и потому уцелела. Борьба между светскими западноевропейскими монархами и церковью за права и привилегии, в том числе за право назначать епископов, право собственности, – важнейшая часть европейской истории на грани 1#го и 2#го тысячелетий.

У каждой из сторон были победы и поражения. Но если отбросить детали, то церкви, в распоряжении которой была высокоорганизованная бюрократия, обладавшей постоянными и значительными доходами, удавалось отстоять свои позиции. И это серьезно сказалось на организации западноевропейского аграрного общества.

Количество прибавочного продукта в аграрных обществах ограничено. Выжать из крестьянского населения дополнительные ресурсы трудно. Когда часть прибавочного продукта присваивает обеспечивающий крестьянину защиту рыцарь-феодал, а другую часть – церковь, государству остается мало. Отделенность церкви от государства, наличие у нее собственных доходов (десятины) – одна из главных причин долгосрочной слабости европейских государств⁵⁶¹. Десятину в Европе начинали собирать с V в. Первоначально выплаты были добровольными, но церковный Собор 585 года сделал их обязательными.

В отличие от государства с его аппаратом насилия у церкви нет подобных механизмов для изъятия ресурсов у крестьян. Ее права подкреплены традициями, возможностью применять к прихожанам санкции при отправлении религиозных обрядов. Еще один помимо десятины важный источник доходов церкви – принесенное ей в дар или завещанное верующими имущество⁵⁶². Отсюда заинтересованность Католической церкви в сохранении и упрощении римских традиций полноценной, четко определенной частной собственности, которая не обременена налоговыми обязательствами перед государством. Церковь становится

⁵⁶⁰ См.: Мельянцева В. А. *Экономический рост стран Востока и Запада в долгосрочной перспективе*: Автореф. дис. д-ра экон. наук. М., 1995. С. 138.

⁵⁶¹ “Десятина, например, является настоящим поземельным налогом, который лишает землевладельцев возможности так широко содействовать своими взносами защите государства, как они могли бы делать это при отсутствии десятины” (см.: Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Т. 2. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. С. 403).

⁵⁶² К концу VII в. треть продуктивной земли во Франции принадлежала Католической церкви (см.: Lal D. *Unintended Consequences: the Impact of Factor Endowments, Culture and Politics on Long-Run Economic Performance*. Cambridge, Massachusetts; London: The MIT Press, 1998. P. 85).

важнейшим инструментом, позволившим утвердить в Западной Европе античные правовые нормы⁵⁶³.

Покорившие римские провинции германцы не сразу оказались под влиянием римского права. В Италии, например, после лангобардского завоевания оно распространялось только на римское население. Сами лангобарды продолжали жить по своим обычаям. Но в целом, чем ближе к Риму находилась провинция, тем сильнее сказывалось влияние римских правовых норм⁵⁶⁴. В Италии земельные владения феодальных сеньоров быстро становятся их частной собственностью, не связанной с феодальными обязанностями⁵⁶⁵. Во Франции этот же процесс растягивается надолго. Существенную роль в сохранении традиций римского права в итальянских городах#государствах сыграли носители античных правовых норм – нотариусы⁵⁶⁶.

Еще один элемент античного наследия, оказавший влияние на социально-экономическую эволюцию Западной Европы, – свободные города. Крах имперских институтов, хаос и насилие в Италии подталкивают население к воспроизводству полисных традиций самоорганизации и самообороны. Именно это обстоятельство привело к образованию Венеции – первого из известных крупных городов#государств постантичного времени⁵⁶⁷. Беспорядки, связанные с нашествием лангобардов, побуждают рыбаков, ремесленников, добытчиков соли, торговцев создать сообщество, близкое к классической полисной демократии. Этому способствует их расселение на островах в Адриатическом море.

Венецианская элита всегда рассматривала себя как естественную наследницу Рима. Провозглашая принадлежащие городам права и свободы, венецианцы апеллировали к римскому праву, прежде всего к праву каждого сообщества на самоуправление⁵⁶⁸. По схожей модели формируются общественные институты в Амальфи, Неаполе, Генуе, Флоренции, множестве других итальянских городов⁵⁶⁹. Предпосылками для такой институциональной эволюции послужили и античное наследие, и высокий уровень урбанизации Италии периода поздней республики и империи. Большая часть существовавших в начале 2#го тысячелетия итальянских городов отсчитывали свою историю от императорского Рима⁵⁷⁰. В итальянских

⁵⁶³ О роли Католической церкви в сохранении римских традиций, римского законодательства и установлений в период после краха Римской империи см.: Anderson P. *Passages from Antiquity to Feudalism*. London: NLB, 1975. P. 131–132. Об использовании Католической церковью традиций римского права в своих интересах см.: McNeill W. H. *The Rise of the West: A History of the Human Community with a Retrospective Essay*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1991. P. 552, 553. О заинтересованности церкви укоренить в Западной Европе римскую традицию неограниченной частной собственности на землю см.: Гуревич А. Я. *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе*. М.: Высшая школа, 1970. С. 40, 41; Он же. *Норвежское общество в раннее Средневековье. Проблема социального строя и культуры*. М.: Наука, 1977. С. 77, 78.

⁵⁶⁴ О влиянии римской правовой традиции на формирование правовых установлений в варварских государствах, пришедших на смену Римской империи, см.: Stein P. *Roman Law in European History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 24, 43, 61–67.

⁵⁶⁵ Wickham C. *Early Medieval Italy. Central Power and Local Society 400–1000*. London; Basingstoke: The Macmillan Press LTD, 1981. P. 142.

⁵⁶⁶ Weber M. *General Economic History*. New Brunswick (U. S. A.) and London (U. K.): Transaction Publishers, 1995. P. 340.

⁵⁶⁷ Longworth P. *The Rise and Fall of Venice*. London: Constable, 1974. P. 1–3.

⁵⁶⁸ О связи римских традиций и установлений в городах#государствах, их влиянии на формирование в Западной Европе концепции полноценной частной собственности, в том числе частной собственности на землю, см.: Kiernan V. G. *Private Property in History* // Goody J., Thirsk J., Thompson E. P. (eds.) *Family and Inheritance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P. 361–398.

⁵⁶⁹ Авторы эпохи Возрождения прямо проводят линию от античности к итальянским городам#государствам. Все, что между этими периодами, для них – эпоха германского варварства (см.: Waley D. *The Italian City-Republics*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1969; Ястребицкая А. Л. *Средневековая Европа глазами современников и историков*. Ч. 4: От Средневековья к Новому времени. Новый человек. М.: Интерпракс, 1994. С. 84, 86).

⁵⁷⁰ В Северной Италии и Тоскане во времена империи было около сотни муниципалитетов. К 1000 году 3/4 из них сохранились. О преемственности итальянских городов#государств по отношению к городам античного периода см.: Wickham C. *Early Medieval Italy. Central Power and Local Society 400–1000*. London; Basingstoke: The Macmillan Press LTD, 1981. P. 80.

городах#государствах оживают почти забытые в период позднего Рима традиции полисной самоорганизации и совместной обороны от внешней угрозы, обычаи и нравы свободных горожан⁵⁷¹. В Италии лангобардская знать, как впоследствии и франкская, чаще селится в городе, чем в укрепленных замках⁵⁷².

В Западной Европе было широко распространено традиционное правило: каждый, проживший в городе год и один день, становится свободным гражданином. Недаром в то время говорили: “Городской воздух делает человека свободным”⁵⁷³. Возможность бегства в город была одним из факторов, подрывающих европейское крепостничество. “Гражданская свобода, – отмечает историк А. Дживелегов, – распространялась радиусами из больших промышленных и торговых центров; в частности, Средняя и Северная Италия, где всего раньше и всего сильнее забила ключом промышленная и торговая жизнь, сделалась в то же время первым очагом крестьянской эмансипации”⁵⁷⁴. В традициях Западной Европы связывать городской стиль жизни с особыми правами и свободами, которые предоставляются горожанам.

Сокращение населения Европы, связанное с чередой эпидемий XIV в., изменило соотношение между двумя важнейшими ресурсами аграрного общества – землей и рабочей силой. Труд стал дефицитным ресурсом. На этот вызов было два альтернативных ответа: первый – конкуренция привилегированного сословия за крестьянские рабочие руки, переход к более привлекательным условиям аренды, отказ от личной зависимости. По этому пути при всех колебаниях, попытках знати повернуть развитие событий вспять движется Европа к западу от Эльбы. К востоку от Эльбы развитие событий носит иной характер. Здесь консолидированное привилегированное сословие, отвечая на сокращение численности зависимого крестьянского населения, избирает второй путь: прикрепление крестьянства к земле, все более жесткое его закрепощение, перевод крепостных крестьян в статус, мало отличающийся от положения рабов античности. Эти расходящиеся траектории впоследствии окажут фундаментальное влияние на социально-экономическое развитие стран, оказавшихся по разные стороны разделительной линии. Причины столь диаметрального развития событий к западу и востоку от Эльбы невозможно объяснить этническими различиями⁵⁷⁵.

Дискуссия о причинах различия положения крестьян к западу и востоку от Эльбы начиная с XIV–XV вв. будет продолжаться бесконечно. Но многие исследователи, занимавшиеся этим вопросом, обращали внимание на наличие развитых, пользующихся широкой автономией или независимостью, самоуправляющихся городов, куда можно было бежать от неугодного сеньора, как на важнейшую причину распада крепостнических институтов в Западной

А. Сванидзе справедливо отмечает: “Это были социально другие города, но традиции городского образа жизни впитались средневековым обществом на этих территориях вместе с воздухом античной культуры, с античным наследием вообще” (см.: Сванидзе А. А. *Го род в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. М.: Наука, 1999. С. 10).

⁵⁷¹ О взаимосвязи традиций муниципальной организации римских городов и формировании институтов, обеспечивающих автономию или независимость города в Западной Европе, см.: Кулишер И. М. *История экономического быта Западной Европы*. Т. 2. М.; Л., 1931. С. 321.

⁵⁷² О сохранении традиций жизни в городах после лангобардского завоевания см.: Wickham C. *Early Medieval Italy. Central Power and Local Society 400–1000*. London; Basingstoke: The Macmillan Press LTD, 1981. P. 74.

⁵⁷³ Гофф Ж. Л. *Цивилизация средневекового Запада*. Сретенск: МЦИФИ, 2000. С. 276. М. Постан отмечал, что средневековые города были “внефеодальными островами в феодальном море” (см.: Postan M. M. *The Medieval Economy and Society. An Economic History of Britain in the Middle Ages*. Harmondsworth: Penguin Books, 1975. P. 212).

⁵⁷⁴ Дживелегов А. К. *Средневековые города в Западной Европе*. СПб.: Типография А. О. Брокгауз – Ефрон, 1902. С. 234.

⁵⁷⁵ Такие попытки предпринимались. Некоторые исследователи связывали разное развитие событий с тем, что Эльба разделяет районы, традиционно заселенные германскими и славянскими племенами (см.: Knapp J. F. *Über Leibeigenschaft // Gesammelte Beiträge zur Rechts und Wirtschaftsgeschichte des Württembergischen Bauernlandes*. Tübingen, 1902). В научной полемике вряд ли имеет смысл ссылаться на очевидно расистский характер подобных построений. Но они просто не соответствуют исторической действительности. Территория Восточной Германии, Венгрия, Трансильвания не были заселены славянами.

Европе, и на их отсутствие как на фактор усиления крепостнического режима в Восточной Европе⁵⁷⁶.

Города#государства начала 2#го тысячелетия н. э. восприняли переданный в наследство новой западноевропейской цивилизации социально-экономический генотип античности. Здесь все иначе, чем в еще доминирующем аграрном мире Западной Европы. Сам городской стиль жизни открывает немыслимые в деревне возможности самоорганизации и взаимодействия горожан⁵⁷⁷. Го родские стены, своего рода символ той эпохи, позволяют организовать коллективную защиту от разбойников, местного сеньора или агрессивного государя⁵⁷⁸. Ф. Бродель пишет: “Но всякий раз... существовали два «бегуна»: государство и город. Государство обычно выигрывало, и тогда город оставался подчиненным его тяжелой руке”⁵⁷⁹. Но вот что удивительно: в первые столетия европейской урбанизации полнейшую победу одержал именно город, во всяком случае, так было в Италии, Фландрии, Германии. И то, что он приобрел достаточно долгий опыт самостоятельной, независимой от государства жизни, стало поистине историческим событием. При этом доля сельскохозяйственного труда в занятости населения свободных горожан по стандартам аграрной цивилизации необычно низка⁵⁸⁰. Причина этого очевидна. Со времен античности отношение европейцев к труду, прежде всего к наемному ручному труду, кардинально изменилось. В античном обществе трудовая деятельность ассоциировалась с рабством⁵⁸¹. Христианство – религия низкостатусных групп населения – создавало основу для разрыва с античной традицией пренебрежения к физическому труду. Как сказано во Втором послании апостола Павла фессалоникийцам, “...если кто не хочет трудиться, тот и не ешь”⁵⁸². Этим объясняется широкое распространение занятости в ремесле и мануфактуре свободных граждан.

Еще одна особенность западноевропейского города по отношению к античному относится к военной сфере. Греческая фаланга, римский легион – оптимальные для своего времени боевые структуры, по крайней мере, для удаленного от евразийской степи Средиземноморья. У полиса всегда был соблазн использовать свою военную организацию против соседей. В условиях западноевропейского Средневековья наилучшая боевая структура – тяжеловооруженная рыцарская конница. Для городов#государств выставить ее сложно. Сами отношения между благородными всадниками и простолюдинами-пехотинцами ставят перед городским самоуправлением бесчисленные проблемы. Нередко выступления простолюдинов приводят к бегству рыцарей из города. Появляется потребность в дополнитель-

⁵⁷⁶ Сказкин С. Д. *Основные проблемы так называемого “второго издания крепостничества” в Средней и Восточной Европе*. М., 1958. С. 96–119; Кулишер И. М. *История экономического быта Западной Европы*. Т. 2. М.; Л., 1931. С. 105–106; *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма*. Т. II: Крестьянство Европы в период развитого феодализма. М., 1986. С. 512–514; Blum J. *Lord and Peasant in Russia. From the Ninth to the Nineteenth Century. Some Conclusions and Generalizations*. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1961. P. 609–610.

⁵⁷⁷ “Западный город подарил средневековой монархической эпохе демократические, республиканские формы правления... По преимуществу из городов исходили импульсы и новации, преобразовавшие Средневековье” (см.: Сванидзе А. А. *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. М.: Наука, 1999. С. 11).

⁵⁷⁸ “Решающим фактом было то, что с самого начала западный город был способен защитить себя... Он состоял из горожан-солдат, которые не идентифицировали себя ни с каким политическим сообществом, не связанным с городом” (см.: Baechler J. *The Origins of Capitalism*. Oxford: Basil Blackwell, 1975. P. 67).

⁵⁷⁹ Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. С. 544.

⁵⁸⁰ Подобно тому как у многих кочевых племен существовал запрет на занятие земледелием, в некоторых итальянских городах, например в Пизе, действовал прямой запрет для горожан заниматься сельским хозяйством (см.: Waley D. *The Italian City-Republics*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1969. P. 106).

⁵⁸¹ “Позднеантичная цивилизация не признавала высокого достоинства физического труда. Термин «negotium» («дело», «занятие», «труд») имел также значение «досада», «неприятность». К концу античной эпохи занятие земледелием уже не относили к числу гражданских добродетелей, как это было в более патриархальный период” (см.: Гуревич А. Я. *Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства*. М.: Искусство, 1990. С. 36).

⁵⁸² Библия. Новый Завет. Второе послание к фессалоникийцам Святого Апостола Павла. Гл. 3. Ст. 10.

ных расходах на содержание наемников. Этим и объясняется, говоря современным языком, оборонительный характер военных доктрин, которых придерживаются города#государства постантического периода. Они редко ведут наступательные действия. К мирным занятиям, в том числе к ремеслу и торговле, здесь относятся с особым уважением. Поэтому они и развиваются, ведь основная часть городского населения – ремесленники и торговцы.

Экономика европейских городов ориентирована на рынок. Если западноевропейская деревня начала 2#го тысячелетия – мир натурального хозяйства, где большая часть выращенных продуктов потребляется в семье, то городской мир уже шагнул в рыночное пространство. Распространение городов#государств с их торговой специализацией и всеми реалиями Средиземноморья способствовало необычно широкому, по стандартам традиционных аграрных обществ, распространению в Европе торговли массовыми товарами: зерном, рыбой, шерстью, металлами, древесиной. Это меняет баланс стимулов к созданию и применению технологических инноваций. В традиционной деревне нововведения, которые позволяют повысить эффективность производства, – лишний повод к повышению податей, поэтому появляются и распространяются они медленно. В городе начала второго тысячелетия новые технологии, повышение качества продукции, снижение издержек, более эффективные формы торговли, применение новых торговых и финансовых инструментов дают дополнительную прибыль. Отказ от инноваций приводит к потере позиций на рынке и возможности продолжать свое дело, а порой и к разорению. Торговый город в застойном аграрном мире становится очагом распространения новшеств⁵⁸³.

Города#государства с характерной для них высокой ролью торговцев в управлении были центрами создания современного коммерческого права, правосудия, адекватного условиям развитой торговли.

Прогрессу торговых городов способствует новая структура налогов. Именно здесь зарождаются налоговые системы, с определенными изменениями пришедшие в мир современного экономического роста. Их формируют не специализирующиеся на насилии элиты аграрных обществ, а горожане, объединенные в более или менее демократичные сообщества налогоплательщиков. Как правило, торговые города#государства получают подавляющую часть доходов от косвенных налогов и таможенных сборов. Прямые налоги распространены мало и по античной традиции обычно вводятся лишь в чрезвычайных обстоятельствах⁵⁸⁴. В городах#государствах применительно к прямым налогам была широко распространена практика оценки налоговых обязательств самим налогоплательщиком. Иногда налоговое бремя становилось тяжелым для горожан, известны случаи массового уклонения от уплаты налогов. Однако в городах, как правило, не было ни сборщиков прямых налогов, ни круговой поруки – того, что в аграрных обществах всегда ограничивало стимулы к эффективным инновациям.

Еще одна характерная черта западноевропейского города#государства – необычно высокий по стандартам аграрных обществ уровень образования. Идущая от античности традиция аномально высокой для аграрного мира грамотности в Северной Италии никогда не была полностью утрачена⁵⁸⁵. Во Флоренции примерно половина взрослого мужского населения в XIV в. была грамотной. В итальянских городах учителей и учащихся нередко освобождали от военной службы. В Модене каждый, кто учился в этом городе, получал

⁵⁸³ О Флоренции XIII в. как о капиталистическом городе см.: Зомбарт В. *Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека*. М.: Наука, 1994. С. 105, 106. О капиталистической организации венецианского хозяйства см.: Cox O. C. *Foundation of Capitalism*. New York, 1959. P. 62. Л. Васильев прав, утверждая, что “капитализм... детище европейского города и эпохи Возрождения, прямой наследник античности (а не феодализма, как это подчас по инерции кое-кто себе представляет)” (см.: Васильев Л. С. *История Востока*: В 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа. 2003. С. 16).

⁵⁸⁴ Waley D. *The Italian City-Republics*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1969. P. 78, 79.

⁵⁸⁵ Everett N. *Literacy in Lombard Italy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 568–774.

его гражданство. К XIII в. многие города создали муниципальные школы с преподаванием на латыни, заработную плату учителям платил муниципалитет⁵⁸⁶. С. Д. Сказкин отмечал, что “Возрождение есть продукт городского развития Средних веков”⁵⁸⁷.

Социальный опыт городов#государств Италии получает широкое распространение в Европе, причем не только в Западной. Организация военного дела, основанная на рыцарской коннице, на укрепленном замке, побуждает викингов переходить от морского разбоя к торговле. Еще в VIII–IX вв. они были пиратами, а в X–XI вв. быстро превращаются в мореходов-торговцев и легко перенимают адекватный их реалиям опыт торговых городов#государств, их организацию, уклад жизни. Благодаря норманнам-викингам заимствованные в Северной Италии общественные модели достигают России, материализуются в социальной организации Новгорода и Пскова⁵⁸⁸.

Сформированные с учетом опыта ганзейских городов⁵⁸⁹ характерные черты организации общественной жизни Новгорода и Пскова – высокая урбанизация, распространение торговли в качестве важнейшего вида хозяйственной деятельности, известный нам по знаменитым берестяным грамотам необычно высокий для аграрных обществ уровень грамотности – свидетельствуют о влиянии возрожденных в итальянских городах#государствах античных традиций на социальное развитие Восточной Европы. Город#государство начала 2#го тысячелетия близок к европейским стандартам начала XIX в.⁵⁹⁰. Производство ориентировано на рынок, четко регламентированы права собственности. Главная роль в управлении городами#государствами, как правило, принадлежала торговому сословию. Установления и правовые нормы были ориентированы на поддержку торговли, защиту собственности и выполнение контрактов⁵⁹¹. Широко распространен наемный труд; определены налоговые обязательства, действует демократия налогоплательщиков⁵⁹². Все это очень напоминает раннекапиталистическое общество, существовавшее в конце XVII – начале XIX в. в наиболее развитых странах Западной Европы – Англии и Голландии. Неудивительно, что К. Маркс колебался, решая, к какому социальному строю относить западноевропейские

⁵⁸⁶ Waley D. *Op. cit.* P. 101.

⁵⁸⁷ Сказкин С. Д. *О методологии истории Возрождения и гуманизма* // Средние века. Т. XI. М., 1958. С. 134.

⁵⁸⁸ О связи специфики институтов городов#государств Северо-Западной России с заимствованием европейского опыта институционального развития см.: Birnbaum H. *Lord Novgorod the Great: Essays in the History and Culture of a Medieval City-State*. Columbus, 1981; Idem. *Novgorod and Dubrovnik: Two Slavic City Republic and Their Civilization*. Zagreb. 1989; Blockmans W. P. *Voracious States and Obstructing Cities: An Aspect of State Formation in Preindustrial Europe* // Tilly C., Blockmans W. (eds.). *Cities and the Rise of States in Europe, A. D. 1000 to 1800*. Boulder: Westview, 1994. P. 218–250; O’Brian P. (ed.). *Urban Achievement in Early Modern Europe: Golden Ages in Antwerp, Amsterdam and London*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 40–52.

⁵⁸⁹ Интенсивный торговый обмен и институциональная близость с городами Балтики у Новгорода и Пскова сложились задолго до формального образования Ганзейского союза. Создание Ганзы лишь закрепило эти связи (см.: Раушник Г. П. *История немецкой Ганзы*. Ч. 1. М., 1849. С. 5–10).

⁵⁹⁰ “Роль, которую сыграла Северная Италия в развитии капиталистических институтов, была критической. Так, многие кажущиеся нововведения в коммерческой организации Северной и Западной Европы были на деле распространением того, что давно было практикой, получившей распространение в Северной Италии. Это распространение можно вспомнить по названию Ломбардской улицы в Лондоне” (см.: Rosenberg N., Birdzell E. L. *How the West Grew Rich*. New York: Basic Books Inc., Publishers, 1986. P. 76).

⁵⁹¹ В 1242 г. в Венеции был принят пятитомный свод законов, три тома из которого посвящены регулированию коммерческой деятельности – заключению контрактов, залогу, вексельному праву и т. д. (см.: Longworth P. *The Rise and Fall of Venice*. London: Constable, 1974. P. 65).

⁵⁹² “Контраст между самоуправляющимися купеческими городами-республиками и мусульманскими городами, полностью подчиненными государству, не имеющими никакого правового оформления, настолько велик, что в появлении самоуправления, естественно, видится та черта, за которой быстро развивающаяся Западная Европа начинает обгонять Ближний Восток.... Ни в одном социологическом, юридическом или этико-правовом сочинении средневековых мусульманских авторов не высказывается мысль о необходимости городского самоуправления и особой юрисдикции, никто из них, говоря о притеснениях и злоупотреблениях властью имущих, не сетует на отсутствие особых прав горожан, словно мысль об этом им вообще не приходит в голову” (см.: Большаков О. Г. *Средневековый город Ближнего Востока VII – сер. XIII в.* М.: ИФ РАН “Восточная литература”, 2001. С. 288, 289).

города#государства. У него можно встретить пассажи, где они причисляются к капиталистическим обществам⁵⁹³, что явно противоречит самой логике его основополагающей концепции о жесткой связи производительных сил и производственных отношений. Впоследствии Маркс отказывается от такого определения городов#государств⁵⁹⁴. Дискуссия об их социально-экономической структуре продолжается на протяжении последних полутора веков. Но если допустить возможность сосуществования принципиально разных институциональных структур на сходных уровнях технологического развития, которую подтверждают все реалии XX в., то в западноевропейских городах#государствах очевидны ростки нового способа общественной организации, получившего широкое распространение на рубеже XVII–XVIII вв.

Опыт городов#государств – в то время очевидных лидеров западноевропейского экономического развития, центров масштабной международной торговли – оказывает влияние на политику и институциональную эволюцию аграрных государств. Это влияние легко проследить на примере Португалии с характерными для нее традициями дополняющего сельского хозяйства рыболовства в открытом море⁵⁹⁵. Географические и технологические причины способствуют здесь развитию дальней торговли. В сельском хозяйстве Португалии наблюдается необычно глубокая для аграрного мира специализация: сокращаются посевы зерновых, расширяются площади, выделяемые под виноградники и оливковые рощи, сахарный тростник и посадки пробкового дуба. Политические перемены 1385 года, по решению кортесов приводят к власти Ависскую династию, опирающуюся на города и ориентирующуюся в своей экономической политике на развитие торговли.

Однако сами города#государства живут, окруженные миром традиционной аграрной Европы. На их развитие влияет европейское общество. Один из каналов влияния – идеи о разумных формах государственного устройства. В начале 2#го тысячелетия доминируют представления об идеальном обществе как обществе стратифицированном, где знать и простолюдины отделены друг от друга, а социальное неравенство передается по наследству. В этом радикальное отличие от периода классической античности. С одной стороны, средневековая традиция предполагает четкую дистанцию между знатью (рыцарями) и простолюдинами, с другой – сама организация города#государства, аналога античного полиса, требует солидарности граждан, того, чтобы они осознавали себя членами сообщества, у которого общие интересы и которое решает вопросы собственной организации “всемирно”. Такое противоречие порождает в городах#государствах череду внутренних смут и беспорядков, конфликт элиты и простолюдин, который нередко представляют как противостояние рыцарей-всадников и пеших воинов. Однако, как и в истории античного полиса, ключевую роль в кризисе средневековых городов#государств играют не внутренние конфликты, а ограниченность военных ресурсов, которые способны мобилизовать сообщество горожан. В самом деле, численность населения даже самого крупного западноевропейского города#государства – Венеции, этой маленькой империи, не превышает полутора миллионов человек. В других городах жителей намного меньше.

Пока города#государства соседствовали со слабыми западноевропейскими государствами раннего Средневековья, их независимость можно было сохранить. Но с усилением соседей, с ростом численности их армий это становится невозможным. Тем не менее городская самоорганизация продолжает оказывать серьезное влияние на эволюцию западноевропейских аграрных стран.

⁵⁹³ О зачатках капиталистического производства в городах Средиземноморья XIV в. (см.: Маркс К., Энгельс Ф. *Со ч.* 2#е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 728, 729).

⁵⁹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2#е изд. Т. 26. Ч. II. М.: Госполитиздат, 1963. С. 328.

⁵⁹⁵ О связи широкого распространения рыболовства в Португалии с ее ролью в Великих географических открытиях см.: Можейко И. В. *Пираты, корсары, рейдеры.* СПб., 1994. С. 16, 17.

§ 3. Великие географические открытия: их база и влияние на создание предпосылок современного экономического роста

Долгое сосуществование многочисленных независимых, но объединяемых католической религией государств подталкивает к институциональной конкуренции, заимствованию друг у друга институтов, которые способствуют сохранению обороноспособности или, что то же самое, росту масштабов мобилизуемых для содержания армии финансовых ресурсов⁵⁹⁶. Несмотря на пестроту политической карты, Европа остается единым культурным полем, на котором социально-экономические инновации, имеющие военный эффект, получают широкое распространение за время жизни одного-двух поколений. Само по себе это не объясняет специфику эволюции европейских институтов. Индия тоже была конгломератом государств, объединенных общей религией и культурой. Но этого мало. Подъем Европы можно объяснить уникальным сочетанием своеобразного античного наследия и длительного аномального развития, нарушившего логику организации аграрных цивилизаций.

Обмен техническими знаниями, миграция квалифицированных профессионалов, конкуренция за них – характерные черты европейского мира этого времени, обусловленные сочетанием двух его характерных свойств: культурным единством и отсутствием единой доминирующей империи, соревнованием национальных государств за финансовую и военную мощь. Х. Колумб, родившийся в Генуе, проведший долгие годы в Португалии и открывший Америку для испанской короны, в этой связи не исключение, а лишь проявление духа времени. Ф. Магеллан был португальским моряком, плававшим под испанским флагом. Флорентиец А. Веспуччи совершал путешествия под испанскими и португальскими флагами. Англичанин Х. Хадсон был штурманом на службе у голландской Ист-Индской компании. Таких примеров множество⁵⁹⁷.

Что послужило базой Великих географических открытий конца XV–XVI в.? Почему именно в это время Европа объединяет ойкумену, формирует контролируемые ею регулярные торговые связи между крупными цивилизациями мира? В какой степени это связано с динамикой быстрорастущего европейского населения, спецификой экстенсивного (если сравнить его с китайским или индийским) сельского хозяйства? Какую роль в этом сыграло падение Константинополя, усиление Турции, обретение ею контроля над восточным Средиземноморьем, восточной торговлей? Это те вопросы, которые будут обсуждаться бесконечно. Вряд ли на них можно дать однозначный ответ, но некоторые вещи очевидны. Великие географические открытия продемонстрировали ускорение технического прогресса в Европе, обретение ею лидерства в мире⁵⁹⁸. Еще в начале XV в. китайские пушки не уступали европейским. К началу следующего века вооруженный усовершенствованными артиллерийскими орудиями европейский корабль – бесспорный хозяин морей. Небольшие португальские эскадры доминируют в Индийском океане.

Еще одна характерная черта европейской цивилизации, проявившаяся в это время, – конкурентный характер политики европейских государств, их соревнование в использова-

⁵⁹⁶ На это обратил внимание Э. Джонс. В. Каспер назвал такое институциональное соревнование эффектом Э. Джонса (см.: Jones E. *The Record of Global Economic Development*. Cheltenham Northampton: Edward Elgar Publishing Inc., 2002. P. 38–40; Kasper W. *The Open Economy and the National Interest* // Policy. Winter 1998. P. 22).

⁵⁹⁷ См., например: Shennan M. *The European Dynamic: Aspects of European Expansion, 1450–1715*. London: Adam & Charles Black, 1976. С. 24.

⁵⁹⁸ С середины XVI в. представление о превосходстве Европы над другими мировыми цивилизациями по уровню технического развития, военной мощи, развитию культуры становится доминирующим среди европейской элиты (см.: Shennan M. *The European Dynamic: Aspects of European Expansion, 1450–1715*. С. 24).

нии инноваций и новых идей. Здесь контраст с Китаем очевиден. Чтобы остановить череду масштабных морских экспедиций, предпринятых Китайской империей в первой половине XV в., было достаточно решения императора. В Европе это невозможно. План Колумба был отклонен португальской короной после внимательного обсуждения экспертами. Португалия к этому времени вложила слишком много усилий в морские путешествия вдоль западного побережья Африки, близко подошла к возможности выхода в Индийский океан⁵⁹⁹. Связываться в этой ситуации с сомнительными предприятиями было неразумно. Если бы европейская цивилизация напоминала китайскую, этого было бы достаточно, чтобы закрыть тему. В Европе все не так. План Колумба, предложенный нескольким королевским дворам, многократно обсуждался и в конце концов был поддержан испанской короной⁶⁰⁰. В свою очередь, дальнейшие трансатлантические экспедиции Испании и Португалии на протяжении исторически короткого времени – двух-трех поколений – сделали неизбежным вовлечение Голландии, Англии, Франции в дальнюю торговлю.

Если важнейшая черта аграрного мира – традиционность, верность укорененным на протяжении столетий установлениям, то Великие географические открытия демонстрируют ее радикальное отрицание, готовность порвать с традицией, экспериментировать с новыми способами решения проблем⁶⁰¹. Португальский принц Генрих-мореплаватель, организатор дальних морских экспедиций в Атлантический океан в XV в., любознательный, готовый поддерживать новые решения, организовывать систематическое накопление полезных для морского дела знаний – яркое воплощение духа Европы этого времени.

Дальнее рыболовство в Атлантическом океане на протяжении веков было важной отраслью португальской экономики, приведшей к широкому использованию навыков организации морского дела, необходимых для этого знаний и технологий, вовлеченности в систему европейской торговли, в первую очередь с Флоренцией. Как отправная точка трансатлантических экспедиций Иберийский полуостров был удобно расположен. Именно на его широтах возможны дальние путешествия в Атлантический океан, при которых на пути в обе стороны можно использовать попутный ветер. Технологии для подобных путешествий в более северных широтах появятся лишь десятилетия спустя. Но роль этих географических различий в создании предпосылок современного экономического роста – частности. Развитие событий в Европе в XV – начале XVI в. – растущий объем знаний и навыков, которые могли быть использованы в морском деле, массовое распространение книгопечатания, конкуренция за рынки, политическое соревнование европейских государств – делало географическую экспансию Европы неизбежной в той степени, в которой можно говорить о неизбежности в историческом процессе.

Китайские экспедиции XV в. никогда не были коммерчески мотивированы. Их организовывала власть, и задачи, которые ставились ею, были в первую очередь политическими – демонстрация мощи, престижа, в меньшей степени – любопытство⁶⁰². В обосновании евро-

⁵⁹⁹ О связи отклонения проекта Х. Колумба с накопленным португальскими властями опытом дальних путешествий к западному побережью Африки см.: Chaunu P. *European Expansion in the Later Middle Ages* // Vaughan R. (ed.). *Europe in the Middle Ages. Selected Studies*. Vol. 10. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1979. С. 149, 150.

⁶⁰⁰ Об истории обсуждения проекта Х. Колумба см.: Магидович И. П., Магидович В. И. *Очерки по истории географических открытий*. Т. 2: Великие географические открытия (конец XV – середина XVII в.). М., 1983. С. 14–16. В морском деле Испания в конце XV в. по отношению к Португалии была страной “догоняющего развития”. Экспедиция Х. Колумба и открытие Америки – масштабный, хотя и своеобразный пример использования того, что А. Гершенкрон называл “преимуществом отсталости”.

⁶⁰¹ О дискуссии по вопросу о непосредственных поводах к началу Великих географических открытий в XV в. см.: Shennan M. *The European Dynamic: Aspects of European Expansion, 1450–1715*; Chaunu P. *European Expansion in the Later Middle Ages* // Vaughan R. (ed.). *Europe in the Middle Ages Selected Studies*. Vol. 10.

⁶⁰² О разнице мотивов к дальним морским экспедициям в Китае и Европе см.: Needham J. *Science and Civilisation in China*. Vol. 3. *Mathematics and the Sciences of the Heavens and the Earth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1959.

пейских дальних экспедиций присутствовали политические моменты, в первую очередь связанные с распространением христианской веры, однако то, что их важнейшим мотивом был интерес к созданию альтернативных торговых путей, получению конкурентных преимуществ, делало их приостановку невозможной⁶⁰³. Место, покинутое торговцами одного государства, занимали представители другого.

Как справедливо пишет К. Киполла, европейская морская экспансия была одним из событий, проложивших дорогу промышленной революции. Отрицать это на том основании, что торговцы Западной Индии или искатели приключений в Восточной Индии не были в числе предпринимателей, которые создали фабрики в Европе, так же бессмысленно, как отрицать связь между научной революцией и промышленной революцией на основании того, что ни Галилей, ни Ньютон не строили текстильных фабрик в Манчестере⁶⁰⁴.

⁶⁰³ Васко да Гама по прибытии в Калькутту разъяснил индийцам, что он прибыл сюда в поисках христиан и специй (см.: Parry J. H. *The Age of Reconnaissance: Discovery, Exploration and Settlement, 1450–1650*. London: Cardinal, 1973. С. 35); Б. Лас Касас, автор «Кратчайшей истории разрушения Индии», написал о конкистадорах: «Они шли с крестом в руке и с ненасытной жадой золота в сердце» (см.: *Путешествия Христофора Колумба: Дневники, письма, документы* / И. П. Магидович (ред.). М.: Географгиз, 1961. С. 9).

⁶⁰⁴ Cipolla C. M. *Guns and Sails in the Early Phase of European Expansion, 1400–1700*. London, 1965.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.